400
4.

Сравнительное языковѣдѣніе.

(Введеніе).

АННУЛИРОВАНО

400
П 59

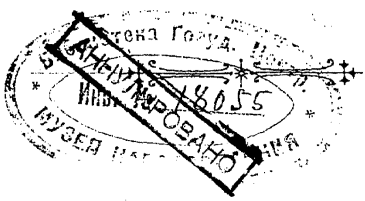
ЛЕКЦІИ

Э. О. Пр. В. К. Поржезинскаго,

читанныя I и II курсамъ историко-филологическаго факультета

Императорскаго Московскаго Университета

въ 1903—4 ак. году.



МОСКВА.
Типо-Литографія Ю. ВЕНЕРЪ преемн. О. Фалькъ.
Петровка. Рахмановскій пер., д. Грачева.
1903.

12

МОСКВА.
Типо-Литографія Ю. ВЕНЕРЪ преемн. О. Фалькъ.
Петровка. Рахмановскій пер., д. Грачева.
1902.

ПРЕДМЕТЪ ЯЗЫКОВѢДѢНІЯ.

Господа!

Предметомъ моего курса будетъ введеніе въ сравнительное языковѣдѣніе. Я имѣю въ виду познакомить Васъ съ задачами, которыя преслѣдуетъ эта наука, съ тѣми методами, которыми она пользуется, и, наконецъ, съ главнѣйшими результатами, ею добытыми.

Задача науки о языкѣ - изслѣдованіе языка въ его исторіи. Извѣстно, что языкъ измѣняется во время своего существованія: напр., нашъ современный русскій языкъ въ его литературномъ нарѣчіи уже не тотъ языкъ, которымъ писалъ Несторъ свою лѣтопись. А разъ языкъ представляетъ послѣдовательную с м ѣ н у явленій, разъ всякій языкъ, существующій въ живомъ употребленіи, представляетъ собою видоизмѣненіе языка предшествующей эпохи, необходимо историческое изученіе его. При этомъ историческомъ изслѣдованіи оказывается, что извѣстные языки имѣютъ болѣе или менѣе тѣсное родство по происхожденію; изучая одинъ такой языкъ въ его по-

слѣдовательныхъ измѣненіяхъ, въ его исторіи [x] , мы открываемъ, что онъ нѣкогда съ тѣмъ или другимъ языкомъ составлялъ одинъ общій языкъ, распавшійся съ теченіемъ времени на данные языки. Такъ, изучая, напр., исторію русскаго языка, мы открываемъ ту эпоху въ его жизни, когда онъ составлялъ одно цѣлое съ другими славянскими языками; далѣе, оказывается, что возстановленный нами общеславянскій языкъ находится въ ближайшемъ родствѣ по происхожденію съ языкомъ общебалтійскимъ, который мы открываемъ путемъ историческаго изученія литовскаго, латышскаго и прусскаго языковъ, слѣдовательно, существовала нѣкогда эпоха, когда общеславянскій и общебалтійскій языкъ составляли одинъ такъ-называемый балтійскославянскій (или литовскославянскій) языкъ. Этотъ послѣдній въ свою очередь оказывается родственнымъ по происхожденію съ языкомъ общенѣмецкимъ, или общегерманскимъ (родоначальникомъ отдѣльныхъ нѣмецкихъ, или германскихъ, языковъ), общеиталійскимъ, общегреческимъ и нѣкоторыми другими, однимъ словомъ, входитъ въ составъ индоевропейской семьи

---

[x] *Исторіей языка мы называемъ, во-первыхъ, изученіе его фактовъ въ ихъ преемственной связи, въ преемственности ихъ измѣненія, а, во-вторыхъ, примѣняемъ этотъ терминъ и къ самому послѣдовательному измѣненію языка во время его существованія, т. е. всю совокупность его фактовъ въ ихъ послѣдовательномъ измѣненіи мы называемъ исторіей языка.*

языковъ. Общій индоевропейскій праязыкъ (родоначальникъ балтійскославянскаго, общенѣмецкаго, общеиталійскаго и нѣкоторыхъ другихъ языковъ) и открывается наукою путемъ сравнительно-историческаго изученія его потомковъ. Итакъ, первая задача науки о языкѣ , какъ исторіи человѣческаго языка, это - опредѣленіе генеалогическихъ отношеній между языками и сравнительно-историческое изученіе родственныхъ языковъ.

Во-вторыхъ, наука о языкѣ изучаетъ всѣ отдѣльные языки и по отношенію къ тѣмъ общимъ сходствамъ и различіямъ, которыя обусловливаются общими сходствами и различіями въ физической и духовной организаціи человѣческой природы. Такое сравнительное изученіе нельзя смѣшивать съ сравнительноисторическимъ изслѣдованіемъ родственныхъ языковъ,о которомъ я говорилъ выше. Имѣя въ виду общія сходства человѣческой природы у отдѣльныхъ народовъ и расъ и обусловленное этимъ обстоятельствомъ общее сходство всѣхъ человѣческихъ языковъ по отношенію къ основнымъ процессамъ, мы и можемъ говорить объ одномъ человѣческомъ языкѣ.

То, что наука о языкѣ пользуется въ широкой степени сравнительнымъ методомъ - нами сравниваются родственные по происхожденію языки по отношенію къ фактамъ родства, сравниваются далѣе всѣ языки по отношенію къ общимъ сходствамъ и различіямъ, - и дало по-

водъ называть науку о языкѣ, или языковѣдѣніе, "сравнительнымъ языковѣдѣніемъ". Но это не мѣняетъ нисколько сущности дѣла. Есть только одна наука о языкѣ, какъ бы мы ее ни называли. Отъ научнаго изученія языка надо, понятно, отличать практическое изученіе того или другого языка, имѣющее своею задачею познакомить насъ съ лексическимъ составомъ даннаго языка и съ формальными особенностями въ томъ или другомъ фазисѣ его существованія. Въ средней школѣ Вы имѣли дѣло съ изученіемъ разныхъ языковъ именно по этому шаблону, съ наукой о языкѣ въ ея цѣломъ Вы встрѣчаетесь въ университетѣ впервые, если не принимать во вниманіе тѣхъ отрывочныхъ, болѣе или менѣе неточныхъ свѣдѣній по исторіи языка, которыя проникаютъ и въ школьное преподаваніе.

ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ ЯЗЫКОВѢДѢНІЯ.

Интересъ къ наблюденію надъ языкомъ, далѣе къ изученію языка возникъ очень давно. Какъ и слѣдуетъ ожидать, этотъ интересъ имѣлъ на первыхъ порахъ преимущественно утилитарный характеръ. Въ самомъ дѣлѣ, культурные народы должны были нѣсколько призадуматься надъ своими языками уже или при изобрѣтеніи письменныхъ знаковъ, или при усвоеніи этихъ послѣднихъ отъ сосѣдей,

когда требовалось приспособить къ своему языку чужой алфавитъ. Много усилій было потрачено на то, чтобы разложить связную рѣчь на ея составные элементы, слова, слова на слоги и, наконецъ, слоги на отдѣльные звуки. Каждая стадія на этомъ пути отмѣчена и въ исторіи письменности: отъ іероглифовъ человѣчество переходило къ изображенію отдѣльнымъ знакомъ слога и, наконецъ, отдѣльнаго звука. Не всѣ, понятно, народы прошли всѣ эти стадіи: великимъ благомъ для культурнаго развитія человѣчества является, какъ извѣстно, то обстоятельство, что культурныя завоеванія передаются отъ одного племени къ другому. Не слѣдуетъ также думать, что съ того момента, когда возникло слоговое письмо, людямъ стало вполнѣ ясно, что̀ такое слогъ, равно какъ впослѣдствіи не сразу было опредѣлено, что̀ такое отдѣльный звукъ рѣчи. На первыхъ порахъ было найдено только самое общее опредѣленіе, именно было замѣчено, что извѣстные звуковые элементы повторяются въ цѣломъ рядѣ словъ (напр., въ русскихъ словахъ камень, каленый, казнить такимъ элементомъ является сочетаніе ка), слѣдовательно, они могутъ быть обозначены однимъ общимъ знакомъ; на дальнѣйшей ступени развитія точно такимъ же образомъ было найдено, что эти элементы въ свою очередь разлагаются на составныя части (въ нашемъ примѣрѣ к и а); такъ было изобрѣтено фонетическое письмо. Эти наблюденія, какъ

мы видимъ, касаются лишь того матеріала, изъ котораго состоитъ нашъ языкъ, и пока не идутъ дальше.

Факты самого языка были затронуты человѣческою мыслію нѣсколько позже. Къ этому могло приводить пытливые умы, съ одной стороны, то обстоятельство, что вслѣдствіе постепеннаго измѣненія языка литературное наслѣдіе прежнихъ эпохъ, которымъ особенно дорожило потомство въ силу какихъ-либо религіозныхъ или культурныхъ моментовъ, становилось мало доступнымъ для непосредственнаго пониманія, а, съ другой стороны, могло играть при этомъ роль стремленіе найти отвѣтъ на самые общіе вопросы о происхожденіи языка. Это послѣднее стремленіе стоитъ въ связи съ общимъ движеніемъ пробуждающагося человѣческаго ума, искавшаго ключа къ разрѣшенію міровыхъ загадокъ, которыя на каждомъ шагу ему ставила природа.

Среди культурныхъ народовъ бассейна Средиземнаго моря выдающееся положеніе занимаютъ, какъ Вамъ извѣстно, древніе греки, являющіеся родоначальниками нашей цивилизаціи. Этотъ богато одаренный народъ, претворившій элементы образованности, заимствованные съ востока и изъ Египта, создалъ оригинальную, высокую культуру. Рано пробудившаяся философская мысль грековъ обратила свое вниманіе и на наиболѣе общіе вопросы, касающіеся жизни и развитія языка. Уже первымъ

греческимъ философамъ не были они чужды; на основаніи сохранившихся отрывковъ, заключающихъ въ себѣ нѣкоторыя части ихъ сочиненій, и на основаніи свидѣтельства позднѣйшихъ писателей, мы можемъ составить общее представленіе о томъ, надъ чѣмъ въ интересующей насъ области задумывались эти древнѣйшіе представители философской мысли въ античной Греціи. Кореннымъ вопросомъ былъ для нихъ вопросъ о томъ, существуетъ ли необходимая, естественная связь между звуковой стороной слова и его значеніемъ, или такой связи нѣтъ, и слово получаетъ свое значеніе не въ силу какого-то таинственнаго соотношенія между звуками, его составляющими, и тѣмъ предметомъ мысли, знакомъ для котораго является данное слово, но лишь въ силу традиціи, условія, соглашенія. Эта альтернатива представляла тему для оживленныхъ споровъ и въ позднѣйшее время, въ особенности, когда софисты перенесли обсужденіе философскихъ темъ на улицы и площади. Софисты въ силу своихъ спеціальныхъ занятій должны были обратить вниманіе и на нѣкоторыя другія стороны въ жизни языка, именно для нихъ представляли особый интересъ нѣкоторые вопросы о значеніи словъ, и намъ извѣстно, что софистъ Продикъ занимался вопросомъ о синонимахъ, такъ какъ онъ стоялъ на той точкѣ зрѣнія, что между словами и предметами мысли, которые они обозначаютъ, суще-

ствуетъ необходимая, естественная связь, то, понятно, онъ долженъ былъ отрицать существованіе въ языкѣ синонимовъ въ собственномъ значеніи этого термина: по его мнѣнію синонимы всегда обозначаютъ не одинъ и тотъ же предметъ мысли, но различные его оттѣнки, варіанты. Аристотель, положившій начало ученію о частяхъ рѣчи, рѣшилъ, что въ языкѣ нѣтъ необходимой, коренящейся въ природѣ вещей, связи между звуковой стороной слова и его значеніемъ. Стоики, продолжавшіе изысканія по опредѣленію важнѣйшихъ грамматическихъ категорій, высказались снова противъ такого рѣшенія вопроса и въ пользу того, что существуетъ эта необходимая связь между значеніемъ и звуковымъ составомъ слова, хотя они и должны были признать, что не всегда слова языка представляютъ точную копію представленій. Вообще стоики, какъ и Аристотель, видѣли въ теоріи въ тѣхъ категоріяхъ, на которыя они распредѣляли слова и формы словъ, точное отраженіе и соотвѣтствіе тѣмъ общимъ категоріямъ, которыя открываетъ логика, но на практикѣ и въ этомъ пунктѣ, равно какъ и по выше указанному вопросу, они должны были все-таки признать, что такого точнаго соотвѣтствія между категоріями логики и грамматики нѣтъ. Прежде всего они должны были признать, что слова въ языкѣ нерѣдко имѣютъ разныя значенія, между тѣмъ какъ вѣдь этого не могло бы быть

согласно требованіямъ ихъ теоріи, по которой каждому понятію должно соотвѣтствовать особое слово. Далѣе, напр., согласно требованіямъ теоріи въ языкѣ должно было бы существовать строгое соотвѣтствіе между естественнымъ и грамматическимъ родомъ, чего, однако, на самомъ дѣлѣ нѣтъ (такіе случаи извѣстны и въ русскомъ языкѣ; сравн., напр., съ одной стороны, воронъ - ворона, левъ - львица и, съ другой, воробей, чижикъ и т.п. или даже такія слова, какъ воевода, судья, голова, имѣющія окончаніе женскаго рода и являющіяся словами мужескаго рода по значенію). Однако, какъ ни близки были древніе въ силу вещей отъ того, чтобы признать полную независимость категорій языка отъ тѣхъ общихъ категорій, которыя опредѣляются въ логикѣ, тѣмъ не менѣе они не могли сдѣлать этого рѣшительнаго шага вслѣдствіе того, что съ языкомъ они были знакомы лишь поверхностно. По этой же причинѣ греческая мысль, какъ мы видѣли, постоянно колебалась между двумя рѣшеніями вопроса, есть ли въ языкѣ естественная связь между предметами мысли и словами, ихъ обозначающими. Въ самомъ дѣлѣ, на основаніи общихъ, отвлеченныхъ соображеній нельзя дать отвѣта на этотъ вопросъ. Если мы скажемъ, какъ это дѣлали древніе, что въ случаѣ существованія упомянутой связи не было бы различій ни по говорамъ, ни по отдѣльнымъ языкамъ, то на это мы по-

лучимъ отвѣтъ, что хорошо, такой связи нѣтъ, слова имѣютъ извѣстныя значенія въ силу традиціи, въ силу соглашенія, но тотъ первый изобрѣтатель этихъ словъ долженъ же былъ чѣмъ-нибудь руководствоваться, называя тѣ или другіе предметы мысли такъ или иначе. Вотъ тутъ то и была безсильна мысль древнихъ: пока ученые, разбиравшіе эти вопросы, оставались на почвѣ своего языка въ данномъ его состояніи, пока они не получили возможности заглянуть вглубь его исторіи, убѣдиться въ самомъ существованіи извѣстной закономѣрности въ измѣненіяхъ, происходящихъ въ языкѣ съ теченіемъ времени, пока не было обращено вниманіе на сравненіе между собою различныхъ языковъ по отношенію къ общимъ сходствамъ и различіямъ, пока, наконецъ, не была основана научная психологія, разъяснившая тѣ психическіе процессы, которые имѣютъ ближайшее отношеніе къ рѣчи и частью ее обусловливаютъ, понятно, не могло быть и рѣчи о сколько-нибудь научномъ разрѣшеніи указаннаго вопроса. По этой же общей причинѣ греческая мысль не могла выйти изъ другого заколдованнаго круга и продолжала видѣть въ языкѣ точное воплощеніе общихъ логическихъ и діалектическихъ категорій.

До сихъ поръ, какъ мы видѣли, древніе греки занимались вопросами, касающимися жизни языка, по общимъ философскимъ побужденіямъ, но и въ Греціи настало вре-

мя, когда стала дѣйствовать другая причина, о которой я говорилъ выше. Настало именно въ III в. до Р.Х. время, когда гомеровскія поэмы, національное сокровище грековъ, ихъ настольная и учебная книга, сдѣлалась мало доступной непосредственному пониманію вслѣдствіе того, что языкомъ образованныхъ людей въ это время былъ языкъ, довольно сильно отличавшійся отъ языка поэмъ Гомера. Въ Александріи, сыгравшей такую видную роль въ исторіи греческой культуры, что цѣлая полоса въ ея развитіи носитъ названіе александрійской эпохи, было положено основаніе систематической разработкѣ греческой грамматики. Привело къ этому ученыхъ желаніе объяснить себѣ и истолковать другимъ текстъ гомеровскаго эпоса. Разрабатывая грамматическіе вопросы, особенно тѣ изъ нихъ, которые входятъ въ область синтаксиса, александрійскіе ученые частью отправлялись при этомъ отъ фактовъ самого языка, частью вносили въ свои работы и общія логическія опредѣленія и категоріи. Результаты ихъ трудовъ были усвоены римлянами, примѣнены ими къ своему языку и затѣмъ переданы въ наслѣдство новой Европѣ вмѣстѣ съ тѣмъ, что уцѣлѣло въ эпоху крушенія Западной Римской Имперіи. Такимъ образомъ, грамматическія опредѣленія новыхъ европейскихъ языковъ ведутъ свое начало отъ грековъ; славяне, находившіеся въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ Визан-

тіей, усвоили себѣ кое-что непосредственно отъ грековъ, а затѣмъ, когда они вошли въ болѣе тѣсныя сношенія съ западомъ, они получили это наслѣдіе изъ третьихъ рукъ. Если мы возьмемъ, напр., опредѣленія частей рѣчи, какъ они даются въ нашихъ грамматикахъ, то натолкнемся на смѣшеніе грамматическихъ и неграмматическихъ категорій, ведущее свое начало отъ александрійцевъ. Въ самомъ дѣлѣ, различіе между грамматическими частями рѣчи можетъ быть только основано на различіи въ образованіи формъ, а между тѣмъ въ нашей грамматикѣ измѣняемыя части рѣчи опредѣляются по ихъ значенію, части рѣчи неизмѣняемыя, т.е. не имѣющія ни склоненія, ни спряженія, стоятъ съ ними на одной доскѣ и точно также опредѣляются по значенію; хуже всего то, что междометія, не являющіяся въ ихъ собственномъ значеніи словами, а лишь непосредственными выраженіями нашихъ ощущеній, причисляются тоже къ частямъ рѣчи. Къ этимъ вопросамъ мы вернемся еще впослѣдствіи, а пока, я думаю, будетъ достаточно одного этого примѣра, чтобы показать, какая путаница господствуетъ въ нашихъ учебныхъ грамматикахъ.

Независимо отъ грековъ въ отдаленной Индіи возникъ особенно живой интересъ къ изслѣдованію языка. Когда съ теченіемъ времени древнѣйшія религіозныя произведенія (сборники Ведъ и примыкающая къ нимъ обширная

богословская и литургическая литература) стали мало понятны для непосвященныхъ, въ силу того, что языкъ въ живомъ народномъ употребленіи успѣлъ уже довольно сильно измѣниться, насталъ моментъ для того, чтобы заняться комментированіемъ и изученіемъ текста, а это невозможно безъ разработки грамматики. Съ другой стороны, необходимость охранять чистоту языка Ведъ, нѣсколько отличавшагося отъ литературнаго языка, заставила задумываться надъ его звуковымъ и формальнымъ составомъ. Вотъ, мы и видимъ, что въ древней Индіи уже въ 4-омъ вѣкѣ, какъ завершеніе цѣлаго ряда предшествующихъ трудовъ, появился сводъ грамматическихъ правилъ литературнаго языка (санскрита), принадлежащій Панини, и содержащій очень точный анализъ звукового и формальнаго состава санскрита. Эти труды древнихъ индусовъ, какъ и труды древнихъ грековъ, лишены, съ одной стороны, надлежащей исторической перспективы, въ нихъ не изучается языкъ въ его развитіи, а лишь фиксируются отдѣльныя стадіи въ этомъ послѣднемъ, а, съ другой стороны, и въ древней Индіи, какъ и въ древней Греціи, существовало стремленіе понять всю сложную жизнь языка, опираясь только на свой родной языкъ, не привлекая къ дѣлу другіе языки. Труды древнихъ индійскихъ грамматиковъ остались безъ вліянія на европейскую науку вплоть до того времени , когда,

какъ мы увидимъ впослѣдствіи, европейскіе ученые познакомились съ санскритомъ. Они получили, какъ наслѣдіе отъ своихъ отдаленныхъ предшественниковъ очень точно формулированную грамматику, которая оказала сильное вліяніе на нѣкоторыхъ европейскихъ ученыхъ самыми своими обобщеніями и научными построеніями.

Теперь мы должны снова вернуться къ нашей ближайшей задачѣ и прослѣдить, какъ постепенно развивался интересъ къ изученію языка въ новой Европѣ. Предварительно, однако, намъ слѣдуетъ остановиться на одномъ вопросѣ. Когда настала александрійская эпоха въ развитіи греческой науки и литературы, греки успѣли ознакомиться довольно близко съ цѣлымъ рядомъ народностей, населявшихъ Азію. Участвуя въ походахъ Александра Македонскаго, они побывали даже въ Индіи. Почему же греки не обратили вниманія на языки этихъ народовъ и, въ особенности, на языкъ древней Индіи, получившій очень стройную и законченную грамматическую обработку благодаря трудамъ цѣлаго ряда ученыхъ, и къ тому же, какъ мы знаемъ, родственный греческому языку по происхожденію? Такое знакомство могло бы вывести грековъ на болѣе широкую дорогу въ ихъ разысканіяхъ по общимъ и грамматическимъ вопросамъ и поставить ихъ лицомъ къ лицу съ тѣми задачами, которыя возникли двадцать слишкомъ вѣковъ спустя тоже между прочимъ подъ непосред-

ственнымъ вліяніемъ знакомства съ древнеиндійскимъ языкомъ. Причина, по которой греки не воспользовались указанными обстоятельствами, заключалась [illegible] въ томъ, что эллины съ глубокимъ презрѣніемъ смотрѣли на "варваровъ" и интересовались ими только съ практической точки зрѣнія. Только по отношенію къ римлянамъ они дѣйствовали иначе въ силу особыхъ историческихъ условій. Греческіе ученые нашли возможнымъ заинтересоваться латинскимъ языкомъ не только съ практической точки зрѣнія: они, напримѣръ, занимались такимъ вопросомъ, какъ вопросъ о заимствованіяхъ въ латинскомъ языкѣ изъ греческаго, и эти изслѣдованія при значительной близости обоихъ этихъ языковъ вообще даже съ внѣшней стороны подали поводъ думать, что латинскій языкъ представляетъ собою простое видоизмѣненіе греческаго языка, именно его эолійскаго нарѣчія.

Высокомѣрному отношенію ко всему не эллинскому и не римскому, сыгравшему нѣкоторую роль и въ исторіи нашей науки, былъ положенъ конецъ распространеніемъ христіанства и тѣми переворотами, которые привели къ крушенію античной культуры. Въ средніе вѣка вмѣстѣ съ распространеніемъ христіанства дала себя чувствовать потребность въ грамматической обработкѣ разныхъ "варварскихъ" языковъ: для болѣе успѣшной проповѣди

ЛИТОГРАФІЯ Ю. ВЕНЕРЪ, МОСКВА.

требовалось знаніе туземныхъ языковъ. Это движеніе проявлялось въ средніе вѣка довольно слабо и особенно усилилось и развилось нѣсколько позднѣе, въ эпоху великихъ географическихъ открытій и въ послѣдовавшее за ней время. И по части дальнѣйшей разработки тѣхъ общихъ вопросовъ, которые перешли въ видѣ наслѣдства отъ античныхъ грамматиковъ, средневѣковые ученые не сдѣлали почти ничего. Слѣдуетъ отмѣтить еще то, что необходимость для богослововъ изученія еврейскаго языка познакомила культурную Европу съ языкомъ, кореннымъ образомъ отличавшимся отъ другихъ европейскихъ языковъ; но и это знакомство во второй половинѣ среднихъ вѣковъ мало-по-малу стало уменьшаться и заглохло почти совсѣмъ. Въ эпоху Возрожденія оно возникло съ новой силой и сыграло не малую роль въ исторіи нашей науки. Знакомство съ цѣлымъ рядомъ новыхъ языковъ, оживившійся въ эпоху Возрожденія интересъ къ изученію языка вообще, скоро привели къ важнымъ результатамъ. Сходство между собою нѣкоторыхъ языковъ не могло оставаться долгое время незамѣченнымъ, а къ тому же библейское преданіе опредѣленно указывало, что было нѣкогда время, когда всѣ люди говорили на одномъ языкѣ, что языки раздѣлились лишь послѣ Вавилонскаго столпотворенія. Вотъ это послѣднее обстоятельство и заставляло ученыхъ эпохи Возрожденія и послѣдующаго

времени видѣть въ чертахъ сходства между отдѣльными языками слѣды той отдаленной эпохи, когда на всей землѣ былъ одинъ языкъ. Этотъ первоначальный, общій всѣмъ людямъ праязыкъ сохранился, по мнѣнію упомянутыхъ ученыхъ, въ еврейскомъ языкѣ. Какъ ни были они малотребовательны въ своихъ лингвистическихъ операціяхъ, однако, и они не могли долго оставаться на этой точкѣ зрѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, непосредственный опытъ говорилъ, что между извѣстными тогда языками есть такіе языки, которые не имѣютъ никакихъ слѣдовъ предполагаемаго родства съ еврейскимъ языкомъ и другими языками. Особенно много хлопотъ причинили языки тузем - ныхъ обитателей Америки, которые никакъ не укладывались въ генеалогическую классификацію, и былъ такой ученый, жившій во второй половинѣ XVII и началѣ XVIII вѣка, который не задумался объявить, что американцы сознательно измѣнили свои языки до неузнаваемости, чтобы лишить своихъ враговъ возможности понимать военные сигналы и команду.

Скоро, однако, ученые разочаровались въ попыткахъ свести всѣ языки къ одному праязыку вслѣдствіе очевидной невозможности доказать это положеніе. Мало-по-малу создалось и требованіе не ограничиваться при сравненіяхъ между собою различныхъ языковъ только случайными совпаденіями въ нѣсколькихъ словахъ, а загля-

дывать поглубже въ весь строй сравниваемыхъ языковъ, такъ какъ сходство въ отдѣльныхъ словахъ можетъ образоваться путемъ заимствованія изъ одного языка въ другой; сравн., напр., русскія слова: комфортъ, портретъ, пломба, заимствованныя изъ французскаго языка, шкатулка, ратуша, фирма, заимствованныя изъ нѣмецкаго языка. Возникло также требованіе, весьма ясно формулированное извѣстнымъ философомъ Лейбницемъ, чтобы не оставлять безъ вниманія древнѣйшія эпохи въ жизни даннаго языка, засвидѣтельствованныя письменными памятниками, но привлекать къ изученію сравнительно съ современнымъ изслѣдователю состояніемъ этого языка. Наконецъ, подъ вліяніемъ расцвѣта германской философіи въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка, показавшей тѣсную связь между отдѣльными сторонами духовной культуры человѣчества, а также подъ вліяніемъ національнаго движенія, начавшагося въ Германіи со второй половины XVIII вѣка и продолжившагося съ особенною силою въ эпоху Наполеоновскихъ войнъ, требовавшаго собиранія и изученія всѣхъ особенностей народной жизни, между прочимъ и особенностей народнаго языка, мало-по-малу создалось болѣе точное представленіе объ исторіи языка и объ ея связи съ общимъ ходомъ развитія человѣчества. До тѣхъ поръ, пока ученые не пришли къ мысли о необходимости изучать факты, какъ духовной жиз-

ни человѣка, такъ вообще и факты природы, подвергающіеся съ теченіемъ времени измѣненіямъ, въ преемственной связи, въ процессѣ ихъ развитія, до тѣхъ поръ и не могло быть рѣчи объ истинно-научномъ къ нимъ отношеніи. Бѣдь понять, напримѣръ, что такое человѣческое общество, что такое человѣческій языкъ, литература и т.д., установить законы ихъ жизни можно только путемъ историческаго изученія, путемъ изслѣдованія отдѣльныхъ стадій въ ихъ развитіи. Если раньше въ измѣненіяхъ, которымъ языкъ подвергается въ теченіе своего существованія, и въ тѣхъ діалектахъ, на которые онъ распадается, видѣли въ лучшемъ случаѣ явленіе не закономѣрное, не поддающееся точному изслѣдованію, то такая точка зрѣнія стала уже невозможной въ первое десятилѣтіе минувшаго вѣка. Къ этому времени европейскіе ученые успѣли довольно хорошо ознакомиться съ санскритомъ, первыя свѣдѣнія о которомъ были принесены въ Европу въ XVI вѣкѣ италіанцемъ Sassetti, замѣтившимъ близкое сходство этого языка съ италіанскимъ языкомъ въ цѣломъ рядѣ словъ. Уже въ 1786 году англійскій ученый Джонсъ высказалъ мнѣніе, что санскритскій языкъ, какъ въ корняхъ глаголовъ, такъ и въ грамматическихъ формахъ представляетъ близкое родство съ языкомъ греческимъ, латинскимъ, и при томъ это родство такого рода, что, по словамъ Джонса, каждый филологъ, изслѣдующій всѣ эти язы-

ки, долженъ придти къ мнѣнію, что всѣ эти языки произошли отъ одного языка, который, можетъ быть, уже не существуетъ. Подобное же основаніе, но только не столь убѣдительное, продолжаетъ Джонсъ, существуетъ и въ пользу того мнѣнія, что готскій и кельтскій языки имѣютъ то же происхожденіе, что и санскритъ. Въ началѣ XIX вѣка послѣ появленія книги Фр. фонъ-Шлегеля "О языкѣ и мудрости индійцевъ" (Ueber die Sprache und Weisheit der Inder) для ученыхъ стало очевиднымъ фактомъ, что древнеиндійскій языкъ до такой степени сходенъ съ нѣкоторыми другими языками (греческимъ, латинскимъ, нѣмецкимъ, персидскимъ) не только въ отдѣльныхъ словахъ, но и во всемъ грамматическомъ строѣ, что объясненія ему надо искать въ общемъ происхожденіи указанныхъ языковъ. Самъ Шлегель держался того взгляда, что древнеиндійскій языкъ ("санскритъ") - - древнѣйшій изъ названныхъ языковъ, которые и произошли отъ него.

Первымъ ученымъ, который вполнѣ доказалъ это послѣднее положеніе, сначала въ примѣненіи къ названнымъ выше языкамъ, а впослѣдствіи и къ другимъ индоевропейскимъ языкамъ, былъ Францъ Боппъ. Его первое лингвистическое сочиненіе, посвященное исторіи формъ спряженія въ санскритѣ, греческомъ, латинскомъ, персидскомъ и нѣмецкомъ языкѣ, вышло въ 1816 году, и съ

этого момента начинается научное языковѣдѣніе, возникшее, какъ мы видимъ, на почвѣ изученія тѣхъ языковъ, которые входятъ въ составъ обширной индоевропейской семьи языковъ. Послѣ выхода въ свѣтъ сочиненія Боппа стало яснымъ, неопровержимымъ фактомъ, что названные въ заглавіи языки имѣютъ общее происхожденіе, произошли отъ одного общаго праязыка, и доказано это было путемъ сравнительнаго изученія формъ спряженія. Впослѣдствіи Боппъ издалъ Сравнительную Грамматику индоевропейскихъ языковъ, гдѣ онъ разсмотрѣлъ, насколько это было ему доступно, и исторію звуковъ, и исторію формъ въ древнѣйшихъ, извѣстныхъ намъ представителяхъ каждой отдѣльной вѣтви нашей семьи языковъ.

Рядомъ съ Боппомъ въ качествѣ основателя научнаго языковѣдѣнія мы должны поставить двухъ его современниковъ: Якова Гримма и Вильгельма фонъ Гумбольдта, брата Александра фонъ Гумбольдта, извѣстнаго естествоиспытателя. Яковъ Гриммъ, выпустившій въ 1819 году первый томъ своей Нѣмецкой грамматики, занялся изученіемъ исторіи германскихъ языковъ, различные моменты которой фиксированы въ письменныхъ памятникахъ и надписяхъ, начиная съ IV в. по Р.Х. При этомъ изслѣдованіи оказалось, что звуки германскихъ языковъ измѣнялись съ теченіемъ времени съ извѣстною правильностью, и это обстоятельство имѣло важное принципіальное значе-

ніе, такъ какъ съ очевидностью подтвердило, что въ исторіи языка наблюдается извѣстная закономѣрность.

Наконецъ, Вильгельмъ фонъ-Гумбольдтъ, главное сочиненіе котораго, предисловіе къ изслѣдованію языка Кави, заключавшее въ себѣ разсужденіе "О различіи въ строеніи человѣческихъ языковъ и о его вліяніи на духовное развитіе человѣчества", было издано въ 1836 г. вмѣстѣ съ этимъ изслѣдованіемъ уже послѣ смерти автора его братомъ, перенесъ изслѣдованіе вопросовъ объ общихъ условіяхъ жизни языка и о его происхожденіи на почву психологіи. Правда, онъ самъ еще не вполнѣ отрѣшился отъ недостатковъ прежняго метода, разсматривавшаго языкъ, какъ точную копію мышленія, и искавшаго въ немъ тѣхъ категорій, которыя устанавливаетъ логика, но тѣмъ не менѣе даже сами ошибки Гумбольдта были полезны для дальнѣйшаго развитія науки о языкѣ, такъ какъ его ближайшіе послѣдователи Штейнталь и Лацарусъ имѣли передъ собою уже значительно расчищенную почву для изслѣдованій, на которой рѣзкимъ контрастомъ со всѣмъ окружающимъ выступали недостатки методовъ и взглядовъ ихъ великаго предшественника. Заслуга Гумбольдта состоитъ, повторяю, въ томъ, что онъ положилъ конецъ прежнимъ попыткамъ проникнуть въ тайники языка, отправлявшимся не оттуда, откуда слѣдовало, и перенесъ разрѣшеніе возникающихъ здѣсь

вопросовъ на почву психологіи, показавъ, что языкъ, даръ слова не есть нѣчто чуждое, постороннее, извнѣ навязанное человѣку, но является созданіемъ его духа, однимъ изъ важнѣйшихъ его актовъ, что, слѣдовательно, отвѣтъ на вопросъ о томъ, какъ возникъ человѣческій языкъ, лежитъ въ области науки, изучающей законы и факты психической дѣятельности. Успѣхи экспериментальной психологіи, достигнутые ею въ теченіе XIX вѣка, позволяютъ намъ въ извѣстной степени дать отвѣтъ на указанный вопросъ въ опредѣленной, строго-научной формѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ даютъ намъ возможность освѣтить тѣ психическіе процессы, которые имѣютъ ближайшее отношеніе къ жизни языка.

Такимъ образомъ, въ первой четверти прошлаго вѣка была создана наука о языкѣ, при чемъ сравнительно-историческое изученіе языка въ силу особыхъ, указанныхъ уже мною, обстоятельствъ началось въ примѣненіи именно къ языкамъ нашей семьи, къ языкамъ индоевропейскимъ. И до сихъ поръ научное изслѣдованіе языка ведется почти исключительно на этой почвѣ: другіе языки или совсѣмъ еще не затронуты наукой, или затронуты очень мало. Это явленіе, понятно, временное, объясняющееся громадностью и трудностью задачи, и со временемъ наука о языкѣ должна обнять всѣ языки и изслѣдовать ихъ исторію въ полномъ объемѣ, а исторія языка состоитъ

въ томъ, что факты его съ теченіемъ времени видоизмѣняются, утрачиваются, что возникаютъ вновь такіе факты, которые раньше не существовали.

Психологія должна намъ дать отвѣтъ на вопросъ, какъ происходятъ тѣ процессы, которые имѣютъ ближайшее отношеніе къ жизни языка, какъ вообще появляется слово, какъ знакъ, символъ для предмета мысли, а наука о языкѣ, вооружившись этими данными и данными сравнительно-историческаго изученія языковъ, должна раскрыть полную картину жизни и развитія языка, начиная отъ первоначальныхъ его элементовъ. Отсюда опредѣляется отношеніе нашей науки къ другимъ отраслямъ знанія. Помимо психологіи, лингвистъ долженъ быть хорошо знакомъ и съ тѣмъ отдѣломъ физіологіи, который разсматриваетъ общія условія образованія звуковъ рѣчи. Вооружившись этими данными, онъ долженъ приступить къ опредѣленію звуковой стороны даннаго языка и примѣнить эти свѣдѣнія при изученіи исторіи этой звуковой стороны. Что касается отношенія сравнительнаго языковѣдѣнія къ филологіи, то оно можетъ быть опредѣлено слѣдующимъ образомъ: филологъ изучаетъ данный языкъ, какъ одно изъ звеньевъ культуры извѣстнаго народа и, слѣдовательно, долженъ изучать его такъ, какъ этого требуетъ наука о языкѣ. Точно также филологъ, изслѣдуя извѣстныя стороны его прошлаго, его быта, государствен-

наго устройства и т.п. долженъ быть историкомъ, юристомъ и т.д. Итакъ, филологія нисколько не противополагается лингвистикѣ и, наоборотъ, заключаетъ въ себѣ ея извѣстныя части. Такъ какъ филологія возникла на изученіи античнаго міра, то и до сихъ поръ этимъ терминомъ, безъ прибавленія слова "классическая", обозначается изслѣдованіе этого послѣдняго со стороны культуры. Въ XIX вѣкѣ, однако, выросли и развились германская, романская, славянская филологія и т.д., и всѣ эти филологіи должны заключать въ себѣ между прочимъ тѣ части науки о языкѣ, которыя касаются спеціальнаго предмета ихъ вѣдѣнія. Методологическое отличіе ихъ отъ классической филологіи только въ томъ, что представители этой послѣдней и до сихъ поръ еще нерѣдко предпочитаютъ оставаться при изученіи языка на почвѣ стараго направленія, существовавшаго до возникновенія науки о языкѣ, но съ каждымъ поколѣніемъ число такихъ старовѣровъ уменьшается и, наконецъ, настанетъ то время, когда исчезнутъ послѣдніе остатки далекаго прошлаго науки о языкѣ, этой высокоинтересной и поучительной гуманитарной науки, раскрывающей намъ условія жизни того могучаго фактора, безъ котораго невозможна культура, безъ котораго человѣкъ, согласно извѣстному афоризму, не былъ бы человѣкомъ, т.е. тѣмъ, что онъ есть.

Общая исторія языковѣдѣнія съ древнѣйшихъ временъ до 1867 г. написана Бенфеемъ (Benfey, Geschichte der Sprachwissenschaft und orientalischen Philologie in Deutschland, München, 1869). Болѣе спеціальный характеръ имѣетъ книга Дельбрюка (B. Delbrück, Einleitung in das Sprachstudium, 3-te Aufl., Leipzig, 1893), посвященная исторіи разработки сравнительной грамматики индоевропейскихъ языковъ, начиная съ Боппа. Краткій очеркъ исторіи языковѣдѣнія далъ французскій лингвистъ A. Meillet въ своей книгѣ Introduction à l'étude comparative des langues indo-européennes, Paris, 1903 (стр. 383 сл.). Краткій обзоръ исторіи языковѣдѣнія содержитъ и моя статья "Важнѣйшіе моменты въ исторіи сравнительнаго языковѣдѣнія" (Русскій Филологическій Вѣстникъ, 1897 г., NN 3 и 4).

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦІЯ ЯЗЫКОВЪ.

Изъ того, что было сказано выше, видно, что задачею науки о языкѣ является изученіе исторіи человѣческаго языка въ ея полномъ объемѣ, а здѣсь прежде всего требуется опредѣленіе родственныхъ отношеній между языками, нѣкогда существовавшими и существующими въ настоящее время, насколько они доступны изслѣдованію,

и сравнительное изученіе тѣхъ языковъ, которые оказываются соединенными родственными связями по происхожденію отъ одного общаго предка. Надо замѣтить, что опредѣленіе родственныхъ отношеній между языками, существовавшими и существующими на земномъ шарѣ, достигнуто не въ полной мѣрѣ. Не всѣ существующіе языки настолько извѣстны наукѣ, чтобы можно было говорить объ ихъ родственныхъ отношеніяхъ, съ другой стороны, многіе языки исчезли, оставивъ лишь скудные памятники, а многіе языки исчезли даже безъ всякаго слѣда. Устанавливая генеалогическую связь между отдѣльными языками, мы сразу наталкиваемся на трудность, зависящую отъ неполноты матеріала, который находится въ нашемъ распоряженіи. Въ силу этого генеалогическая классификація языковъ представляетъ пробѣлы въ настоящее время, будетъ ихъ представлять и въ будущемъ.

Наиболѣе разработанною является генеалогическая классификація той группы языковъ, которая называется с е м ь е й и н д о е в р о п е й с к и х ъ я з ы к о в ъ или и н д о е в р о п е й с к о й семьей языковъ. Нѣмецкіе лингвисты въ настоящее время называютъ эту семью индогерманской, или семьей индогерманскихъ языковъ. Намъ нѣтъ никакихъ основаній отказываться отъ термина "индоевропейскіе языки", употреблявшагося самимъ основателемъ нашей науки Францомъ

Боппомъ, такъ какъ терминъ "индогерманскіе языки" несомнѣнно менѣе точенъ.

Языки индоевропейской семьи языковъ образовались изъ одного общаго языка, который и возстановляетъ наша наука путемъ сравнительно-историческаго изученія отдѣльныхъ языковъ этой семьи. Индоевропейская семья языковъ распадается на отдѣльныя вѣтви, которыя въ свою очередь распадаются на группы, отдѣльные языки, нарѣчія и говоры. Эти вѣтви слѣдующія:

I) Индійская вѣтвь, древнѣйшимъ представителемъ которой является древнеиндійскій языкъ въ его нарѣчіяхъ: ведійскомъ и санскритскомъ; ведійское нарѣчіе является самымъ древнимъ изъ дошедшихъ до насъ индоевропейскихъ нарѣчій. Отсюда понятно то значеніе, которое при изученіи индоевропейской семьи языковъ принадлежитъ ведійскому нарѣчію. *Ведійскимъ* нарѣчіемъ мы называемъ языкъ сборниковъ Ведъ и въ болѣе общемъ смыслѣ - языкъ той обширной богословской литературы, которая къ нимъ примыкаетъ. "Веда" (Veda) собственно значитъ "знаніе", "вѣдѣніе" Мы имѣемъ 4 сборника Ведъ: самый древній по происхожденію - Rgveda (Веда гимновъ); заключаетъ онъ 1028 гимновъ, раздѣленныхъ на 10 книгъ. Не всѣ однако гимны, входящіе въ этотъ сборникъ, относятся къ одинаковому времени; одни изъ нихъ составлены, по мнѣнію нѣкоторыхъ европейскихъ ученыхъ, прибли-

зительно за 1500 лѣтъ до Р.Х., другіе - позже. Другой сборникъ - Sāmaveda (Веда пѣснопѣній) - гораздо меньше по объему: онъ составляетъ приблизительно $^1/_6$ его часть и содержитъ въ себѣ стихи, пѣвшіеся при жертвоприношеніи Сомы. При этомъ почти всѣ стихи Самаведы встрѣчаются и въ Ригведѣ, только расположены они здѣсь въ иномъ порядкѣ, который требовался литургическими цѣлями, нерѣдко безъ внутренней связи. Сома - - это растеніе, сокъ котораго, получавшій при броженіи наркотическія свойства, употреблялся при жертвоприношеніяхъ. Начала культа сомы сложились еще въ эпоху единства предковъ индійцевъ и иранцевъ. Третій сборникъ - это Yaǧurveda, сборникъ жертвенныхъ формулъ въ прозѣ и стихахъ. Этотъ сборникъ возникъ тогда, когда сословіе жрецовъ-брахмановъ значительно окрѣпло и пріобрѣло вліяніе, съ теченіемъ времени распространившееся на весь строй индійской жизни. Отсюда понятно то значеніе, какимъ пользовался этотъ сборникъ у индусовъ. Наконецъ, четвертый сборникъ, самый поздній по времени и не пользовавшійся тѣмъ уваженіемъ, какимъ пользовались предыдущіе, - это Atharveda, сборникъ, содержащій въ себѣ заговоры и заклинанія и названный такъ по имени миѳическаго жреческаго рода. Эти четыре сборника дошли до насъ не въ первоначальномъ видѣ: текстъ этихъ сборниковъ, прежде чѣмъ

былъ записанъ, фиксированъ въ письмѣ, передавался изъ устъ въ уста цѣлымъ рядомъ поколѣній, и это не могло вполнѣ гарантировать текстъ сборниковъ отъ порчи, несмотря на то, что устная традиція относилась очень бережно къ текстамъ, имѣющимъ религіозное значеніе. Съ другой стороны, текстъ ведійскихъ гимновъ былъ подвергнутъ ученой обработкѣ уже послѣ того, какъ онъ былъ записанъ, цѣлью которой было представить всѣ слова въ тѣмъ видѣ, какой они имѣютъ сами по себѣ внѣ связной рѣчи. Эта работа, произведенная для облегченія пониманія текста, дошла до насъ наряду съ основнымъ текстомъ.

Надо замѣтить, что языкъ гимновъ не представлялъ живой рѣчи уже въ то время, когда въ окончательной формѣ сложились древнѣйшія части сборниковъ. Этотъ языкъ, отличавшійся отъ живого народнаго языка, продолжалъ сохраняться по традиціи въ замкнутыхъ кругахъ жрецовъ-брахмановъ. Религіозное значеніе гимновъ сохранило за ними и ихъ внѣшнюю форму, ихъ языкъ вообще безъ измѣненія, между тѣмъ какъ въ живомъ употребленіи онъ долженъ былъ постепенно видоизмѣняться.

Другое древнеиндійское нарѣчіе - *санскритское* извѣстно намъ лишь какъ литературный языкъ, и въ живомъ употребленіи не было извѣстно уже задолго до Р.Х. Образованное общество отличалось по языку отъ массы народа и въ древней Индіи; какъ и всегда, языкъ образо-

ванныхъ людей, языкъ литературный консервативнѣе и меньше измѣняется, чѣмъ языкъ простого народа. Вотъ этотъ то санскритскій языкъ, фиксированный грамматикой Pāṇini, жившаго, вѣроятно, въ IV в. до Р.Х., и былъ литературнымъ языкомъ древнихъ индійцевъ, а отчасти онъ не утратилъ этого своего употребленія даже и въ современной Индіи.

Настоящая живая рѣчь ушла впередъ въ своемъ развитіи и отъ ведійскаго, и отъ санскритскаго нарѣчія. Живая рѣчь, народные говоры мало-по-малу шли впередъ въ своемъ развитіи, пока также не были фиксированы письмомъ. Эти живые говоры, древнѣйшими эпиграфическими памятниками которыхъ являются надписи половины 3-ьяго в. по Р.Х., въ отличіе отъ древнеиндійскаго языка, называются, по времени существованія, среднеиндійскими нарѣчіями; а въ отличіе отъ санскрита - saṣkṛtam - (что въ переводѣ на русскій языкъ значитъ языкъ "выработанный"), называются *пракритскимъ* ("простымъ", "природнымъ") языкомъ. Отъ этихъ пракритскихъ нарѣчій въ тѣсномъ смыслѣ термина слѣдуетъ отличать языкъ Пали (pāli), на которомъ написаны нѣкоторыя произведенія южныхъ буддистовъ (онъ нѣсколько древнѣе по своему составу), но въ широкомъ смыслѣ этого термина и языкъ Пали принадлежитъ къ пракритскимъ нарѣчіямъ, если именно мы будемъ ото-

ждествлять термины "пракритскія нарѣчія" и "среднеиндійскія нарѣчія".

Новоиндійскіе языки, существующіе въ настоящее время, слѣдующіе: гиндустанскій, бенгальскій, пенджабскій, (гиндійскій) синдхійскій и нѣкоторые др. Къ новоиндійскимъ языкамъ принадлежитъ и языкъ цыганскій; хотя надо замѣтить, что языкъ цыганъ, благодаря скитальческой жизни послѣднихъ, принялъ въ себя много чуждыхъ элементовъ.

Съ тѣмъ обстоятельствомъ, что памятники древнеиндійскаго языка являются самыми древними сравнительно съ памятниками другихъ индоевропейскихъ языковъ, связано спеціальное недоразумѣніе: часто приходится слышать отъ неспеціалистовъ или отъ людей, незнакомыхъ съ сравнительнымъ языковѣдѣніемъ, мнѣніе, что санскритъ - родоначальникъ другихъ индоевропейскихъ языковъ. Съ другой стороны, существуетъ и другое недоразумѣніе со стороны людей и ближе стоящихъ къ нашей наукѣ: санскритомъ называется иногда въ Европѣ не только санскритское, но и ведійское нарѣчіе древнеиндійскаго языка. Это не точно и не научно; въ самой Индіи ведійское и санскритское нарѣчія никогда не смѣшиваются.

2) Иранская вѣтвь. Древнѣйшіе представители этой вѣтви суть: 1) языкъ клинообразныхъ надписей царя

Дарія Гистаспа и его преемниковъ, 2) языкъ Авесты. Авеста представляетъ сборникъ священныхъ текстовъ послѣдователей религіи Зороастра. Когда сложилась Авеста-неизвѣстно; можно только думать, что нѣкоторыя части ея относятся къ самому основателю религіи - Зороастру; когда жилъ Зороастръ въ точности неизвѣстно, но жилъ онъ во всякомъ случаѣ раньше эпохи царя Дарія. Мы находимъ въ Авестѣ части болѣе древнія по происхожденію, которыя называются Гатами (Гаты) и которыя отличаются по языку отъ другихъ, болѣе новыхъ частей. Языкъ Авесты неточно называютъ въ Европѣ также языкомъ зендскимъ. Языкъ Авесты и языкъ клинообразныхъ надписей называются нами древне-иранскими языками по самому времени ихъ существованія.

Тексты Авесты стали съ теченіемъ времени мало-понятны для послѣдователей религіи Зороастра въ силу тѣхъ же причинъ, по которымъ, какъ я говорилъ, сталъ съ теченіемъ времени мало понятенъ для индусовъ языкъ ведійскихъ гимновъ. Явилась слѣдовательно, необходимость сдѣлать переводъ, и этотъ переводъ въ эпоху Сассанидовъ былъ сдѣланъ на тотъ языкъ, который носитъ названіе пехлеви. Этотъ языкъ "пехлеви", или пехлевійскій языкъ называется по времени его существованія языкомъ среднеиранскимъ.

Къ новоиранскимъ языкамъ, существующимъ въ настоящее время, принадлежатъ языки: курдскій, осетинскій, (у насъ на Кавказѣ), балучи и языкъ афганскій; послѣдній испыталъ на себѣ сильное вліяніе индійскихъ языковъ.

3) Армянскій языкъ (въ его нарѣчіяхъ) составляетъ особую вѣтвь индоевропейской семьи языковъ, которую называютъ армянской. Древнѣйшіе памятники этого языка относятся къ V в. по Р.Х.

Новоармянскій языкъ распадается на нѣсколько діалектовъ, существующихъ въ настоящее время у насъ на Кавказѣ и въ извѣстныхъ частяхъ Турецкой Имперіи, на юговостокѣ Европейской Россіи. Армянскій языкъ въ настоящее время признается самостоятельною вѣтвью въ индоевропейской семьѣ языковъ, но въ прежнее время, при недостаточности данныхъ, думали, что онъ входитъ въ составъ иранской вѣтви.

Въ 4) мы должны остановиться на албанской вѣтви. Албанская вѣтвь извѣстна намъ по албанскому языку, существующему на Балканскомъ полуостровѣ; языкъ этотъ распадается на два нарѣчія: тоскское и гегійское. Онъ извѣстенъ по памятникамъ лишь съ XVII вѣка по Р.Х. Въ албанскомъ языкѣ мы находимъ много заимствованій изъ разныхъ родственныхъ (индоевропейскихъ) языковъ: греческаго, славянскихъ и др., а также и изъ неродственныхъ, напр., турецкаго.

Въ-5) я назову греческую вѣтвь. Древнѣйшій дошедшій до насъ памятникъ греческаго языка - текстъ поэмъ Гомера, сложившихся приблизительно за 1000 лѣтъ до Р.Х. Въ греческой вѣтви по времени существованія различаются: древнегреческія нарѣчія, среднегреческій языкъ и новогреческій языкъ въ его различныхъ нарѣчіяхъ.

Древнегреческій языкъ распадается на слѣдующія нарѣчія: 1) іоническо-аттическое. Древнѣйшимъ памятникомъ іоническаго нарѣчія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и греческаго языка вообще, являются поэмы Гомера. 2) Дорическія нарѣчія. Древнѣйшимъ эпиграфическимъ памятникомъ этой группы нарѣчій является Гортинская надпись изъ V, можетъ быть, VI в. до Р.Х. Въ-3) сѣверозападныя греческія нарѣчія. Древнѣйшимъ памятникомъ этой группы нарѣчій является надпись на языкѣ локровъ изъ V вѣка до Р.Х.; въ-4) элидское нарѣчіе - нарѣчіе области Элиды; 5) нарѣчія Аркадіи и Кипра; 6) нарѣчія эолійскія (эолійскими нарѣчіями въ собственномъ и строгомъ смыслѣ термина называются малоазіатскіе эолійскіе говоры, но въ болѣе широкомъ смыслѣ подъ эолійскими нарѣчіями разумѣются и нѣкоторыя континентальныя нарѣчія, нарѣчія материковой Греціи, въ Θессаліи и Бэотіи); наконецъ, въ-7) нарѣчіе Памфиліи.

Эти древнегреческія нарѣчія съ теченіемъ времени,

какъ Вамъ извѣстно, стали уступать мѣсто нарѣчію аттической прозы. Это послѣднее сначала пріобрѣло значеніе литературнаго языка, а затѣмъ - и значеніе обиходнаго языка образованныхъ людей во всей Греціи.

Это литературное аттическое нарѣчіе не могло остаться при этомъ безъ измѣненія: съ теченіемъ времени въ него проникли элементы и другихъ нарѣчій, и такимъ образомъ получилось то, что называется ἡ κοινὴ (διάλεκτος). Κοινή вытѣснило со временемъ другія древнегреческія нарѣчія, стало общегреческимъ языкомъ. Всѣ другія древнегреческія нарѣчія (за исключеніемъ одного изъ діалектовъ языка Лаконіи, сохранившаго извѣстныя свои особенности и понынѣ) исчезли. Этотъ языкъ ἡ κοινὴ въ его дальнѣйшемъ существованіи называется среднегреческимъ или византійскимъ языкомъ, перешедшій далѣе въ языкъ новогреческій.

Новогреческій языкъ распадается на цѣлый рядъ діалектовъ; но эти діалекты вообще не имѣютъ прямого отношенія къ древнегреческимъ нарѣчіямъ; уцѣлѣлъ только остатокъ дорическаго діалекта въ области древней Спарты.

Древнѣйшимъ памятникомъ греческаго языка являются такъ-называемыя поэмы Гомера (Иліада и Одиссея); древнѣйшія части Иліады сложились приблизительно за 1000 лѣтъ до Р.Х. Я не могу входить здѣсь во всѣ подробно-

сти такъ-называемаго гомеровскаго вопроса и отмѣчу лишь тотъ фактъ, что въ названныхъ поэмахъ въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ дошли до насъ, основнымъ діалектомъ является древнеіоническое нарѣчіе съ довольно значительною примѣсью эолизмовъ. Нѣкоторыя особенности аттическаго нарѣчія проникли (въ сравнительно очень незначительной степени) въ дошедшій до насъ текстъ несомнѣнно позднѣе. Вопросъ, слѣдовательно, о томъ, какъ объяснить эолизмы въ гомеровскомъ языкѣ. Извѣстный лингвистъ Фикъ (Fick) выставилъ гипотезу, будто бы поэмы Гомера первоначально сложились на эолійскомъ нарѣчіи и лишь впослѣдствіи были переведены на древнеіоническое нарѣчіе, при чемъ остались отдѣльныя слова и грамматическія формы въ ихъ эолійскомъ видѣ вообще тамъ, гдѣ нельзя было замѣнить ихъ соотвѣтственными іонизмами безъ нарушенія цѣлости стиха. Фикомъ была даже сдѣлана попытка возстановить Иліаду и Одиссею въ ихъ первоначальномъ эолійскомъ видѣ. Гипотеза Фика представляетъ несомнѣнно много крайностей, но съ другой стороны очень вѣроятнымъ представляется мнѣ то обстоятельство, что смѣшанный характеръ гомеровскаго языка объясняется именно фактомъ перехода эпическихъ пѣсенъ, лежащихъ въ основаніи поэмъ Гомера, отъ эолянъ къ іонянамъ, у которыхъ окончательно онѣ и сложились. Само собою разумѣется, что попытка

Фика возстановить "эолійскаго Гомера" обречена на неудачу уже по принципіальнымъ соображеніямъ: мы, вѣдь, не знаемъ, что̀ именно въ дошедшихъ до насъ древнѣйшихъ частяхъ Иліады и Одиссеи можетъ считаться творчествомъ эолянъ, а, съ другой стороны, мы не имѣемъ никакой возможности механически выдѣлить іонизмы и замѣнить ихъ эолизмами: текстъ нашихъ поэмъ свидѣтельствуетъ о томъ, что во всякомъ случаѣ очень рано образовался смѣшанный эпическій языкъ, такъ что многое, вѣроятно, сложилось уже непосредственно на этомъ эпическомъ нарѣчіи, ставшимъ традиціоннымъ языкомъ эпоса и элегіи.

6) Италійская вѣтвь. Древнѣйшихъ представителей этой вѣтви мы имѣемъ въ языкѣ латинскомъ, а также въ языкахъ осковъ и умбровъ.

Латинскій языкъ извѣстенъ намъ, начиная съ III вѣка до Р.Х., болѣе или менѣе обстоятельно по памятникамъ (надписямъ и литературнымъ произведеніямъ), отъ болѣе древнихъ періодовъ его существованія мы имѣемъ лишь скудные остатки. Латинскій языкъ, т.е. языкъ города Рима и его ближайшихъ окрестностей, вытѣснилъ различные мѣстные діалекты, близко ему родственные, и мы имѣемъ объ нихъ лишь очень скудныя свѣдѣнія. Отъ другихъ древнеиталійскихъ языковъ (языки осковъ и умбровъ) уцѣлѣло очень немного письменныхъ памятниковъ

(надписи), такъ какъ римляне латинизировали всю Италію очень рано.

Съ распространеніемъ римскаго вліянія по Европѣ, Азіи и Африкѣ распространялся и латинскій языкъ, являвшійся языкомъ сперва римскихъ колонистовъ, а затѣмъ и языкомъ образованныхъ провинціаловъ. Провинціалы, смотря съ завистью на культурные успѣхи римлянъ, перенимали ихъ культуру и мало-по-малу принимали и ихъ языкъ. Съ теченіемъ времени въ разныхъ частяхъ Европы латинскій языкъ вытѣснилъ туземныя нарѣчія (языки) и далъ начало романскимъ языкамъ. Время, когда латинскій языкъ распался на рядъ романскихъ нарѣчій, можетъ быть опредѣлено лишь приблизительно, именно это произошло послѣ VII вѣка по Р.Х.

Къ романскимъ языкамъ принадлежатъ языки: итальянскій, провансальскій, французскій, испанскій, португальскій, ретороманскій (въ кантонѣ Граубюнденѣ, въ Швейцаріи) и, наконецъ, румынскій, который принялъ въ себя много другихъ элементовъ. Еще исчезло подъ напоромъ арабовъ романское нарѣчіе, начавшее складываться въ сѣверной Африкѣ. Такимъ образомъ, романскіе языки могутъ быть введены въ сравнительноисторическое изученіе индоевропейскихъ языковъ только при посредствѣ языка латинскаго, изъ котораго они произошли.

7) Кельтская вѣтвь. Эта вѣтвь дѣлится на три группы: 1) собственно г а л л ь с к а я, не существующая теперь и вытѣсненная (языкомъ латинскимъ). Она существовала въ извѣстныхъ частяхъ территоріи современной Франціи. Отъ нея сохранились отдѣльныя слова у греческихъ и латинскихъ писателей, кромѣ того, отъ галльской группы остались надписи. 2) Б р и т а н с к а я группа. Ее составляютъ: a) языкъ кимврскій въ Уэльсѣ, b) корнскій въ Корнуэльсѣ, c) бретонскій или армориканскій въ Бретани, въ сѣверной Франціи. Кимврскій и бретонскій языки извѣстны, начиная съ VIII в. по Р.Х.; корнскій, древнѣйшіе памятники котораго относятся къ нѣсколько болѣе позднему времени, въ началѣ прошлаго вѣка былъ вытѣсненъ языкомъ англійскимъ. Кимврскій и бретонскій языки существуютъ и теперь, но языку бретонскому также грозитъ опасность исчезнуть подъ напоромъ французскаго языка. 3) Группа г э л ь с к а я, въ которую входятъ: a) языкъ ирландскій, b) языкъ шотландскій и c) языкъ острова Мэна, существующій и теперь. Древнѣйшіе памятники гэльской группы (надписи) восходятъ къ I вѣку по Р.Х. Литературные источники ирландскаго языка начинаются лишь съ VIII вѣка по Р.Х.: сначала глоссы, а потомъ и рукописи. Національный языкъ ирландцевъ, заключающійся въ глоссахъ, называется древнеирландскимъ, средняя его сту-

пень (по времени существованія) въ рукописяхъ, начиная съ XII вѣка, называется среднеирландскимъ языкомъ и, наконецъ, съ XVI вѣка начинается существованіе новоирландскаго языка.

8) Германская или нѣмецкая вѣтвь. Ее образуютъ:

а) г о т с к а я группа. Эта группа состоитъ изъ готскаго языка, языковъ вандаловъ и бургундовъ. Послѣдніе 2 языка извѣстны намъ недостаточно по болѣе или менѣе случайно сохранившимся памятникамъ. Готскій языкъ извѣстенъ по языку перевода библіи, сдѣланнаго готскимъ епископомъ Ульфилой, или точнѣе Вульфилой, въ IV вѣкѣ. Кромѣ частей Священнаго Писанія (до насъ дошли отрывки изъ Ветхаго Завѣта и части Новаго Завѣта), мы имѣемъ отрывки на толкованіе Евангелія отъ Іоанна и отрывки календаря. Дошли они въ рукописяхъ, писанныхъ въ сѣверной Италіи. Кромѣ того, сохранились готскія собственныя имена въ греческихъ и латинскихъ источникахъ. Перечисленные памятники принадлежатъ вестготскому языку, а остготскій языкъ извѣстенъ намъ по записи одного путешественника XVI вѣка, Бусбека, сдѣланной въ Крыму, гдѣ жили остатки остготовъ. Запись эта содержитъ въ себѣ около 60 словъ.

b) Вторая группа германской вѣтви - с к а н д и н а в с к а я. До эпохи викинговъ (до 700 г.) на

всемъ Скандинавскомъ сѣверѣ существовалъ въ общемъ одинъ языкъ, памятники котораго являются въ различныхъ руническихъ надписяхъ съ III и IV вѣка. Этотъ скандинавскій языкъ носитъ названіе *праскандинавскаго* или *древнескандинавскаго*. Въ эпоху викинговъ онъ уже дифференцировался и въ XI в. окончательно распался на языки западной и восточной группы; з а п а д н о - скандинавскую группу составляютъ существующіе теперь исландскій и норвежскій языки, а в о с т о ч н у ю - шведскій и датскій. Древній западно-скандинавскій языкъ той эпохи, когда древнеисландскій и древненорвежскій языки были еще діалектами одного общаго языка, извѣстенъ по рукописямъ; изъ нихъ важнѣйшія тѣ, которыя содержатъ въ себѣ саги - сборникъ Эдды. Сложились эти саги раньше XII вѣка, когда были записаны. Этотъ скандинавскій языкъ сагъ называется иногда неточно древнескандинавскимъ вообще. Это названіе неудобно, потому что можно смѣшать этотъ древній западно-скандинавскій языкъ съ тѣмъ праскандинавскимъ языкомъ, который извѣстенъ по руническимъ надписямъ до эпохи викинговъ, о которомъ я говорилъ выше.

с) Третья группа германской вѣтви - з а п а д н о - - г е р м а н с к а я группа. Представители этой группы - языки: англосаксонскій, фризскій, древненидерландскій; языкъ древнесаксонскій и древневерхненѣмец-

кій. Англосаксонскій языкъ извѣстенъ по памятникамъ, начиная съ VIII вѣка. Съ теченіемъ времени онъ перешелъ въ англійскій языкъ, который послѣ завоеванія Англіи норманнами принялъ въ себя не мало французского элемента. Фризскій языкъ, извѣстный съ XIV в., существуетъ и понынѣ въ качествѣ языка народнаго; въ послѣднее время были сдѣланы попытки примѣненія его и къ литературнымъ цѣлямъ. Древненидерландскій языкъ имѣетъ своихъ потомковъ въ современныхъ языкахъ: голландскомъ и фламандскомъ. Нижненѣмецкія нарѣчія - - Plattdeutsch являются потомками древнесаксонскаго языка, извѣстнаго по памятникамъ, начиная съ IX вѣка по Р.Х. приблизительно до начала XIII. Съ начала XIII вѣка до эпохи Реформаціи мы имѣемъ по времени существованія средній нижненѣмецкій языкъ, а приблизительно съ эпохи Реформаціи начинается существованіе новаго нижненѣмецкаго языка въ его различныхъ нарѣчіяхъ. Въ верхненѣмецкомъ языкѣ по времени существованія различаются тоже три стадіи: начиная съ VIII до XII вѣка - древній верхненѣмецкій языкъ, средне-верхненѣмецкій - съ XII вѣка до эпохи Реформаціи и съ эпохи Реформаціи до настоящаго момента - ново-верхненѣмецкій языкъ. Этотъ новый верхненѣмецкій языкъ въ его литературномъ нарѣчіи является литературнымъ языкомъ Германіи и въ тѣхъ областяхъ, гдѣ народнымъ языкомъ явля-

ется нижненѣмецкій языкъ, а также литературнымъ языкомъ всѣхъ нѣмцевъ, гдѣ бы они ни были.

Нѣкоторые ученые соединяютъ готскую и скандинавскую группы въ одну, которой даютъ названіе в о с т о ч н о - г е р м а н с к о й, противопоставляя ее такимъ образомъ з а п а д н о - г е р м а н с к о й; но подобное предположеніе не представляется доказаннымъ фактомъ, и достаточныхъ основаній для такого противопоставленія нѣтъ.

9) Балтійская или литовская вѣтвь. Къ балтійской вѣтви принадлежатъ языки: литовскій, латышскій, существующіе въ настоящее время, и языкъ прусскій, вымершій въ XVII вѣкѣ. Отъ прусскаго языка до насъ дошло сравнительно очень немного письменныхъ памятниковъ. Мы имѣемъ переводъ съ нѣмецкаго языка на прусскій двухъ маленькихъ лютеранскихъ катехизисовъ и одного большого, сдѣланный въ XVI вѣкѣ. Переводъ полонъ ошибокъ и всякихъ неточностей. Далѣе, дошелъ небольшой нѣмецко-прусскій словарь; онъ старше катехизисовъ и составленъ онъ, вѣроятно, въ XV вѣкѣ.

Древнѣйшими памятниками литовскаго и латышскаго языковъ являются тексты религіознаго содержанія, изданные въ XVI вѣкѣ. Въ настоящее время литовскій языкъ въ его нарѣчіяхъ существуетъ въ предѣлахъ Россіи въ слѣдующихъ губерніяхъ: въ Ковенской губерніи, въ боль-

шей части Сувалкской, въ небольшой части Виленской губерніи и въ томъ углу Гродненской, который примыкаетъ къ Виленской губерніи, около мѣстечка Друскеники, извѣстнаго своими лѣчебными водами. Въ предѣлахъ Пруссіи литовскій языкъ существуетъ въ томъ углу Восточной Пруссіи, который примыкаетъ къ русской границѣ - въ сѣверо-восточномъ.

Латышскій языкъ существуетъ въ настоящее время въ различныхъ нарѣчіяхъ въ губерніи Курляндской, въ южной части Лифляндской и въ части Витебской. Кромѣ того, въ предѣлахъ Пруссіи мы находимъ нѣсколько поселеній латышей (около Мемеля и на косѣ, замыкающей Куришъ-Гафъ), отдѣленныхъ отъ массы другихъ латышей литовскими говорами.

10) Славянская вѣтвь индоевропейской семьи языковъ. Эта вѣтвь распадается на 3 группы: a) южную, b) восточную или русскую и c) западную.

Представителями ю ж н о й группы являются слѣдующіе языки: 1) тотъ древній славянскій языкъ, на который въ IX вѣкѣ было переведено Священное Писаніе свв. Кирилломъ и Меѳодіемъ. Этотъ славянскій языкъ лучше называть старославянскимъ, нежели церковнославянскимъ, какъ это дѣлаютъ обыкновенно. Дѣло въ томъ, что не надо смѣшивать старославянскій языкъ въ томъ видѣ, какъ онъ дошелъ до насъ въ древ-

нѣйшихъ текстахъ, съ позднѣйшимъ церковнымъ языкомъ, который подвергся позднѣйшимъ вліяніямъ - у сербовъ - - сербскаго языка, у насъ - русскаго языка и т.д. Этотъ послѣдній языкъ мы и можемъ назвать церковно-славянскимъ въ отличіе отъ старославянскаго.

Далѣе, въ южнославянскую группу входятъ языки: 2) болгарскій языкъ, 3) сербо-хорватскій и 4) словинскій.

Нѣкоторые ученые высказываютъ гипотезу, что старославянскій языкъ, переданный въ древнихъ текстахъ, является языкомъ именно древнеболгарскимъ. Есть данныя, которыя говорятъ въ пользу такого предположенія. Но пока это предположеніе не можетъ быть еще доказано въ той категорической формѣ, какую даютъ ему нѣкоторые ученые. Въ болгарскихъ говорахъ нѣтъ прямого потомка старославянскаго языка, однако, во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что старославянскій языкъ ближе всего, по происхожденію, именно къ болгарскому языку.

Древнѣйшіе памятники старославянскаго языка Вамъ извѣстны уже, конечно, изъ другихъ источниковъ. Дошли они до насъ въ рукописяхъ; древнѣйшею датированной рукописью является только Остромирово Евангеліе, которое представляетъ старославянскій языкъ съ нѣкоторыми особенностями русскаго языка. Древнѣйшіе памятники болгарскаго и сербскаго языковъ относятся къ

XII вѣку. Древнѣйшій памятникъ словинскаго языка - - Фрейзингенскіе отрывки (можетъ быть, X вѣка).

Русская или восточная группа славянскихъ языковъ - это языкъ русскій (великорусскій), языкъ бѣлорусскій и языкъ малорусскій. Русскій и бѣлорусскій языки по происхожденію находятся въ болѣе близкомъ родствѣ между собою, чѣмъ каждый изъ нихъ и языкъ малорусскій. Древнѣйшіе памятники русскаго языка относятся къ XI вѣку.

Западную вѣтвь составляютъ языки: чешскій и близкій къ нему языкъ словацкій; польскій и близкій къ нему кашубскій; 2 лужицкихъ языка - верхній и нижній; наконецъ, не существующій теперь языкъ полабскій, языкъ полабскихъ славянъ. Этотъ языкъ окончательно вымеръ, повидимому, въ XVIII столѣтіи, хотя, можетъ быть, еще въ началѣ XIX вѣка отдѣльныя лица еще помнили кое-что изъ языка своихъ предковъ. Памятниками его служатъ словари и нѣкоторыя записи, сдѣланныя въ XVII и XVIII вѣкахъ.

Древнѣйшій памятникъ чешскаго языка относится къ XIII вѣку; древнѣйшіе памятники польскаго языка относятся къ XIV вѣку, а до этого времени, какъ чешскій языкъ, такъ и польскій извѣстны по глоссамъ, отдѣльнымъ словамъ и собственнымъ именамъ у нѣмецкихъ писателей, наконецъ, по надписямъ на монетахъ.

Для нижнелужицкаго языка древнѣйшимъ памятникомъ является переводъ Новаго Завѣта Якубицы, не изданный, который хранится въ Берлинѣ, въ Королевской Библіотекѣ, въ рукописи XVI вѣка; къ концу XVI в. относится древнѣйшій памятникъ верхнелужицкаго языка - - катехизисъ Ворѣхи.

Я перечислилъ языки, составляющіе семью индоевропейскихъ языковъ; но то, что мы знаемъ объ индоевропейскихъ языкахъ, не отличается безусловною полнотою: нѣкоторые индоевропейскіе языки исчезли, не оставивъ почти никакого слѣда. Я перечислилъ языки, которые извѣстны по писаннымъ памятникамъ и которые существуютъ въ настоящее время; но есть языки, о которыхъ дошли до насъ слишкомъ скудныя свѣдѣнія, чтобы мы могли составить вполнѣ опредѣленное мнѣніе о положеніи ихъ среди другихъ индоевропейскихъ языковъ. Отъ этихъ языковъ сохранились отдѣльныя слова у писателей, собственныя имена и другія отрывочныя свѣдѣнія. Этихъ данныхъ недостаточно для вполнѣ точнаго опредѣленія генеалогическаго отношенія такихъ языковъ къ другимъ языкамъ, но ихъ вполнѣ достаточно для того, чтобы сказать, что эти языки, несомнѣнно, индоевропейскіе.

На основаніи нашихъ свѣдѣній о языкѣ древнихъ ѳракійцевъ можно составить опредѣленное представленіе о

принадлежности его къ индоевропейской семьѣ языковъ и, далѣе можно думать, что онъ близокъ къ армянской ея вѣтви. Затѣмъ, языкъ древнихъ иллирійцевъ, насколько можно судить о немъ по скуднымъ остаткамъ, представляетъ такія черты, которыя сближаютъ его съ албанскимъ языкомъ.

Въ южной Россіи въ древнія времена существовалъ цѣлый рядъ скиескихъ и сарматскихъ племенъ. Античные писатели скиѳами и сарматами стали называть всякія племена, жившія въ южной полосѣ теперешней Россіи. Можно думать, что среди нихъ были и индоевропейскія племена; хотя не всѣ народности, населявшія въ древности югъ Россіи, принадлежали къ индоевропейцамъ. Скудные остатки языка такихъ индоевропейскихъ племенъ позволяютъ допускать, что они принадлежали къ иранской группѣ.

Въ числѣ языковъ отдѣльныхъ вѣтвей есть такіе, которые теперь уже не существуютъ, т.-е. исчезли, не оставивъ потомковъ, а, съ другой стороны, какъ мы видѣли, въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы въ извѣстныхъ языкахъ, существующихъ теперь, имѣемъ потомковъ древнихъ языковъ, отъ которыхъ дошли до насъ письменные памятники; сравн., напр., съ одной стороны, языки осковъ и умбровъ, а, съ другой стороны, языкъ латинскій, имѣющій своихъ потомковъ въ нынѣ существующихъ романскихъ

языкахъ.

Языки каждой изъ названныхъ мною вѣтвей образовались изъ одного общаго праязыка этой вѣтви, а праязыки всѣхъ отдѣльныхъ вѣтвей выдѣлились изъ одного общаго индоевропейскаго праязыка; напримѣръ, всѣ германскіе языки образовались изъ одного общаго праязыка германской вѣтви, такъ-называемаго общегерманскаго языка, а этотъ послѣдній вмѣстѣ съ языкомъ общекельтскимъ, общеиталійскимъ, общегреческимъ и проч. выдѣлился изъ одного общаго индоевропейскаго праязыка. Такимъ образомъ, индоевропейскій праязыкъ распался такъ, что изъ него выдѣлились праязыки каждой отдѣльной вѣтви, и затѣмъ эти праязыки въ свою очередь распались на отдѣльные языки. Былъ въ наукѣ поставленъ вопросъ, не было ли такой эпохи, когда праязыки двухъ или нѣсколькихъ какихъ-нибудь вѣтвей составляли одинъ общій языкъ. По отношенію, съ одной стороны, къ иранскимъ и индійскимъ языкамъ, съ другой стороны - къ славянскимъ и балтійскимъ - этотъ вопросъ рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ. Была эпоха, когда существовалъ индоиранскій языкъ, распавшійся на общеиранскій и общеиндійскій языки, а тѣ въ свою очередь распались на языки, на которые я указалъ выше. Индійскіе и иранскіе языки иногда называютъ арійскими языками и индоиранскій праязыкъ называютъ поэтому иногда арійскимъ

праязыкомъ (индійцы и иранцы давали себѣ сами нѣкогда то названіе, которое мы измѣнили въ слово "арійцы"). Это же названіе "арійскіе языки" примѣняютъ, съ другой стороны, нѣкоторые ученые и ко всѣмъ индоевропейскимъ языкамъ, называя индоевропейскій праязыкъ арійскимъ праязыкомъ. Такое употребленіе термина "арійскій", съ одной стороны, неточно, такъ какъ не доказано предположеніе, будто индоевропейцы сами называли себя арійцами, а, съ другой стороны, оно и неудобно въ виду того, что терминъ "арійскій" имѣетъ и другое, болѣе тѣсное значеніе. Въ виду этого обстоятельства лучше избѣгать его употребленія и въ первомъ, спеціальномъ значеніи. Точно такъ же существовалъ нѣкогда литовско-славянскій праязыкъ; и онъ распался на общебалтійскій и общеславянскій языки, изъ которыхъ далѣе выдѣлились ихъ потомки.

Сказать того же о взаимномъ отношеніи по происхожденію италійскихъ языковъ и языковъ греческой вѣтви - нельзя. Было время, когда ученые думали, что эти двѣ вѣтви находятся въ такомъ же ближайшемъ родствѣ между собою, какое существуетъ между индійской и иранской вѣтвью съ одной стороны и балтійской и славянской съ другой. Но съ теченіемъ времени ученые убѣдились, что это мнѣніе не основано на достаточныхъ данныхъ: факты, приводившіеся въ доказательство это-

го взгляда, или совсѣмъ не могутъ быть принимаемы въ расчетъ, или не имѣютъ рѣшающаго значенія. Съ другой стороны, есть факты, которые позволяютъ думать, что между италійской и кельтской вѣтвями существуетъ какая-то связь по происхожденію.

Далѣе, нѣкоторые ученые высказывали мысль, что языки балтійскіе и славянскіе находятся въ ближайшемъ родствѣ съ языками германской вѣтви. Но и это предположеніе не можетъ считаться доказаннымъ. Такимъ образомъ, наука признаетъ въ настоящее время только ближайшее родство по происхожденію между индійской и иранской вѣтвями, съ одной стороны, и балтійской и славянской, съ другой стороны.

Наибольшее число лингвистическихъ трудовъ посвящено, какъ я уже успѣлъ сказать, изученію исторіи индоевропейскихъ языковъ, такъ какъ на историческомъ изученіи именно этихъ языковъ и создалось научное языковѣдѣніе; и до сихъ поръ еще лингвисты посвящаютъ свои труды преимущественно этой области науки о языкѣ, которая является такимъ образомъ наиболѣе разработанною.

Лучшій очеркъ сравнительной грамматики индоевропейскихъ языковъ принадлежитъ двумъ германскимъ ученымъ: Бругману и Дельбрюку. Этотъ трудъ

вышелъ въ свѣтъ подъ заглавіемъ: "Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen". 1-ый томъ въ первомъ изданіи вышелъ въ свѣтъ въ 1886 году, а во второмъ, переработанномъ, изданіи - въ 1897 году. Этотъ томъ заключаетъ фонетику, т.е. исторію звуковъ, индоевропейскихъ языковъ, а второй томъ, выходившій съ 1888 по 1892 годъ, содержитъ исторію словообразовательныхъ формъ индоевропейскихъ языковъ и исторію формъ словоизмѣненія въ этихъ языкахъ, т.е. то, что мы называемъ морфологіей. Эти два тома принадлежатъ Бругману. 3-ій, 4-ый и 5-ый томы, написанные Дельбрюкомъ, содержатъ сравнительный синтаксисъ индоевропейскихъ языковъ. Они были изданы въ 1893, 1897 и 1900 годахъ.

На основаніи этого большого труда Бругманъ предпринялъ болѣе краткое изданіе сравнительной грамматики для начинающихъ. Первая часть этого изданія подъ заглавіемъ: "Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen" вышла въ 1902 году и содержитъ въ себѣ общее введеніе и фонетику; вторая часть (морфологія) появилась въ 1903 г.

Въ 1903 году вышло пособіе для общаго ознакомленія съ задачами, методами и нѣкоторыми результатами сравнительной грамматики индоевропейскихъ языковъ на французскомъ языкѣ: A.Meillet, Introduction à l'étude comparative des langues indo-européennes. Въ

этой книгѣ полезны, напр., очеркъ исторіи сравнительнаго языковѣдѣнія а также глава, посвященная лексическимъ вопросамъ. Вообще же слѣдуетъ начинающему обратиться къ указанному сочиненію Бругмана и большому труду Бругмана и Дельбрюка, такъ какъ книга Meillet отличается слишкомъ субъективнымъ характеромъ какъ разъ по очень важнымъ принципіальнымъ вопросамъ.

Лучшій сравнительный (этимологическій) словарь индоевропейскихъ языковъ принадлежитъ Фику-(Fick, Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen). Третье изданіе этой книги уже устарѣло, а четвертое пока не доведено до конца (1-ая часть вышла въ 1891, а 2-ая въ 1894 г.).

Лингвистическія сочиненія, посвященныя нѣкоторымъ отдѣльнымъ языкамъ:

1) по г р е ч е с к о м у языку лучшія историческія грамматики: G. Meyer, Griechische Grammatik, 3-te Aufl., Leipzig, 1896.

K.Brugmann, Griechische Grammatik, 3-te Aufl., München, 1900 (въ составѣ 2-го тома извѣстнаго изданія"Handbuch der klassischen Altertumswissenschaft", herausg. von Dr.Iwan v.Müller).

Вопросу о происхожденіи κοινή посвящена книга Тумба (A.Thumb, Die Griechische Sprache im Zeitalter des Hellenismus, Strassburg, 1901.

Хорошаго этимологическаго словаря греческаго языка пока нѣтъ.

2) по л а т и н с к о м у языку: лучшія историческія грамматики: F. Sommer, Handbuch der lateinischen Laut- und Formenlehre, Heidelberg, 1902; F. Stolz und Schmalz, Lateinische Grammatik, 3-te Aufl., München, 1900 (въ составѣ 2-го тома Handbuch Мюллера); Lindsay, Die lateinische Sprache, Leipzig, 1897 (переводъ съ англійскаго).

3) по г е р м а н с к и м ъ языкамъ: грамматика общенѣмецкаго языка написана Штрейтбергомъ (Streitberg, Urgermanische Grammatik, Heidelberg, 1903); историческія грамматики отдѣльныхъ германскихъ языковъ выходятъ въ свѣтъ въ двухъ коллекціяхъ: одна издается подъ общей редакціей Штрейтберга, другая -подъ общей редакціей Брауне; кромѣ того очерки грамматики общегерманскаго и отдѣльныхъ германскихъ языковъ входятъ въ составъ 1-го тома общаго пособія Grundriss der Germanischen Philologie, herausg. von H. Paul, 2-te Aufl.

Лучшій этимологическій словарь нѣмецкаго языка принадлежитъ Клуге (F. Kluge, Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache, 6-te Aufl., Strassburg, 1899).

Очень полезна для начинающихъ грамматика нѣмецкаго языка Вильманса (Wilmans, Deutsche Grammatik, 2-te Aufl., Strassburg, 1-ый т. 1897, 2-ой т. 1899, 3-ій т. печатается), излагающаго исто-

рію нѣмецкаго языка (т.е. верхне--нѣмецкаго языка) въ связи съ исторіей готскаго языка.

4) по с г а р о с л а в я н с к о м у языку: лучшій учебникъ грамматики старославянскаго языка составленъ Лескиномъ (A. Leskien, Handbuch der altbulgarischen Sprache, 3-te Aufl., Weimar, 1898);
второе изданіе этой книги, мало отличающееся отъ 3-ьяго, переведено на русскій языкъ и снабжено важнымъ дополненіемъ по языку Остромирова Евангелія, написаннымъ переводчиками: А.А. Шахматовымъ и В.И.Щепкинымъ (Грамматика старославянскаго языка А.Лескина. Москва. 1890).

Кромѣ индоевропейскихъ языковъ и языковъ другихъ семей, о которыхъ я говорю ниже, въ Европѣ мы встрѣчаемся съ однимъ древнимъ языкомъ, не существующимъ въ настоящее время и извѣстнымъ по надписямъ, и съ другимъ, существующимъ и теперь, вопросъ о родственныхъ отношеніяхъ ихъ къ другимъ языкамъ не рѣшенъ. Одинъ изъ нихъ мало еще изученъ, а другой стоитъ дѣйствительно одиноко и представляетъ остатки какой-то отдѣльной семьи языковъ, существовавшей нѣкогда въ Европѣ. Первый изъ этихъ языковъ - языкъ этрусковъ, существовавшій въ Италіи на сѣверъ отъ Лаціума; по дошедшимъ отъ него надписямъ, которыя не всѣ дешифри-

рованы, можно судить, что этрусскій языкъ не находится въ родственныхъ отношеніяхъ ни съ однимъ языкомъ, существующимъ въ Европѣ, въ тѣсномъ смыслѣ этого термина. Попытки доказать родство его съ какимъ-нибудь изъ индоевропейскихъ языковъ увѣнчались полнымъ неуспѣхомъ. Теперь ищутъ родство для него въ другомъ мѣстѣ - на Кавказѣ. Другой языкъ - языкъ басковъ существуетъ и теперь; опредѣлить родственныя отношенія его къ другимъ языкамъ ученымъ пока не удалось. Можно думать, что баски - остатки древнихъ обитателей Европы, исчезнувшихъ почти совершенно подъ натискомъ другихъ племенъ.

Обратимся къ обзору генеалогическихъ отношеній между другими языками, пока мною не названными.

Прежде всего обратимъ вниманіе на 5 семействъ языковъ, существующихъ частью въ Европѣ, частью въ Азіи, относительно которыхъ нѣкоторые ученые высказываютъ предположеніе, что всѣ они родственны между собою и составляютъ одну семью у р а л о - а л т а й с к и х ъ языковъ. Эти семейства слѣдующія: 1) семейство *самоѣдское*, распространенное по Европейскому берегу Сѣвернаго Ледовитаго океана и, частью, по его азіатскому берегу; 2) семейство *финское*, распространенное тоже

2

большею частью по Европѣ, а незначительная часть его находится въ Азіи; 3) *ТУРЕЦКО-ТАТАРСКОЕ* семейство - - въ Европѣ и въ Азіи; 4) *МОНГОЛЬСКОЕ* семейство - большею частью въ Азіи; 5) *МАНДЖУРСКОЕ* или *ТУНГУЗСКОЕ* семейство - тоже въ Азіи.

Ф и н н с к і е языки слѣдующіе: 1) собственно финнскій; 2) эстонскій; 3) карельскій; 4) лапландскій; 5) языкъ мадьярскій или венгерскій; 6) языкъ остяковъ; 7) вогульскій языкъ; 8) языкъ вотяковъ; 9) языкъ зырянъ; 10) черемисскій; 11) два мордовскихъ языка, принадлежащіе двумъ племенамъ: эрзя и мокша, и нѣкоторые другіе языки, частью уже вымершіе.

Всѣ названные финнскіе языки, за исключеніемъ остяцкаго и вогульскаго, находятся въ Европѣ, а послѣдніе - - въ Сибири; при чемъ отъ остяцкаго языка финнской семьи надс отличать языкъ того же названія, существующій въ Сибири же, но не принадлежащій къ финнской семьѣ языковъ.

Древнѣйшіе памятники мадьярскаго языка относятся къ XII вѣку, древнѣйшіе памятники финнскаго языка - - къ XVI вѣку.

Т у р е ц к о - т а т а р с к о е семейство составляютъ языки: 1) турецкій, 2) татарскій, 3) якутскій, 4) башкирскій, 5) киргизскій, 6) языки туркменъ и нѣкоторые другіе.

Монгольская семья принадлежитъ монголамъ, распадающимся на группы восточно-монгольскую и западно-монгольскую; къ 1-ой принадлежатъ буряты, ко 2-ой - калмыки.

Тунгузская или манджурская группа представлена языками тунгузскимъ и манджурскимъ и нѣкоторыми другими, плохо еще изученными; а что касается самоѣдской семьи языковъ, то рядъ самоѣдскихъ племенъ, которымъ принадлежатъ эти языки (ихъ насчитываютъ четыре), живетъ по берегу Сѣвернаго Ледовитаго океана въ Европѣ и Азіи.

Относительно только что названныхъ мною пяти семействъ языковъ высказано было предположеніе, что всѣ они находятся въ родствѣ по происхожденію; если и есть между ними родственныя связи, то во всякомъ случаѣ болѣе отдаленныя, чѣмъ между отдѣльными вѣтвями индоевропейской семьи: слишкомъ отдалены они другъ отъ друга различіями въ грамматикѣ и въ словарѣ, хотя есть у нихъ нѣкоторыя черты и общія.

Несомнѣннымъ фактомъ можно считать ближайшее родство финнской и самоѣдской группы; во-вторыхъ, можно признать ближайшее родство турецко-татарскаго и монгольскаго семействъ. Далѣе, тунгузская, или манджурская, группа языковъ несомнѣнно родственна по происхожденію съ монгольской группой, а, по мнѣнію Винкле-

ра, первая группа въ нѣкоторомъ отношеніи ближе къ финнскому и самоѣдскому семействамъ, такъ что, повидимому, тунгузская или манджурская группа языковъ занимаетъ промежуточное мѣсто между финнскимъ и самоѣдскимъ семействами съ одной стороны, и турецко-татарскимъ и монгольскимъ, съ другой стороны.

Что касается грамматическаго строя этихъ языковъ, то объ особенностяхъ его я буду говорить впослѣдствіи, когда мы ознакомимся съ тѣмъ, какіе существуютъ въ языкахъ грамматическіе факты. Теперь же мы можемъ ограничиться только указаніемъ на то, что наиболѣе развитыми въ грамматическомъ отношеніи являются финнскіе языки, наименѣе же развитыми - тунгузскій и манджурскій.

Далѣе, если мы будемъ переходить изъ Европы въ Азію, то встрѣтимъ цѣлый рядъ языковъ, которые называются *КАВКАЗСКИМИ*. Этотъ терминъ относится къ языкамъ, которые находятся на Кавказѣ и не принадлежатъ ни къ какому изъ извѣстныхъ намъ семействъ, существующихъ и внѣ Кавказа: напримѣръ, армянскій и осетинскій языки не являются кавказскими языками въ тѣсномъ значеніи этого термина, такъ какъ принадлежатъ, какъ мы видѣли, къ индоевропейской семьѣ языковъ.

Южно-кавказскіе языки суть: грузинскій, мингрельскій, сванетскій и нѣкоторые другіе, между которыми есть родственная связь по происхожденію.

Сѣверно-кавказскіе языки слѣдующіе: чеченскій, лезгинскій, черкесскій и другіе; совершенно пока неизвѣстно, родственны ли они между собой, а потому неизвѣстно и то, родственны ли они и съ группою южно-кавказскихъ языковъ.

Далѣе, мы встрѣчаемся съ большой семьей *семитскихъ* языковъ, которые мы находимъ въ Азіи и, частью, въ Африкѣ, не считая, конечно, случайныхъ поселеній семитовъ въ другихъ частяхъ свѣта.

Семитскіе языки очень близки между собою и въ своемъ грамматическомъ строѣ представляютъ такія особенности, которыя рѣзко выдѣляютъ ихъ среди другихъ языковъ. Благодаря этимъ обстоятельствамъ родство ихъ между собою не могло остаться незамѣченнымъ уже туземными грамматиками: въ X вѣкѣ по Р.Х. арабскіе ученые замѣтили родство ихъ языка съ языкомъ еврейскимъ. Но не на изученіи семитскихъ языковъ создалось, какъ мы видѣли, сравнительное языковѣдѣніе, между прочимъ и потому, что семитскіе языки представляютъ для этого почву менѣе благопріятную, чѣмъ индоевропейскіе

языки. Древнеассирійскій языкъ сталъ доступенъ научному изслѣдованію только въ XIX вѣкѣ, когда были дешифрированы надписи, въ которыхъ этотъ языкъ дошелъ до насъ. Въ настоящее время къ изученію семитскихъ языковъ ученые примѣняютъ тѣ методы, которые выработаны на почвѣ изученія индоевропейскихъ языковъ, но общесемитскій языкъ и до сихъ поръ еще не возстановленъ въ достаточной полнотѣ.

Семитская семья языковъ состоитъ изъ слѣдующихъ членовъ : 1) древнеассирійскій языкъ, извѣстный по клинообразнымъ надписямъ Вавилона и Ниневіи и называемый также просто ассирійскимъ языкомъ; языки еврейскій и древнефиникійскій; 3) языкъ арамейскій или сиро-халдейскій; 4) языки а р а б с к о й вѣтви.

Древнеассирійскій языкъ извѣстенъ по клинообразнымъ надписямъ, начиная съ очень отдаленныхъ временъ.

Языкъ еврейскій уже за 4 вѣка до Р.Х. не былъ живымъ языкомъ въ Палестинѣ. Онъ извѣстенъ по письменнымъ памятникамъ. Въ живомъ употребленіи онъ исчезъ, будучи вытѣсненъ однимъ изъ арамейскихъ нарѣчій, но въ искусственномъ употребленіи, какъ языкъ ученыхъ, онъ продолжалъ сохраняться, сохраняется въ этомъ значеніи и понынѣ среди евреевъ, у которыхъ въ живомъ употребленіи являются различные языки, смотря по различію условій; наибольшимъ распространеніемъ пользу-

ется такъ-называемый "жаргонъ", представляющій смѣсь различныхъ элементовъ.

Арамейскій или сиро-халдейскій языкъ существуетъ и теперь, имѣя своимъ потомкомъ сирійскій языкъ.

Языки арабской вѣтви: 1) собственно арабскій, широко распространившійся за предѣлы своей родины въ связи съ движеніемъ проповѣди Ислама; 2) древнегимьярскій языкъ - въ южной Аравіи и 3) два эѳіопскихъ или абиссинскихъ языка. Отъ этихъ эѳіопскихъ языковъ арабской вѣтви надо отличать эѳіопскій языкъ хамитской вѣтви, о которой я буду говорить впослѣдствіи.

На юго-востокѣ Азіи мы встрѣчаемъ цѣлую группу языковъ, которые представляютъ сходство въ томъ отношеніи, что въ нихъ нѣтъ формъ отдѣльныхъ полныхъ словъ - это такъ-называемые *корневые* языки; въ нихъ нѣтъ ни склоненій, ни спряженій и т.д., а существуютъ лишь формы словосочетаній. Эти языки, несмотря на сходственные признаки въ грамматическомъ отношеніи, не родственны между собою въ генеалогическомъ отношеніи, и наукѣ представляется вопросъ, какъ объяснить указанное сходство этихъ языковъ между собою.

Къ этимъ языкамъ принадлежатъ: 1) языкъ китайскій, имѣющій очень древніе памятники - болѣе, чѣмъ за 2000

лѣтъ до Р.Х., 2) сіамскій, 3) бирманскій и нѣкоторые другіе, которые не родственны другъ другу по происхожденію.

Языкъ японскій ни въ какомъ отношеніи не родственъ съ языкомъ китайскимъ. Родство его съ китайскимъ предполагалось раньше благодаря тому, что Японія долгое время находилась подъ сильнымъ культурнымъ воздѣйствіемъ Китая. Въ позднѣйшее время высказывалась гипотеза о принадлежности японскаго языка по происхожденію къ тѣмъ языкамъ, которые называются урало-алтайскими, но и это не подтвердилось, и японскій языкъ такъ же, какъ и китайскій, стоитъ одиноко въ генеалогической классификаціи языковъ.

Далѣе, одиноко стоятъ въ генеалогической классификаціи языковъ г и м а л а й с к і е языки, изъ которыхъ болѣе извѣстенъ тибетскій языкъ.

На Индостанѣ, кромѣ индоевропейскаго языка индусовъ, мы находимъ семью д р а в и д с к и х ъ языковъ и семью языковъ м у н д а. Дравидскія племена - болѣе древніе обитатели Индіи, чѣмъ индусы: они жили въ Индостанѣ раньше индійцевъ, которые оттѣснили ихъ на югъ полуострова.

Существуетъ цѣлый рядъ языковъ въ сѣверо-восточномъ углу Азіи, родственныя отношенія которыхъ совсѣмъ неизвѣстны: это языки юкагировъ, чукчей, камчадаловъ

и нѣкоторые другіе. Одиноко стоитъ и языкъ енисейскихъ остяковъ, которыхъ не надо смѣшивать съ остяками финнской вѣтви, о которыхъ я говорилъ выше.

По надписямъ намъ извѣстенъ еще языкъ древнихъ обитателей Ассиріи, жившихъ тамъ до прихода семитовъ. Памятники этого языка - надписи, и по одному нарѣчію языкъ этотъ называется суммерійскимъ, по другому - - аккадійскимъ языкомъ. Къ какой группѣ языковъ въ генеалогическомъ отношеніи принадлежалъ этотъ языкъ, совершенно неизвѣстно.

Отмѣтимъ далѣе языкъ древнихъ обитателей Арменіи, жившихъ тамъ до пришествія армянъ, говорящихъ на языкѣ, принадлежащемъ къ индоевропейской семьѣ языковъ. Это - хетты, оставившіе цѣлый рядъ надписей, которыя едва разгаданы въ ихъ наиболѣе существенныхъ частяхъ, такъ что до сихъ поръ вопросъ о мѣстѣ языка хеттитовъ въ генеалогической классификаціи языковъ еще не разрѣшенъ. Были попытки ученыхъ доказать, что хеттитскій языкъ былъ предкомъ языка позднѣйшихъ армянъ; но эти попытки были неудачны.

Теперь перейдемъ въ Африку. Въ сѣверо-восточной ея части, на побережьи Средиземнаго моря, мы встрѣчаемъ семью *ХАМИТСКИХЪ* языковъ, къ которой принадлежатъ: 1) языкъ древнеегипетскій, извѣстный по надписямъ съ очень древнихъ поръ. Потомкомъ древнеегипет-

скаго является языкъ КОПТСКІЙ, тоже теперь не существующій и вытѣсненный въ живомъ употребленіи арабскимъ языкомъ. Только благодаря остаткамъ памятниковъ коптскаго языка удалось разгадать древнеегипетскіе гіероглифы. Во-2) берберійскіе языки, вытѣсненные арабскимъ языкомъ; 3) эеіопскій языкъ, который надо отличать отъ одноименнаго съ нимъ языка арабской вѣтви.

Вдаваясь въ глубь Африки, мы встрѣчаемъ нубійскіе языки и языки негровъ, которые слишкомъ мало изслѣдованы, чтобы можно было опредѣлить ихъ отношенія къ другимъ языкамъ.

Въ южной Африкѣ находится семья каффрскихъ языковъ, называемая семьею языковъ "б а н т у". Эти языки представляютъ одну семью, т.е. родственны между собою по происхожденію. Кромѣ каффрскихъ языковъ мы встрѣчаемъ тамъ два языка, стоящіе одиноко въ генеалогическомъ отношеніи. Это - языки готтентотовъ и языкъ бушменовъ, не родственные и между собою, равно какъ и племена, говорящія на этихъ языкахъ, различаются по физическимъ признакамъ.

На большомъ пространствѣ по Великому океану отъ острова Пасхи до Мадагаскара въ одну сторону, а съ другой стороны отъ острова Формозы до Новой Зеландіи мы встрѣчаемъ одну семью языковъ, которая называется

малайско-полинезійской. Въ этой группѣ языковъ различаются три вѣтви: 1) собственно малайская, на полуостровѣ Малаккѣ, 2) полинезійская, на которой говорятъ туземцы Полинезіи, и 3) меланезійская, къ которой принадлежатъ туземцы Меланезіи. Эти вѣтви распадаются на цѣлый рядъ нарѣчій, и племена, говорящія на меланезійскихъ нарѣчіяхъ, отличаются отъ чистой малайской расы. Можно думать, что меланезійцы представляютъ смѣшеніе малайской расы съ племенемъ папуа. Языки расы папуа находятся на группѣ австралійскихъ острововъ и мало изслѣдованы, но, повидимому, они принадлежатъ разнымъ группамъ въ генеалогическомъ отношеніи. На материкѣ Австраліи существуютъ языки австралійской расы, изъ числа которыхъ нѣсколько болѣе извѣстны языки южной части материка, повидимому, родственные между собою.

Въ Америкѣ, кромѣ различныхъ языковъ, распространившихся послѣ ея открытія, мы встрѣчаемся съ языками, принадлежащими туземцамъ, американской расы и языками обитателей Полярной Америки. Американскіе языки въ тѣсномъ смыслѣ этого термина, т.е. языки туземцевъ американской расы, мало изслѣдованы и родственныя отношенія между ними совершенно пока не выяснены. Многіе изъ нихъ въ грамматическомъ строѣ представляютъ

извѣстную особенность, о которой я буду говорить впослѣдствіи. Языки обитателей Полярной Америки (напр., эскимосовъ и алеутовъ) также мало изслѣдованы, и пока нельзя сказать ничего опредѣленнаго о томъ мѣстѣ, которое они занимаютъ въ генеалогической классификаціи языковъ. Что касается эскимосскаго и алеутскаго языковъ, то они не родственны другъ другу.

Вотъ, что намъ извѣстно о генеалогической классификаціи языковъ. Можно думать, что наука постоянно будетъ дѣлать успѣхи въ установленіи генеалогической связи между отдѣльными языками, - тамъ, гдѣ эта связь вообще можетъ быть опредѣлена. Много языковъ, однако, уже не существуетъ и не оставило послѣ себя никакихъ слѣдовъ, поэтому опредѣленіе генеалогическихъ связей будетъ встрѣчать непреодолимыя препятствія въ этомъ отношеніи. Такимъ образомъ, сама природа нашего матеріала ставитъ преграды наукѣ въ изслѣдованіи генеалогическихъ отношеній между языками. Поэтому наука не можетъ уже по этой причинѣ отвѣтить и въ будущемъ на вопросъ, произошли ли всѣ языки изъ одного общаго праязыка, или такихъ праязыковъ было нѣсколько. Другое принципіальное затрудненіе состоитъ въ слѣдующемъ: если намъ и удастся свести праязыки отдѣльныхъ семей и группъ семействъ языковъ къ нѣсколькимъ еще болѣе пер-

воначальнымъ праязыкамъ, то мы не будемъ въ состоянiи опредѣлить, зависитъ ли сходство между собою немногихъ вообще словъ въ этихъ древнѣйшихъ праязыкахъ отъ того, что они родственны по происхожденiю, или это сходство объясняется общими сходствами психической и физической организацiи человѣчества. Дѣло въ томъ, что человѣческiй языкъ на древнѣйшихъ ступеняхъ своего развитiя былъ очень несложенъ и долженъ былъ обладать очень ограниченнымъ запасомъ словъ и словосочетанiй съ очень широкимъ значенiемъ. Такимъ образомъ, и это обстоятельство не позволитъ намъ подойти къ разрѣшенiю указаннаго выше вопроса, который поэтому и не входитъ въ область научнаго языковѣдѣнiя: наука о языкѣ не можетъ задаваться его разрѣшенiемъ, и для научнаго языковѣдѣнiя вопросомъ является не то, произошли ли всѣ языки отъ одного языка, или отъ нѣсколькихъ, а то, какимъ образомъ вообще возникъ на землѣ человѣческiй языкъ словъ. Съ современнымъ положенiемъ въ наукѣ этого послѣдняго вопроса я и познакомлю Васъ въ свое время.

---ooΘΟΨZΨΟΘoo---

ЯЗЫКЪ И НАРѢЧІЕ.

При изложеніи генеалогической классификаціи языковъ мнѣ приходилось неоднократно употреблять термины: языкъ, нарѣчіе и діалектъ, значеніе которыхъ Вамъ извѣстно лишь въ общихъ чертахъ: языкъ болѣе крупная единица сравнительно съ нарѣчіемъ и діалектомъ. Въ виду этого я долженъ разъяснить точный смыслъ упомянутыхъ терминовъ, какой они имѣютъ въ наукѣ о языкѣ, разъяснить, какъ мы должны представлять себѣ взаимныя отношенія между языкомъ и нарѣчіемъ, нарѣчіемъ и діалектомъ. Причины, которыя вызываютъ распаденіе языка на діалекты, нарѣчія и говоры, для насъ пока не составляютъ предмета изслѣдованія и могутъ быть пока оставлены въ сторонѣ; о нихъ мнѣ придется говорить впослѣдствіи. Мы должны теперь только опредѣлить, что́ мы должны понимать подъ терминами: языкъ, нарѣчіе, діалектъ, говоръ, и въ какомъ отношеніи они стоятъ другъ къ другу.

Каждый языкъ представляетъ совокупность извѣстныхъ нарѣчій, причемъ различія между послѣдними основываются на различіяхъ въ составѣ самого общества, или по мѣсту жительства отдѣльныхъ частей даннаго общества

(мѣстныя нарѣчія), или по соціально-экономическимъ и культурнымъ условіямъ, вызывающимъ распаденіе даннаго общества на тѣ или другія группы (напр., нарѣчіе того или другого ремесленнаго класса, литературное нарѣчіе, общее для всѣхъ образованныхъ людей даннаго общества и т.п.). Слѣдовательно, дробленіе общества на части въ томъ или другомъ отношеніи сопровождается дробленіемъ языка.

Опредѣляя различія между нарѣчіями даннаго языка, мы исходимъ только изъ различій въ звуковой сторонѣ словъ, потому что звуки рѣчи даютъ только матеріалъ для языка, и поэтому всѣ различія между нарѣчіями, какъ нарѣчіями одного языка, могутъ касаться только этихъ различій - въ звуковой сторонѣ; а различія въ значеніяхъ данныхъ словъ не принадлежатъ уже нарѣчіямъ, какъ нарѣчіямъ одного языка, а принадлежатъ имъ какъ самостоятельнымъ языкамъ. Дѣло въ томъ, что только различія въ самомъ матеріалѣ языка и могутъ быть различіями н а р ѣ ч і й, какъ частей одного цѣлаго, одного языка, а разъ мы имѣемъ дѣло съ различіями значеній словъ, то это уже будутъ различія, принадлежащія различнымъ (хотя бы и родственнымъ по происхожденію) я з ы к а м ъ.

Какія же различія въ звуковой сторонѣ словъ принадлежатъ нарѣчіямъ, какъ нарѣчіямъ, существующимъ

именно въ составѣ одного языка? До тѣхъ поръ, пока мы ясно сознаемъ, что воспринимаемое нами слово другого лица есть то же самое слово, которое мы знаемъ въ своемъ собственномъ нарѣчіи, но только въ другой звуковой формѣ, мы имѣемъ дѣло съ такимъ различіемъ въ звуковой сторонѣ слова, которое принадлежитъ даннымъ нарѣчіямъ, какъ нарѣчіямъ одного общаго языка. Пока мы сознаемъ, что существующее въ рязанскомъ, тульскомъ, тамбовскомъ, вообще въ разныхъ южновеликорусскихъ говорахъ, напр., слово "тяпло" есть то же самое слово, что и наше литературное "тепло", но только съ извѣстнымъ отличіемъ въ звуковой сторонѣ, до тѣхъ поръ мы имѣемъ право говорить о всѣхъ данныхъ нарѣчіяхъ, какъ нарѣчіяхъ одного общаго языка.

Разъ нарѣчія съ теченіемъ времени въ своемъ развитіи уже настолько разошлись другъ отъ друга, что мы перестаемъ сознавать, что извѣстныя слова одного діалекта соотвѣтствуютъ извѣстнымъ словамъ другого діалекта, но уже въ другой звуковой формѣ, то мы имѣемъ дѣло уже не съ нарѣчіями, а съ самыми языками. Напримѣръ, слыша сербское слово сан, мы не въ состояніи опредѣлить непосредственно по звуковой его формѣ, что это слово - то же самое, что наше сонъ. Мы видѣли изъ генеалогической классификаціи языковъ, что языки, составляющіе какую-нибудь семью, связанные общностью происхожденія, происходятъ отъ одного общаго для всѣхъ

данныхъ языковъ праязыка, напримѣръ, всѣ семитскіе языки произошли отъ семитскаго праязыка, всѣ славянскіе - отъ славянскаго праязыка и т.д. И вотъ, въ силу того, что отдѣльные языки данной семьи нѣкогда составляли дѣйствительно одно цѣлое, мы и можемъ называть ихъ нарѣчіями, имѣя въ виду общую ихъ связь въ прошломъ: напр., мы можемъ говорить - славянскія нарѣчія, романскія нарѣчія, индоевропейскія нарѣчія и т.д., основываясь на томъ, что всѣ славянскіе языки произошли изъ одного общеславянскаго праязыка, романскіе языки - изъ одного общероманскаго праязыка и всѣ индоевропейскіе языки изъ одного общеиндоевропейскаго праязыка.

Понятно, оба эти значенія термина "нарѣчіе" мы не должны смѣшивать: имѣемъ ли мы дѣло съ первоначальнымъ значеніемъ этого термина по отношенію къ связи данныхъ языковъ въ ихъ настоящемъ, или съ переноснымъ - - по отношенію къ связи ихъ въ прошломъ. "Нарѣчіями" въ первомъ смыслѣ этого термина называются нарѣчія одного языка, живущія въ данное время еще общей совмѣстной жизнью, а во второмъ значеніи даннаго термина нарѣчія - это самостоятельные языки, связанные лишь общностью происхожденія изъ одного общаго для нихъ праязыка, распавшись на нарѣчія, совмѣстная жизнь которыхъ прекращается въ силу тѣхъ или другихъ условій,

вслѣдствіе чего они съ теченіемъ времени и образовали самостоятельные языки.

Я говорилъ до сихъ поръ о томъ признакѣ, на основаніи котораго мы опредѣляемъ извѣстные языки какъ нарѣчія одного общаго языка въ собственномъ смыслѣ этого термина, но различія между отдѣльными нарѣчіями даннаго языка состоятъ не только въ этомъ, а именно здѣсь присутствуютъ и различія какъ въ самихъ словахъ, такъ и въ значеніяхъ словъ. Вы уже знаете, что по отношенію къ этимъ послѣднимъ различіямъ отдѣльныя нарѣчія мы должны разсматривать какъ самостоятельные языки, хотя и связанные другъ съ другомъ общностью происхожденія, т.е. какъ нарѣчія одного языка не въ настоящемъ, а въ прошломъ. Различія въ самихъ словахъ бываютъ двоякаго рода: 1) въ извѣстномъ нарѣчіи могутъ существовать такія слова, которыхъ совсѣмъ нѣтъ въ другихъ нарѣчіяхъ, а 2) въ извѣстномъ нарѣчіи извѣстныя слова, не извѣстныя въ другихъ нарѣчіяхъ, имѣютъ такую часть или такія части, которыя существуютъ въ другихъ нарѣчіяхъ въ другихъ словахъ. Случаи перваго рода объясняютъ, понятно, или тѣмъ, что данное нарѣчіе утратило извѣстное слово или извѣстныя слова, сохранившіяся въ другихъ нарѣчіяхъ, или тѣмъ, что такое слово или такія слова возникли въ извѣстномъ нарѣчіи вновь тѣмъ или другимъ путемъ. Случаи второго рода также не представляютъ затрудненій для объясне-

нія: въ данномъ нарѣчіи такія слова, которыя неизвѣстны въ другихъ нарѣчіяхъ, но имѣютъ такую часть или такія части, которыя существуютъ въ другихъ нарѣчіяхъ въ другихъ словахъ, представляютъ или остатки старины, тогда какъ они другими нарѣчіями утрачены, или образованы вновь. Напримѣръ, русское діалект. (сѣв.) пáуздокъ въ значеніи "недоуздокъ" заключаетъ въ себѣ части, существующія въ другихъ нарѣчіяхъ въ другихъ словахъ и является примѣромъ для второй категоріи случаевъ второго рода. Діалектич. потреба въ значеніи "нужда" представляетъ собою остатокъ старины, не сохранившійся въ другихъ діалектахъ (ср. потреблять и т.п.), какъ о томъ свидѣтельствуютъ польское potrzeba, сербское потреба, болг. потреба.

Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ мы находимъ между отдѣльными нарѣчіями различія въ значеніяхъ словъ, или значеніе извѣстнаго слова въ одномъ діалектѣ настолько отличается отъ значенія того же по происхожденію слова въ другихъ діалектахъ, что это различіе сознается какъ различіе въ самомъ словѣ, или значеніе извѣстнаго слова въ одномъ діалектѣ настолько близко къ значенію того же по происхожденію слова въ другомъ діалектѣ, что можетъ быть сознаваемо говорящими какъ видоизмѣненіе этого (послѣдняго) значенія. Въ случаяхъ перваго рода нарѣчія относятся другъ къ другу, какъ совершенно чуждые другъ другу языки, а въ случаяхъ

второго рода нарѣчія относятся другъ къ другу, какъ языки не чуждые, но близкіе въ ихъ прошломъ. Напримѣръ, если мы услышимъ отъ крестьянина сѣверной Россіи: "я пашу избу" (въ значеніи "мету" *x)*), то не поймемъ этого выраженія и не будемъ въ состояніи ассоціировать "пашу" въ этомъ значеніи съ "пашу" въ извѣстномъ намъ значеніи; въ этомъ случаѣ мы имѣемъ примѣръ для первой категоріи. А съ другой стороны, если мы услышимъ отъ крестьянина южной губерніи, напр., лавка (въ значеніи "дощечка", "перекладина черезъ ручей"), то можемъ воспринять это значеніе, какъ видоизмѣненіе значенія "лавка" = скамья, извѣстнаго намъ въ нашемъ нарѣчіи.

Такимъ образомъ, нарѣчія одного языка по однимъ признакамъ являются нарѣчіями, а по другимъ признакамъ являются самостоятельными языками. Съ другой стороны, отдѣльные языки могутъ называться нарѣчіями по отношенію къ ихъ общему происхожденію изъ одного праязыка.

Что касается различія между терминами "нарѣчіе", "діалектъ" и "говоръ", то въ научной терминологіи оно не вполнѣ установлено, наблюдается тенденція называть болѣе крупныя единицы нарѣчіями, болѣе мелкія - діалектами, далѣе - еще болѣе мелкія - говорами.

---

x) и въ соотвѣтствіи съ нашимъ "пахать" въ сѣверно-русскихъ говорахъ сохранилось старое "орать".

Въ дополненіе къ тому, что я говорилъ о взаимныхъ отношеніяхъ нарѣчій въ составѣ одного языка, я долженъ замѣтить, что распаденіе языка на отдѣльныя нарѣчія и превращеніе съ теченіемъ времени отдѣльныхъ нарѣчій въ самостоятельные языки находится въ тѣсной связи съ дробленіемъ того общества, которому принадлежитъ данный языкъ, на извѣстныя части. Подробнѣе я буду говорить объ этомъ впослѣдствіи, когда мы познакомимся съ тѣми условіями, которыя вызываютъ постепенныя измѣненія языка. Прежде чѣмъ перейти къ изученію этихъ явленій, мы должны разсмотрѣть составные элементы языка. Нашъ обзоръ мы начнемъ съ внѣшней стороны языка, съ его звуковой стороны.

ФИЗІОЛОГІЯ ЗВУКОВЪ РѢЧИ.

Общія условія образованія звуковъ рѣчи изучаетъ та наука, которая изучаетъ функціи органовъ нашего тѣла, т.е. физіологія. Отдѣлъ этой науки, посвященный изслѣдованію указаннаго вопроса, мы будемъ называть физіологіей звуковъ рѣчи. Понятно, что сама по себѣ физіологія звуковъ рѣчи не входитъ въ область науки о языкѣ, но всякій лингвистъ долженъ быть хорошо знакомъ съ этою частью общей физіологіи человѣка, такъ какъ

безъ точнаго и яснаго представленія объ общихъ условіяхъ образованія звуковъ рѣчи, онъ не можетъ изслѣдовать звуковую сторону даннаго языка.

Нѣмецкіе ученые тотъ отдѣлъ физіологіи, о которомъ я сейчасъ говорю, называютъ "фонетикой", потому что у нихъ терминъ "фонетика" не имѣетъ другого значенія; а въ русской лингвистикѣ фонетикой называется тотъ отдѣлъ языковѣдѣнія, который изучаетъ тѣ измѣненія въ звукахъ рѣчи, которыя происходятъ въ жизни языка, - тотъ отдѣлъ, который нѣмецкіе лингвисты называютъ Lautlehre, Lautgeschichte. Съ другой стороны, и у насъ были попытки ввести особый терминъ для физіологіи звуковъ рѣчи, а именно - "антропофоника", но этотъ терминъ не удержался въ виду его искусственности.

Общимъ пособіемъ по физіологіи звуковъ рѣчи служитъ прекрасная книга нѣмецкаго лингвиста Сиверса (Sievers, Grundzüge der Phonetik), вышедшая уже 5-мъ изданіемъ въ 1901 году.

Органы, которые принимаютъ участіе при образованіи звуковъ рѣчи - это 1) органы, образующіе дыханіе, дыхательные органы: діафрагма (грудобрюшная преграда), легкія, дыхательное горло; 2) гортань и полости, находящіяся надъ гортанью - полость рта и полость носа. Въ этихъ послѣднихъ органахъ дыханіе превращается въ звуки. Не всѣ звуки, которые образуются посредствомъ этихъ

органовъ, являются звуками рѣчи; напримѣръ, при прерывистыхъ сокращеніяхъ діафрагмы при вдыханіи появляются звуки, которые мы называемъ рыданіемъ или, при выдыханіи - чиханіе, кашель.

Звуки рѣчи образуются при слѣдующихъ условіяхъ: воздухъ, проходя черезъ дыхательное горло въ гортань и далѣе въ полости рта и носа, встрѣчаетъ на своемъ пути преграды, преодолѣвая которыя, онъ образуетъ звукъ. Мы должны различать двѣ категоріи звуковъ: шумы и музыкальные тоны, или звуки въ тѣсномъ смыслѣ этого термина. Шумомъ называется такой звукъ, который образуется непеpіодическимъ колебаніемъ звучащаго тѣла (а изъ физики Вамъ извѣстно, что всякій звукъ вызывается колебаніемъ звучащаго тѣла), между тѣмъ какъ тонъ образуется пеpіодическими его колебаніями. Гортань, въ которой выдыхаемый воздухъ на своемъ пути встрѣчаетъ первую преграду, представляетъ полый органъ съ хрящевымъ подвижнымъ остовомъ, въ которомъ находятся два мускула, двѣ голосовыя связки. Эти голосовыя связки могутъ ослабляться и натягиваться, могутъ быть сближены и отдалены другъ отъ друга. Далѣе, воздухъ проходитъ черезъ полости рта и носа; когда полость носа закрыта для свободнаго прохода воздуха, то воздухъ проходитъ только черезъ полость рта; а создается эта преграда слѣдующимъ образомъ: подвижное

мягкое небо можетъ подниматься и закрывать собою проходъ въ полость носа.

Итакъ, воздухъ, выдыхаемый изъ легкихъ, на своемъ пути въ гортани можетъ встрѣтить первую преграду, образуемую голосовыми связками. Голосовыя связки при обыкновенномъ спокойномъ дыханіи очень слабо натянуты, такъ что между ними остается свободный проходъ, о края котораго нѣтъ тренія выдыхаемаго воздуха. Возьмемъ теперь случай, когда связки настолько натянуты и сближены, что прохода между ними не остается. Напоръ воздуха заставляетъ ихъ приподняться, разойтись, но въ слѣдующій моментъ онѣ вновь сходятся и опускаются ниже своего первоначальнаго положенія; этотъ процессъ повторяется , и вотъ связки, приходя въ колебаніе, образуютъ голосъ. Голосъ въ полости носа и въ полости рта встрѣчаетъ преграды, которыя придаютъ ему или ту или другую окраску, или присоединяютъ къ нему извѣстный шумъ. Если въ полости рта при закрытомъ проходѣ въ полость носа голосъ не встрѣчаетъ существенныхъ преградъ въ видѣ тѣсно сближенныхъ или сомкнутыхъ органовъ рѣчи, то онъ, проходя свободно черезъ эту полость, образуетъ гласные звуки, которые получаютъ различную окраску въ зависимости отъ того вида, который представляетъ полость рта вслѣдствіе положенія различныхъ органовъ рта и ихъ частей. Такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ полость рта играетъ

роль резонатора. Что касается самого голоса, то нужно различать такъ-называемый грудной голосъ, голосъ полнаго образованія въ различныхъ отношеніяхъ, и такъ-называемый фальцетъ, получающійся тогда, когда между голосовыми связками остается въ передней части узкое эллиптическое отверстіе и онѣ не въ такой мѣрѣ натянуты, какъ при образованіи нормальнаго голоса; вслѣдствіе этого колебанія голосовыхъ связокъ получаютъ особый характеръ, именно эти послѣднія совершаютъ колебательныя движенія не всею массою.

Г Л А С Н Ы Я .

Такимъ образомъ, для образованія гласныхъ необходимое условіе - это голосъ, который принимаетъ ту или другую окраску въ той или другой части полости рта, не встрѣчая здѣсь препятствій въ видѣ сближенныхъ или тѣсно сомкнутыхъ органовъ рѣчи. Языкъ можетъ принимать участіе при образованіи гласныхъ или задней долей верхней спинки, или средней, или передней ея частью. Языкъ можетъ при этомъ въ данной своей части принимать напряженное положеніе или оставаться свободнымъ.

Если языкъ приподымается въ задней долѣ спинки къ заднему, мягкому небу, то образуется тотъ рядъ гласныхъ, который называется задненебнымъ; затѣмъ,

если языкъ приподымается въ средней части спинки къ переднему, твердому небу въ томъ приблизительно мѣстѣ, гдѣ оно отдѣляется отъ мягкаго неба, то получаются гласныя средненебнаго ряда и, наконецъ, если передняя часть спинки языка слегка приподымается къ переднему небу, то - гласныя передненебнаго ряда.

Въ зависимости отъ степени поднятія языка различаютъ три положенія: или языкъ занимаетъ наиболѣе нижнее положеніе, или онъ занимаетъ наиболѣе верхнее, или, наконецъ, среднее положеніе между тѣмъ и другимъ. Понятно, что существуетъ цѣлый рядъ постепенныхъ переходовъ изъ одного положенія въ другое. Въ соотвѣтствіи съ названными положеніями языка гласныя бываютъ или нижними, или верхними, или средними.

Въ каждомъ изъ названныхъ выше рядовъ гласныхъ допускаются двѣ разновидности въ каждой изъ гласныхъ въ зависимости отъ того, является ли напряженіе языка, или языкъ остается свободнымъ; въ первомъ случаѣ образуются гласныя, называемыя англійскими фонетиками узкими, во второмъ случаѣ - гласныя, называемыя ими широкими. Въ русской литературѣ нѣтъ общепринятыхъ терминовъ, и здѣсь употребляются термины: узкій и закрытый, широкій и открытый гласный звукъ. Мы условимся употреблять эти термины слѣдующимъ образомъ: *узкими* и *широкими* гласными мы будемъ называть гласныя въ за-

висимости отъ того, является ли полость рта при образованіи гласной болѣе узкой, или болѣе широкой безъ отношенія къ тому, чѣмъ это обстоятельство обусловлено: степенью ли поднятія языка или различіемъ въ его напряженномъ и свободномъ положеніи, а терминами *закрытыя* и *открытыя* гласныя будемъ пользоваться только по отношенію къ послѣднему различію, тогда какъ различія въ гласныхъ, обусловленныя степенью поднятія языка, обозначаются, какъ мы видѣли, терминами верхняя, средняя, нижняя гласная.

Затѣмъ, губы при образованіи гласныхъ того или другого ряда или принимаютъ активное участіе, или такого участія не принимаютъ; въ зависимости отъ этого получаются гласныя задненебныя, средненебныя и переднебныя лабіализованныя и нелабіализованныя, или чистыя. Лабіализованныя гласныя получаются, когда губы складываются болѣе или менѣе кругообразно и въ той или другой степени выдвигаются впередъ.

Надо замѣтить, что на слухъ, въ акустическомъ отношеніи, очень близки между собою нѣкоторыя гласныя, какъ нижнія закрытыя и среднія открытыя гласныя, среднія закрытыя и верхнія открытыя гласныя. Вообще при опредѣленіи качества гласныхъ, какъ и всякихъ звуковъ рѣчи вообще, всегда слѣдуетъ строго отличать, дѣлаемъ ли мы это опредѣленіе на слухъ, по акустическому впечатлѣнію, или на основаніи наблюденія надъ условіями

ихъ образованія нами самими и другими индивидуумами. Для этой послѣдней цѣли въ настоящее время существуетъ цѣлый рядъ приборовъ и примѣняется цѣлый рядъ методовъ, о чемъ я скажу впослѣдствіи.

Разсмотримъ теперь отдѣльныя гласныя, при чемъ мы будемъ обозначать ихъ, какъ это вообще принято въ физіологіи звуковъ рѣчи, буквами латинскаго алфавита, прибѣгая въ извѣстныхъ случаяхъ къ діакритическимъ знакамъ и условнымъ написаніямъ, а также къ буквамъ греческой азбуки.

Гласныя задняго нелабіализованнаго ряда - это различные виды а, которыя могутъ быть открытыми и закрытыми, съ одной стороны, и верхними, нижними и средними, съ другой стороны. Эти виды а въ акустическомъ отношеніи очень близки другъ къ другу.

Гласныя задняго лабіализованнаго ряда: 1) верхняя гласная - u открытое и закрытое; 2) средняя - о открытое и закрытое и, наконецъ, 3) самая нижняя гласная въ заднемъ лабіализованномъ ряду - та, которую мы можемъ обозначить, какъ a^{o} или o^{a}, и опредѣлить на слухъ, какъ а склонное къ о, или о склонное къ а.

Гласныя средняго ряда: 1) верхняя - открытая и закрытая - гласная, передаваемая условно буквою у (такъ

обозначается открытая и закрытая гласная, которая извѣстна, какъ закрытая, и въ русскомъ языкѣ, это - - наше ы); средняя открытая и закрытая гласная этого ряда можетъ быть условно обозначена написаніемъ ɘ, т.е. измѣненною буквою е, такъ какъ по условіямъ образованія она соотвѣтствуетъ гласной е (см. ниже) передняго ряда; наконецъ, нижняя гласная этого ряда можетъ быть условно обозначена какъ $a^{ɘ}$ или $ɘ^{a}$, такъ какъ въ акустическомъ отношеніи она можетъ быть опредѣлена какъ а склонное къ ɘ, или какъ ɘ склонное къ а.

Гласныя средняго лабіализованнаго ряда: верхняя гласная этого ряда можетъ быть обозначена написаніемъ ӱ, средняя - написаніемъ ɵ и [illegible] - написаніями $ӓ^{ɘ}$ или $ɵ^{a}$.

Гласныя передняго нелабіализованнаго ряда: 1) верхняя гласная - і открытое и закрытое; 2) средняя - е открытое и закрытое; 3) нижняя гласная открытая и закрытая, которая въ акустическомъ отношеніи можетъ быть опредѣлена какъ а склонное къ е или е склонное къ а; обозначается она написаніями a^{e} или e^{a} (открытая гласная a^{e} существуетъ, напр., въ англійскомъ языкѣ въ словѣ man, а закрытая гласная a^{e} извѣстна здѣсь же, напр., въ словѣ air; нѣмецкое ä обозначаетъ среднюю открытую гласную е, такое е существуетъ и въ русскомъ

языкѣ, напр., въ слогѣ передъ слѣдующимъ твердымъ слогомъ, а нѣмецкое долгое e̲ (напр., въ словѣ See) и русское e̲ передъ мягкимъ звукомъ (ср. русское дѣлить и дѣлать) - закрытыя гласныя e̲.

Гласныя передняго лабіализованнаго ряда: 1) верхняя - ü̲ открытое и закрытое; 2) средняя - ö̲ открытое и закрытое; 3) нижняя - a̲^{ö} или ö̲^{a} открытое и закрытое.

Примѣчаніе. Закрытыя гласныя могутъ быть обозначаемы написаніемъ цифры 1 вверху буквы, обозначающей данную гласную, съ правой ея стороны, а открытыя гласныя могутъ быть обозначаемы однороднымъ образомъ при помощи цифры 2; напр., e̲^{1} и e̲^{2} = e̲ закрытое и открытое.

ГЛАСНЫЯ НЕПОЛНАГО ОБРАЗОВАНІЯ.

Теперь мы должны разсмотрѣть тотъ случай, когда голосъ, необходимый для образованія гласной, образуется недостаточно вслѣдствіе того, что голосовыя связки при этомъ бываютъ недостаточно напряжены и испытываютъ болѣе слабыя колебанія, не до такой степени интенсивныя, какъ при нормальномъ развитіи голоса. При этихъ условіяхъ получается неполное образованіе голоса. Слѣдовательно, гласныя могутъ получаться или съ полнымъ или съ неполнымъ образованіемъ голоса. Далѣе, голосовыя связки могутъ быть настолько слабо натяну-

ты, что не получается никакихъ колебаній и, слѣдовательно, никакого звука, а только образуется шумъ отъ тренія выдыхаемаго воздуха о стѣнки голосовой щели (между голосовыми связками), который въ дальнѣйшемъ пути встрѣчаетъ въ полости рта то же положеніе органовъ рѣчи, какое они занимаютъ здѣсь при нормальныхъ условіяхъ образованія данныхъ гласныхъ. Такія гласныя, образуемыя безъ голоса, а лишь однимъ шумомъ, произносятся такъ-называемымъ шепотомъ.

ГЛАСНЫЯ НОСОВЫЯ.

При обзорѣ гласныхъ мы разсматривали такое положеніе органовъ рѣчи, когда доступъ воздуха въ полость носа прегражденъ поднятіемъ подвижного мягкаго неба. Теперь возьмемъ тотъ случай, когда голосъ идетъ свободно въ полость рта и носа: во рту голосъ пріобрѣтаетъ тѣ или другія характерныя особенности, и получается гласная того или другого ряда съ ихъ подраздѣленіями, а вслѣдствіе того, что открытъ свободный доступъ въ полость носа, придается этой гласной носовое свойство. Въ современномъ русскомъ языкѣ носовыхъ гласныхъ нѣтъ, а въ старославянскомъ языкѣ онѣ были - - это и , существуютъ носовыя гласныя и въ настоящее время, напр., въ польскомъ и во французскомъ язы-

кѣ. Въ лингвистикѣ носовыя гласныя принято обозначать условно гласною буквой съ маленькимъ крючкомъ внизу, напр., ę обозначаетъ "е носовое", ą обозначаетъ "а носовое" (въ польскомъ письмѣ ą обозначаетъ, какъ извѣстно, носовое о).

С О Г Л А С Н Ы Я.

При обычныхъ условіяхъ образованія гласныхъ, мы видѣли, въ полости рта нигдѣ не получается такихъ преградъ, которыя вызывали бы существенныя измѣненія того голоса, который выходитъ изъ гортани, въ томъ направленіи, чтобы получался тотъ или другой шумъ; при образованіи согласныхъ выдыхаемый воздухъ встрѣчаетъ на своемъ пути существенныя преграды въ полости рта, при чемъ при прохожденіи ихъ воздухомъ образуется шумъ. Здѣсь надо различать два случая: или выдыхаемый воздухъ проходитъ голосовую щель при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ образуется голосъ (см. выше), или же голосовая щель представляетъ свободный проходъ для выдыхаемаго воздуха, такъ что здѣсь не образуется ни голоса, ни шума. Слѣдовательно, согласныя могутъ быть двухъ типовъ: 1) образующіяся при участіи голоса и 2) образующіяся безъ его участія; въ первомъ случаѣ

можетъ преобладать или голосъ, или шумъ, а во второмъ шумъ составляетъ все качество звука. Есть легкій способъ убѣдиться на непосредственномъ опытѣ въ томъ, какія согласныя образуются при участіи голоса, и какія безъ его участія; дѣло въ томъ, что голосъ образуется только тогда, когда голосовыя связки приходятъ въ колебаніе, а это колебаніе передается въ видѣ дрожанія и тѣмъ хрящамъ, изъ которыхъ состоитъ гортань и среди которыхъ натянуты голосовыя связки; можно приставить палецъ къ шеѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ находится хрящевой остовъ гортани, и если голосъ образуется, то можно ощутить легкое дрожаніе, ощутимое сквозь наружные покровы.

Согласныя, которыя образуются съ участіемъ голоса, называются *звонкими*, а тѣ, которыя образуются безъ голоса, называются *глухими* согласными. Кромѣ согласныхъ, образуемыхъ въ полости рта, при чемъ участіе въ извѣстныхъ случаяхъ принимаетъ и полость носа, есть и такія согласныя, которыя образуются въ самой гортани. Пока тѣ согласныя, которыя образуются въ гортани, мы оставимъ въ сторонѣ, а будемъ разсматривать тѣ, которыя образуются въ полости рта.

СОГЛАСНЫЯ, ОБРАЗУЕМЫЯ ВЪ ПОЛОСТИ РТА.

Сначала отмѣтимъ наиболѣе крупные классы. Въ числѣ разсматриваемыхъ согласныхъ есть такія согласныя, въ которыхъ шумъ не имѣетъ такого преобладающаго значенія, какое онъ принимаетъ при образованіи другихъ согласныхъ. Слѣдовательно, по степени участія шума мы можемъ раздѣлить согласныя на двѣ категоріи: 1) согласныя *шумныя*, гдѣ шумъ принимаетъ значительное участіе, если онѣ звонкія, и составляетъ все качество звука въ глухихъ согласныхъ, и 2) *сонорныя*, гдѣ голосъ получаетъ такое преобладающее значеніе, какого онъ не имѣетъ при образованіи согласныхъ шумныхъ, въ связи съ чѣмъ шумъ не имѣетъ выдающагося значенія.

Вы видите такимъ образомъ, что различіе между шумными и сонорными согласными относительное; измѣняя сонорныя согласныя въ условіяхъ ихъ образованія постепенно въ направленіи къ шумнымъ согласнымъ, мы можемъ получить извѣстныя шумныя согласныя.

ШУМНЫЯ СОГЛАСНЫЯ.

Органы полости рта, которые принимаютъ участіе при образованіи шумныхъ согласныхъ, - частью тѣ же самые,

съ которыми мы познакомились при разсмотрѣніи образованія гласныхъ: если принимаютъ участіе въ образованіи шумной согласной задняя доля верхней спинки языка и заднее небо, то, по мѣсту образованія, получаются согласныя шумныя *ЗАДНЕНЕБНЫЯ;* если принимаетъ участіе средняя доля верхней спинки языка и задняя часть передняго неба, то получаются согласныя шумныя *СРЕДНЕНЕБНЫЯ;* если участвуетъ кончикъ языка и передняя часть передняго неба, частью зубы, то получается классъ *НЕБНО-ЗУБНЫХЪ* шумныхъ согласныхъ; наконецъ, если участвуютъ нижняя и верхняя губы или передніе нижніе зубы съ верхней губой, то образуется классъ шумныхъ *ГУБНЫХЪ* согласныхъ.

Такимъ образомъ, въ согласныхъ шумныхъ по мѣсту образованія различаются названные выше 4 класса; по условіямъ образованія шумныя согласныя должны быть раздѣлены на 2 класса: 1) тѣ шумныя согласныя, которыя получаются при полномъ соприкосновеніи образующихъ органовъ рѣчи, называются согласными *ВЗРЫВНЫМИ;* онѣ такъ называются, потому что получается разрывъ тѣсно сомкнутыхъ органовъ рѣчи въ соотвѣтственномъ мѣстѣ полости рта при прохожденіи черезъ послѣднюю выдыхаемаго воздуха; 2) тѣ согласныя шумныя, которыя образуются при наличности узкой щели въ соотвѣтственномъ мѣстѣ полости рта, получающейся, когда образу-

ющіе органы болѣе или менѣе сближаются, но не смыкаются тѣсно, - такія шумныя согласныя называются *ФРИКАТИВНЫМИ*, потому что получается "треніе" выдыхаемаго воздуха о стѣнки названной щели между образующими органами.

Въ акустическомъ отношеніи взрывныя шумныя согласныя называютъ *мгновенными*, такъ какъ акустическое впечатлѣніе отъ такихъ согласныхъ продолжается лишь очень небольшой промежутокъ времени, одно мгновеніе, въ зависимости отъ внезапнаго разъединенія образующихъ органовъ подъ напоромъ выдыхаемаго воздуха; шумныя же фрикативныя согласныя въ акустическомъ отношеніи называются *длительными*, такъ какъ акустическое впечатлѣніе продолжается все время, пока органы рѣчи занимаютъ нужное положеніе и пока совершается нами выдыханіе. Само собою разумѣется, что по отношенію къ условіямъ образованія и тѣ, и другія согласныя допускаютъ всѣ тѣ различія въ длительности, какія вообще существуютъ въ звукахъ рѣчи (см. ниже), такъ какъ и при образованіи взрывныхъ (мгновенныхъ) согласныхъ органы рѣчи могутъ занимать нужное положеніе (быть тѣсно сомкнутыми) въ теченіе различныхъ по длительности промежутковъ времени.

Затѣмъ, какъ въ взрывныхъ, такъ и въ фрикативныхъ согласныхъ различаются еще, по условіямъ образованія,

такія согласныя, которыя получаются при участіи голоса, и - такія, въ образованіи которыхъ голосъ совсѣмъ не участвуетъ. Первыя называются з в о н к и м и, вторыя - г л у х и м и; значитъ, могутъ быть взрывныя шумныя согласныя звонкія и глухія, фрикативныя шумныя согласныя звонкія и глухія.

Шумныя глухія согласныя, отличающіяся отъ соотвѣтственныхъ звонкихъ согласныхъ отсутствіемъ голоса, являются по сравненію съ ними болѣе сильными по степени силы, съ которою дѣйствуютъ образующіе органы; отсюда латинскіе термины fortes и lenes. Надо замѣтить, что могутъ быть образованы и такія согласныя, которыя по силѣ, съ которою дѣйствуютъ образующіе органы (по силѣ артикуляціи), являются однородными со звонкими, но которыя въ то же время образуются безъ участія голоса. Эти согласныя мы можемъ разсматривать, какъ промежуточныя между глухими и звонкими, и называть ихъ или глухими неполнаго образованія, или звонкими неполнаго образованія.

Мы разсмотримъ шумныя согласныя по классамъ, основаннымъ на различіяхъ въ согласныхъ по мѣсту образованія, а затѣмъ въ каждомъ классѣ, опредѣленномъ нами на основаніи этихъ признаковъ, разсмотримъ согласныя по различіямъ въ условіяхъ ихъ образованія.

I., ЗАДНЕНЕБНЫЯ согласныя.

Согласныя этого класса образуются, когда задняя доля спинки языка или соприкасается съ заднимъ (мягкимъ) небомъ, или настолько къ нему приближается, что остается только узкій проходъ для выдыхаемаго воздуха. Согласныя задненебныя иногда неточно называются гортанными, и неправильность этого термина для Васъ понятна, потому что Вы знаете уже, что согласныя задненебныя образуются не въ гортани, а въ гортани дѣйствительно образуются извѣстныя согласныя, съ которыми мы познакомимся дальше.

a) Взрывныя задненебныя шумныя согласныя: глухая - k, звонкая - g. Это тѣ согласныя, которыя существуютъ, напримѣръ, въ русскомъ языкѣ, въ словахъ: камень, гость.

b) Фрикативныя задненебныя согласныя: глухая можетъ быть обозначена греческой буквой χ, а соотвѣтствующая ей звонкая - греческой же буквой γ. Въ русскомъ языкѣ глухая фрикативная задненебная согласная является, напримѣръ, въ словѣ хорошо. Соотвѣтственная звонкая фрикативная согласная (γ) является въ нашемъ литературномъ нарѣчіи сравнительно рѣдко, напримѣръ, въ словахъ: Бога, богатый, богатырь, благодать. Въ написаніи она не отличается отъ г, обозначающаго задненебную звонкую взрывную согласную (см. выше). Въ народныхъ же говорахъ (напр., въ южновеликорусскомъ нарѣчіи, въ бѣлорусскомъ языкѣ) встрѣчается эта фри-

кативная согласная и въ другихъ случаяхъ: она является тамъ и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ литературномъ нарѣчіи у насъ в з р ы в н а я звонкая задненёбная согласная - g.

II. Классъ согласныхъ шумныхъ СРЕДНЕНЕБНЫХЪ.

Эти согласныя, какъ я уже говорилъ, образуются тогда, когда средняя часть спинки языка или соприкасается съ заднею долею передняго неба, или приближается къ задней части передняго неба такъ, что остается узкая щель.

а) Къ согласнымъ средненебнымъ взрывнымъ принадлежатъ: средненебное k и средненебное g, - глухая и звонкая средненебныя согласныя. Эти согласныя существуютъ и въ русскомъ языкѣ, но въ русскомъ языкѣ въ условіяхъ образованія этихъ согласныхъ есть еще одна особенность, о которой я буду говорить впослѣдствіи - - а именно, кромѣ того, что онѣ средненебныя, онѣ являются еще смягченными, напримѣръ, въ сочетаніяхъ: ke, ge. Въ написаніи онѣ не отличаются у насъ отъ задненёбныхъ, такъ какъ различіе между k и g задненёбными и средненёбными опредѣляется у насъ фонетическимъ положеніемъ этихъ согласныхъ: k и g средненёбныя смягченныя являются у насъ въ положеніи передъ такъ-называемыми мягкими гласными. Вотъ, напримѣръ, въ нѣмец-

комъ языкѣ существуютъ согласныя средненебныя - не смягченныя: тамъ онѣ являются въ чистомъ видѣ. Сравн. нѣмецкія k и g въ Kind, gehen, гдѣ k и g средненебныя, и k и g въ Kauf, Gabel, гдѣ k и g задненебныя.

b) Къ фрикативнымъ согласнымъ этого класса принадлежатъ звуки: средненебное χ -глухая согласная и соотвѣтствующая ей звонкая фрикативная средненебная согласная - j. Въ русскомъ языкѣ и фрикативная средненебная глухая согласная является смягченной, напр., χ въ русскомъ "хитрый". Въ нѣмецкомъ языкѣ существуетъ средненебное χ несмягченное: ср. нѣмецкое ch въ ich и ch въ ach; въ послѣднемъ словѣ, какъ и въ нашемъ "ахъ", χ задненебное. Согласная j существуетъ и въ русскомъ языкѣ, но она не обозначается особою буквою, такъ какъ русскія буквы: я, ю и е въ положеніи послѣ гласной и въ началѣ слова передаютъ звуковыя сочетанія ja, ju и je; но тѣ же буквы имѣютъ въ русской азбукѣ и другое значеніе (см. ниже отдѣлъ о смягченныхъ согласныхъ).

Для того, чтобы отличить въ самомъ написаніи средненёбныя k, g и χ отъ задненёбныхъ k, g, χ, для обозначенія первыхъ можно писать буквы k, g и χ съ діакритическимъ знакомъ ˆ вверху буквы, т.е. писать k̂, ĝ, χ̂.

Примѣчаніе. Какъ задненебныя, такъ и средненебныя шумныя согласныя могутъ быть или болѣе

задними, или болѣе передними въ зависимости отъ того какія именно части данной доли неба принимаютъ участіе въ ихъ образованіи.

III., Классъ НЕБНОЗУБНЫХЪ согласныхъ, которыя часто называются просто ЗУБНЫМИ въ широкомъ смыслѣ этого термина.

Эти согласныя образуются или при приближеніи или полномъ прикосновеніи кончика языка къ п е р е д н е м у н е б у, или - къ пространству н а д ъ передними (верхними) зубами - тамъ, гдѣ между этими зубами и переднимъ небомъ образуются ямочки, которыя называются альвеолами; или кончикъ языка можетъ приближаться или вполнѣ прикасаться к ъ переднимъ верхнимъ з у б а м ъ, или, наконецъ, къ переднимъ в е р х н и м ъ и н и ж н и м ъ зубамъ в м ѣ с т ѣ. Извѣстные виды небнозубныхъ согласныхъ образуются и при участіи не только кончика языка, но и передней части его спинки.

1) Тѣ шумныя согласныя, которыя образуются у передняго неба, называются *ПЕРЕДНЕНЕБНЫМИ* и могутъ быть или болѣе задними, или болѣе передними въ зависимости отъ того, въ какой части передняго неба происходитъ сближеніе или полное соприкосновеніе неба и кончика языка; 2) тѣ согласныя, которыя образуются при сближеніи или при полномъ соприкосновеніи кончика языка съ простран-

ствомъ надъ передними верхними зубами (съ альвеолами) или же - съ самими этими зубами, называются *собственно-зубными* (первый изъ видовъ носитъ названіе альвеолярныя согласныя, а второй называется латинскимъ терминомъ postdentales); 3) согласныя, образующіяся у переднихъ верхнихъ и нижнихъ зубовъ вмѣстѣ, т.е. между этими зубами, при чемъ кончикъ языка помѣщается въ пространствѣ между этими послѣдними, называются *межзубными* согласными (interdentales).

Въ классѣ небнозубныхъ согласныхъ надо отмѣтить еще одну особенность: когда языкъ приближается или соприкасается съ переднимъ небомъ, то кончикъ его можетъ отгибаться нѣсколько назадъ. Заднія передненебныя согласныя называются церебральными. Названіе это чисто условное, а явилось оно вслѣдствіе неправильнаго перевода (на латинскій языкъ) древнеиндійскаго термина.

Согласныя небно-зубныя взрывныя - это разные виды, соотвѣтственно разсмотрѣннымъ нами подраздѣленіямъ, звуковъ t и d, вообще близкіе между собою, за исключеніемъ лишь церебральныхъ. Церебральныя согласныя обозначаются написаніемъ буквы; обозначающей соотвѣтственную нецеребральную согласную, съ точкою внизу, т.е. ṭ, ḍ обозначаютъ церебральныя ṭ и ḍ. Наши русскія t и d - собственно-зубныя. Затѣмъ, къ фрикативнымъ небно-зуб-

нымъ согласнымъ принадлежатъ различные виды согласныхъ s и z - первыя глухія, вторыя - звонкія; онѣ могутъ быть, какъ передненебными, такъ и собственно зубными. Далѣе, сюда относятся различнаго вида согласныя š и ž (русскія ша и жа), которыя бываютъ или передненебными, или собственно зубными, и согласныя, существующія, напримѣръ, въ новогреческомъ языкѣ и въ современномъ англійскомъ, θ - глухая и δ - звонкая (для обозначенія этихъ согласныхъ употребляются обыкновенно буквы греческаго алфавита, потому что въ языкѣ современныхъ грековъ согласные звуки, обозначаемые этими буквами, произносятся именно такъ, какъ разсматриваемыя нами согласныя). Звуки θ и δ бываютъ или меж - зубными, или тѣмъ видомъ собственно-зубныхъ, которыя образуются за передними верхними зубами (postdentales).

Что касается согласныхъ š и ž, то всѣ условія образованія этихъ звуковъ еще недостаточно выяснены. Можно сказать только, что общее различіе между s, z и š, ž состоитъ въ томъ, что мѣсто образованія согласныхъ š, ž лежитъ нѣсколько дальше отъ зубовъ, чѣмъ мѣсто образованія согласныхъ s, z.

Далѣе, при образованіи согласныхъ s и z въ языкѣ образуется болѣе или менѣе глубокое желобообразное углубленіе. При образованіи согласныхъ š и ž этого желоба или не образуется, или, если онъ есть, губы выдвигают-

ся нѣсколько назадъ. Такимъ образомъ, при образованіи s̲ и ž̲ полость рта представляетъ большій объемъ.

IV., ГУБНЫЯ согласныя.

Къ взрывнымъ согласнымъ этого гласса шумныхъ согласныхъ принадлежатъ: глухая - p̲ и звонкая - b̲; къ фрикативнымъ: глухая - f̲ и звонкая - v̲. Въ классѣ губныхъ шумныхъ согласныхъ, по мѣсту образованія, мы различаемъ: 1) согласныя, образуемыя при сближеніи или при полномъ соприкосновеніи верхней и нижней губы, - - *собственно-губныя* (bilabiales) согласныя и 2) согласныя, образуемыя при сближеніи или при полномъ соприкосновеніи верхней губы и нижнихъ переднихъ зубовъ, - *губно-зубныя* (labiodentales) согласныя. Въ русскомъ языкѣ взрывныя губныя согласныя - собственно-губныя, а фрикативныя представляютъ губно-зубныя согласныя.

СОНОРНЫЯ СОГЛАСНЫЯ.

Общее отличіе сонорныхъ согласныхъ отъ шумныхъ состоитъ въ томъ, что при образованіи сонорныхъ согласныхъ голосъ получаетъ такое преобладающее значеніе, какого онъ не имѣетъ при образованіи звонкихъ шумныхъ согласныхъ. По условіямъ образованія сонорныя согласныя принадлежатъ къ длительнымъ согласнымъ. По мѣсту

образованія сонорныя согласныя принадлежатъ къ тому или другому классу, на которые распредѣляются въ этомъ отношеніи шумныя согласныя. При этомъ, однако, являются здѣсь и такія условія, какія не существуютъ при образованіи шумныхъ согласныхъ, а именно при образованіи одного класса сонорныхъ согласныхъ (носовыхъ) остается свободнымъ доступъ для выдыхаемаго воздуха въ полость носа, проходъ въ которую закрытъ при образованіи шумныхъ согласныхъ, а при образованіи другого класса сонорныхъ согласныхъ (плавныхъ) выдыхаемый воздухъ находитъ свободный выходъ въ полости рта, потому что органы рѣчи, какъ мы это сейчасъ увидимъ, занимаютъ здѣсь такое положеніе, какого не является при образованіи шумныхъ согласныхъ. Этимъ обстоятельствомъ и объясняется то, почему при образованіи сонорныхъ согласныхъ голосъ имѣетъ такое преобладающее значеніе сравнительно съ шумомъ, что послѣдній мы иногда еле-еле замѣчаемъ. Въ виду этого гласныя и сонорныя согласныя въ ихъ полномъ образованіи (а въ неполномъ образованіи онѣ могутъ образовываться и безъ участія голоса, а съ усиленіемъ шума могутъ приближаться къ шумнымъ согласнымъ) могутъ быть разсматриваемы вмѣстѣ какъ классъ сонорныхъ звуковъ въ ихъ противоположности классу шумныхъ согласныхъ.

Къ сонорнымъ согласнымъ принадлежатъ: 1) такъ-назы-

ваемыя *плавныя*, 2) *носовыя* согласныя. Самый терминъ "плавныя согласныя" представляетъ наслѣдіе отдаленнаго прошлаго, когда физіологіей звуковъ рѣчи еще не занимались: этотъ терминъ ведетъ свое начало отъ античныхъ грамматиковъ и перешелъ въ такомъ видѣ и въ новую Европу. Понятно, что въ настоящее время этотъ терминъ является чисто условнымъ, но онъ вошелъ уже въ употребленіе, и его примѣненіе не можетъ вызывать никакихъ недоразумѣній, если мы будемъ ясно сознавать условность его значенія.

Къ плавнымъ сонорнымъ согласнымъ принадлежатъ звуки r и l разнаго вида. Звуки r принадлежатъ къ различнымъ подраздѣленіямъ класса небно-зубныхъ согласныхъ: передне-небное и собственно-зубное; есть еще, кромѣ того, r задне-небное и, рѣдко, губное. Звуки l всѣ принадлежатъ къ небно-зубнымъ и допускаютъ всѣ тѣ различія, какія существуютъ и въ небно-зубныхъ шумныхъ согласныхъ.

При образованіи r небно-зубного при приближеніи кончика языка къ переднему небу къ пространству надъ передними верхними зубами (r альвеолярное) и къ переднимъ верхнимъ зубамъ (r постдентальное) нигдѣ не образуется узкой щели, характерной для образованія фрикативныхъ шумныхъ согласныхъ. При образованіи r

собственно-зубного (какъ альвеолярнаго, такъ и постдентальнаго) можетъ сверхъ того являться дрожаніе кончика языка подъ напоромъ выдыхаемаго воздуха; таково, напр., русское r. Изъ указанныхъ видовъ r наименѣе способнымъ пріобрѣтать значительный шумный оттѣнокъ является передненебное, именно церебральное r.

Задненебное r (такъ-называемое картавое r) образуется, когда задняя доля спинки языка приближается къ заднему небу, при чемъ отростокъ его (язычекъ) подъ напоромъ выдыхаемаго воздуха двигается взадъ и впередъ, такъ что и здѣсь не получается узкой щели.

Рѣдкое губное r образуется, если губы слегка выдвинуты и лишь слегка, совершенно свободно, касаются другъ друга. Въ восклицаніи "тпру!" - r губное образуется безъ участія голоса. Вообще r губное является въ языкахъ сравнительно очень рѣдко.

Условія образованія звуковъ l, принадлежащихъ, какъ я говорилъ, по мѣсту образованія къ классу небно-зубныхъ, отличаются отъ условій образованія соотвѣтственныхъ шумныхъ согласныхъ тѣмъ, что въ то время, какъ кончикъ языка плотно соприкасается съ переднимъ небомъ, съ пространствомъ за передними верхними зубами, съ этими послѣдними и, наконецъ, помѣщается между верхними и нижними передними зубами, остаются свободными одинъ

или два боковыхъ прохода, черезъ которые выдыхаемый воздухъ проходитъ б е з п р е п я т с т в е н н о; а эти проходы образуются такъ: спинка языка отдѣляется отъ боковыхъ зубовъ или съ обѣихъ, или съ одной стороны, въ тотъ моментъ, когда въ передней части полости рта происходитъ полное соприкосновеніе кончика языка съ тѣми или другими органами. Шумъ, образующійся при проходѣ воздуха черезъ боковые проходы, и составляетъ характерную особенность звуковъ l, несмотря на различія въ нихъ, зависящія отъ различій въ мѣстѣ образованія. Всѣ звуки l, смотря по величинѣ боковыхъ проходовъ, бываютъ или *открытыми* (при значительной ихъ величинѣ), или *закрытыми* (въ противоположномъ случаѣ), при чемъ между наиболѣе открытымъ и наиболѣе закрытымъ l существуетъ цѣлый рядъ промежуточныхъ ступеней. Кромѣ того, извѣстные виды l образуются при наличности только одного бокового прохода (праваго или лѣваго). Такіе виды l могутъ быть называемы *несимметричными*. Русское l смягченное, напр., въ слогѣ ля является болѣе закрытымъ сравнительно съ французскимъ и нѣмецкимъ l, а русское твердое л, напр., въ слогѣ ла (по мѣсту образованія чисто-зубное) является еще болѣе открытымъ. Это очень открытое l имѣетъ еще ту особенность, что въ то время, когда кончикъ языка соприкасается съ пространствомъ надъ передними верхними зубами, въ это время

при существованіи обоихъ проходовъ задняя часть спинки языка приподнимается къ заднему небу. Условно этотъ звукъ, называемый велярнымъ l̲, мы можемъ обозначать написаніемъ ɬ̲, заимствованнымъ изъ польской графики.

Плавныя r̲ и l̲ могутъ быть и носовыми, если при всѣхъ прочихъ условіяхъ остается свободнымъ проходъ въ полость носа.

Остается сказать еще о согласныхъ *носовыхъ*, при образованіи которыхъ въ той или другой части полости рта происходитъ полное соприкосновеніе образующихъ органовъ, при чемъ остается свободнымъ проходъ въ полость носа, вслѣдствіе того, что опущена небная занавѣска, которая такимъ образомъ открываетъ этотъ проходъ.

По различіямъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ создается преграда для выдыхаемаго воздуха въ полости рта, согласныя носовыя раздѣляются на *задненебное* n̲, *средненебное* n̲, *небно-зубное* n̲ и *губную-носовую* m̲.

ГОРТАННЫЯ СОГЛАСНЫЯ.

Мы разсмотрѣли тѣ двѣ группы согласныхъ, которыя образуются въ полости рта, частью, при участіи полости носа. Эти двѣ группы представляютъ согласныя шумныя и сонорныя. Но существуютъ еще гортанныя соглас-

ныя, которыхъ не надо смѣшивать, какъ я говорилъ уже, съ задненебными шумными согласными. Гортанныя согласныя могутъ быть, какъ фрикативныя, такъ и взрывныя и образуются онѣ въ самой гортани, т.е. тамъ же, гдѣ и голосъ, при чемъ онѣ могутъ быть и звонкими, и глухими. Взрывныя гортанныя въ европейскихъ языкахъ неизвѣстны, а фрикативная глухая есть - это такъ-называемое *придыханіе*, напр., въ латинскомъ, нѣмецкомъ языкѣ; эта согласная изображается буквою h.

СМЯГЧЕННЫЯ И ЛАВІАЛИЗОВАННЫЯ СОГЛАСНЫЯ.

Если въ шумныхъ или сонорныхъ согласныхъ къ условіямъ, необходимымъ для образованія той или другой согласной, прибавляется условіе, необходимое для образованія гласной i, т.е. языкъ въ передней части своей спинки приподымается къ переднему небу, то такія согласныя называются смягченными. Когда образующіе органы въ полости рта занимаютъ такое положеніе, что задняя доля спинки языка сближается или соприкасается съ заднимъ небомъ, то не можетъ въ то же время передняя часть спинки языка придти въ положеніе, нужное для образованія гласной i, т.е. гласной передняго ряда. Поэтому, согласныя задненебныя (k, g, χ, γ) сами по себѣ не могутъ быть смягченными; средненебныя же

согласныя смягченіе допускаютъ (такими являются русскія к и г, напр., въ сочетаніяхъ ки, ги). Нѣкоторые виды небно-зубныхъ согласныхъ по условіямъ ихъ образованія также мало способны къ смягченію (таковы церебральныя и извѣстные виды альвеолярныхъ согласныхъ).

Кромѣ полной степени смягченія, смягченіе можетъ являться и неполнымъ; такія согласныя называются полусмягченными.

Слѣдуетъ еще отмѣтить, что при полномъ смягченіи легко образуется при взрывной согласной сопровождающій ее шумъ отъ тренія воздуха въ проходѣ, получающемся отъ поднятія передней части языка къ переднему небу. Этотъ шумъ съ усиленіемъ артикуляціи усиливается, и въ результатѣ, напр., изъ мягкаго t можетъ образоваться мягкое слитное t͡s (см.ниже).

Въ согласныхъ лабіализованныхъ къ условіямъ, необходимымъ для образованія согласныхъ того или другого класса, присоединяется еще то условіе, которое необходимо при образованіи гласныхъ лабіализованнаго заднягс ряда, т.е. губы складываются болѣе или менѣе кругообразно и нѣсколько выдвигаются впередъ, и въ зависимости отъ положенія губъ можетъ быть различная степень лабіализаціи - полная и неполная. Лабіализованныя согласныя были въ индоевропейскомъ праязыкѣ, существу-

ютъ онѣ и въ нѣкоторыхъ живыхъ языкахъ, напримѣръ, въ датскомъ.

Палатализованныя, смягченныя, согласныя обозначаютъ обыкновенно написаніемъ буквы, обозначающей данную согласную, со знакомъ акута (ḱ, ǵ), а согласныя лабіализованныя обозначаютъ буквою, передающею данную согласную, съ маленькимъ u справа вверху (k^u, g^u).

Не слѣдуетъ забывать, что смягченныя и лабіализованныя согласныя по условіямъ своего образованія являются простыми, не сложными звуками, но есть въ языкахъ и слитныя, сложныя согласныя, къ разсмотрѣнію которыхъ мы теперь переходимъ.

СЛИТНЫЯ СОГЛАСНЫЯ.

Въ языкѣ существуютъ слитныя согласныя двухъ видовъ:

1) Слитное сочетаніе согласной взрывной съ фрикативною того же мѣста образованія и того же качества называется *АФФРИКАТОМ*. Аффрикаты существуютъ и въ русскомъ языкѣ, напр., c (Ц) = слитному сочетанію взрывной зубной t съ фрикативной s. Обозначается эта аффриката написаніемъ t͡s. Соотвѣтственная звонкая аффриката, состоящая изъ слитнаго сочетанія d и z, не суще-

ствуетъ въ русскомъ языкѣ - она является, напр., въ польскомъ языкѣ, существовала она и въ діалектахъ старославянскаго языка, гдѣ она изображалась буквой "зѣло" (S). Обыкновенно она обозначается въ лингвистической транскрипціи - d͡z.

Аффриката, состоящая изъ слитнаго сочетанія t съ фрикативной зубной š, = t͡š, существуетъ и въ русскомъ языкѣ (ч); соотвѣтственная звонкая аффриката d͡ž (= d + + ž) въ русскомъ языкѣ не существуетъ. Существуетъ она, напр., въ сербскомъ языкѣ.

Слитное сочетаніе p и f, аффриката p͡f существовала, напр., въ греческомъ языкѣ, гдѣ она съ теченіемъ времени измѣнилась въ фрикативное f (греч. φ), существующее и въ новогреческомъ языкѣ.

Кромѣ названныхъ мною возможны и другія аффрикаты (напр., k͡x и т.д.).

Само собою разумѣется, что аффрикаты могутъ быть смягченными и лабіализованными.

Отъ аффрикатъ, слитныхъ сочетаній взрывной и фрикативной, надо отличать неслитныя сочетанія тѣхъ же согласныхъ, принадлежащихъ двумъ различнымъ слогамъ.

2) Другой типъ слитныхъ согласныхъ является въ тѣхъ случаяхъ, когда образуется слитное сочетаніе согласной взрывной съ придыханіемъ (т.е. съ фрикативной гортан-

ной согласной). Придыхательныя согласныя называются иначе *АСПИРАТАМИ*. Этотъ терминъ не должно смѣшивать съ терминомъ "спиранты"; такъ иногда называются фрикативныя согласныя. Понятно, аспираты могутъ быть, какъ звонкія, такъ и глухія; причемъ онѣ могутъ существовать, какъ сами по себѣ, отдѣльно, такъ и въ слитномъ сочетаніи съ послѣдующей фрикативною согласной того же класса и того же мѣста образованія, и тогда получаются *ПРИДЫХАТЕЛЬНЫЯ АФФРИКАТЫ*.

Для обозначенія придыхательныхъ согласныхъ можно примѣнять знакъ греческаго густого придыханія, т.е. писать, напр., k̔, p̔ и т.п. Менѣе точнымъ является довольно распространенное обозначеніе придыхательныхъ согласныхъ написаніемъ двухъ буквъ рядомъ: буквы, обозначающей данную согласную непридыхательную, и буквы h (kh, ph и т.п.). Менѣе точно это написаніе по тому, что такъ обозначается неслитное сочетаніе согласной и слѣдующаго придыханія, принадлежащаго другому слогу. Точнѣе было бы такое обозначеніе: k͡h, p͡h.

РАЗЛИЧІЕ ЗВУКОВЪ ПО КОЛИЧЕСТВУ.

Всѣ звуки рѣчи, какъ гласныя, такъ и согласныя, могутъ представлять различія въ количествѣ времени, требующагося для ихъ произнесенія, т.е. могутъ образовы-

ваться съ различною степенью длительности. Въ гласныхъ и длительныхъ согласныхъ (т.е. согласныхъ сонорныхъ и шумныхъ фрикативныхъ) различія по количеству обнаруживаются и въ акустическомъ отношеніи, воспринимаются нами непосредственно на слухъ. Что же касается взрывныхъ согласныхъ, то онѣ въ акустическомъ отношеніи дѣйствительно являются мгновенными; но если мы примемъ во вниманіе то обстоятельство, что при образованіи согласной взрывной мы можемъ держать данные органы рѣчи въ тѣсно сомкнутомъ положеніи въ теченіе различныхъ по степени продолжительности промежутковъ времени, то мы поймемъ, что и во взрывныхъ согласныхъ мы можемъ различать по условіямъ образованія различныя степени длительности. Итакъ, во взрывныхъ согласныхъ, въ акустическомъ отношеніи, мы воспринимаемъ только одинъ изъ моментовъ ихъ образованія, а въ сонорныхъ звукахъ и фрикативныхъ шумныхъ согласныхъ, въ акустическомъ отношеніи, мы воспринимаемъ всѣ моменты.

Обыкновенно, по степени длительности, мы различаемъ звуки к р а т к і е и д о л г і е; затѣмъ, звуки болѣе краткіе сравнительно съ нормальными краткими въ томъ же языкѣ мы можемъ называть и р р а ц і о н а л ь н ы м и, или "очень краткими". Долгіе звуки по степени ихъ длительности могутъ равняться двумъ краткимъ звукамъ того же языка, или быть нѣсколько

длиннѣе двухъ краткихъ. Наконецъ, могутъ быть звуки по степени ихъ длительности промежуточные между нормальными краткими и нормальными долгими того же языка; такіе звуки мы будемъ условно называть "полудолгими". Само собою разумѣется, что степень длительности звуковъ мы можемъ опредѣлять относительно, согласно съ указанными выше различіями, только въ каждомъ данномъ языкѣ отдѣльно.

Краткость и долготу звуковъ рѣчи принято обозначать извѣстными Вамъ знаками, напримѣръ, написаніе ă обозначаетъ a краткое, написаніе ā обозначаетъ a долгое; для обозначенія полудолготы можно пользоваться соединеніемъ приведенныхъ знаковъ и писать, напр., ă̄; знакъ ˽ надъ буквою, обозначающею данный звукъ, можетъ обозначать долготу, бо́льшую нормальной; наконецъ, для обозначенія ирраціональныхъ звуковъ мы можемъ писать буквы болѣе маленькія сравнительно съ буквами, обозначающими краткіе звуки.

Надо замѣтить еще, что въ некраткихъ голосовыхъ звукахъ можетъ получаться полный перерывъ въ срединѣ звука, происходящій отъ полнаго замыканія голосовой щели на одинъ моментъ при произнесеніи даннаго звука. Такое количество по составу мы будемъ называть "прерывистымъ". Напримѣръ, въ латышскомъ языкѣ существуютъ некраткія гласныя и сонорныя согласныя съ подлымъ

перерывомъ, хотя здѣсь извѣстны тѣ же звуки и какъ непрерывистые.

РАЗЛИЧІЕ ЗВУКОВЪ ВЪ ТОНИЧЕСКОМЪ ОТНОШЕНІИ.

Мы видѣли, что извѣстные звуки рѣчи образуются при участіи голоса; а голосъ, какъ и всякій музыкальный тонъ, допускаетъ различія по тону, слѣдовательно такіе звуки рѣчи допускаютъ извѣстныя различія въ тоническомъ отношеніи. Различія въ тонѣ обусловливаются, какъ Вамъ извѣстно изъ физики, различіями въ количествѣ колебаній звучащаго тѣла, приходящихся на одну секунду. Понятно, что гласныя и сонорныя согласныя по самымъ условіямъ ихъ образованія допускаютъ наиболѣе опредѣленныя различія въ тоническомъ отношеніи. Въ н е к р а т к и х ъ голосовыхъ звукахъ тонъ можетъ быть или ровнымъ, или неровнымъ; въ послѣднемъ случаѣ онъ можетъ быть или восходящимъ, т.е. постепенно повышающимся, или нисходящимъ, т.е. постепенно понижающимся. Некраткія гласныя и сонорныя согласныя могутъ представлять въ тоническомъ отношеніи и сочетаніе ровнаго тона съ неровнымъ, или неровнаго тона съ ровнымъ, или неровнаго тона съ неровнымъ; напримѣръ, тонъ можетъ быть восходяще-ровнымъ, ровно-нисходящимъ, вос-

ходяще-нисходящимъ и нисходяще-восходящимъ. Въ послѣднемъ случаѣ (т.е. когда звукъ въ тоническомъ отношеніи является нисходяще-восходящимъ) количество такого некраткаго звука является прерывистымъ въ тоническомъ отношеніи, такъ какъ при этомъ такой звукъ въ этомъ отношеніи болѣе или менѣе распадается на части.

РАЗЛИЧІЕ ЗВУКОВЪ ВЪ ЭКСПИРАТОРНОМЪ ОТНОШЕНІИ, Т.Е. ПО СИЛѢ ВЫДЫХАЕМАГО ВОЗДУХА.

Всѣ звуки рѣчи могутъ быть образованы съ различіями по силѣ выдыхаемаго воздуха.

Если мы возьмемъ звуки, образующіеся при участіи голоса, т.е. сонорные звуки (гласныя и сонорныя согласныя) и звонкія шумныя согласныя, то различія ихъ въ экспираторномъ отношеніи будутъ представлять различія въ силѣ самого голоса, потому что различія въ силѣ голоса образуются различіями въ величинѣ колебаній натянутыхъ голосовыхъ связокъ, а эти различія зависятъ, понятно, отъ различій въ силѣ выдыхаемаго воздуха.

Въ некраткихъ звукахъ количество звука можетъ быть двоякимъ въ экспираторномъ отношеніи, а именно или длительнымъ, непрерывистымъ, или прерывистымъ въ экспира-

торномъ отношеніи (не смѣшивать съ прерывистыми въ тоническомъ отношеніи); въ этомъ послѣднемъ случаѣ некраткій звукъ, пройдя черезъ моментъ наибольшей силы, получаетъ вторичное усиленіе, хотя и болѣе слабое, такъ что такой некраткій звукъ распадается при этомъ въ экспираторномъ отношеніи болѣе или менѣе на составныя части. Такіе звуки называются иначе звуками съ двумя вершинами. Некраткіе длительные въ экспираторномъ отношеніи звуки могутъ быть или усиливающимися, или ослабляющимися, или сложными, т.е. сперва усиливающимися, а затѣмъ ослабляющимися.

НЕСЛИТНЫЯ СОЧЕТАНІЯ ЗВУКОВЪ.

Мы разсматривали звуки рѣчи сами по себѣ, отдѣльно, и въ слитныхъ ихъ сочетаніяхъ; теперь разсмотримъ неслитныя сочетанія звуковъ рѣчи. Звуки рѣчи, въ неслитныхъ сочетаніяхъ между собою, бываютъ слоговыми и неслоговыми. Слоговыми называются такіе звуки, которые произносятся самостоятельнымъ напоромъ воздуха, а неслоговымъ будетъ такой звукъ, который произносится въ сочетаніи съ другимъ звукомъ такъ, что является при этомъ подчиненнымъ ему по силѣ; такимъ образомъ, слоговой звукъ является главнымъ въ слогѣ, выдающимся по силѣ, а тѣ звуки, которые подчинены ему въ этомъ от-

ношеніи, называются неслоговыми. Понятно, что при слоговомъ звукѣ въ слогѣ можетъ быть и нѣсколько неслоговыхъ звуковъ, и слогъ можетъ состоять не только изъ одного слогового звука и двухъ звуковъ, изъ которыхъ одинъ слоговой, а другой неслоговой, но и изъ большаго числа звуковъ: одного слогового и нѣсколькихъ неслоговыхъ.

Термины "слоговые" звуки и "неслоговые" звуки не могутъ быть отождествляемы нами съ терминами "гласные" и "согласные" звуки, такъ какъ всѣ звуки рѣчи сами по себѣ способны быть и слоговыми, и неслоговыми. Гласныя, дѣйствительно, въ огромномъ большинствѣ случаевъ являются слоговыми звуками, а согласныя неслоговыми, но это обстоятельство не можетъ служить поводомъ къ смѣшенію указанныхъ выше терминовъ. Гласныя, какъ я сказалъ, могутъ быть и неслоговыми въ сочетаніи звуковъ въ рѣчи.

Если гласная неслоговая примыкаетъ къ слоговой гласной, то образуется *ДИФТОНГЪ* въ обширномъ смыслѣ этого термина; напр., сочетаніе i̯a съ i̯ неслоговымъ и a слоговымъ и сочетаніе a i̯ съ a слоговымъ и i̯ неслоговымъ одинаково будутъ дифтонгами, но дифтонгами въ тѣсномъ смыслѣ этого термина называютъ обыкновенно только сочетанія второго типа, т.е. такія сочетанія, гдѣ неслоговая гласная слѣдуетъ за слоговой.

Въ нашемъ, русскомъ, языкѣ извѣстны, напр., слѣдующіе дифтонги: ай, ой, ей, - здѣсь, въ русской орѳографіи, і передается написаніемъ й. Отъ гласной і неслоговое надо отличать j; а j, какъ мы видѣли, является согласной фрикативной средненебнаго класса. Звукъ j является у насъ, напр., въ томъ сочетаніи, которое передается буквой я въ началѣ слова, или послѣ гласной, а наше я имѣетъ и другое значеніе: послѣ согласной такъ обозначается а съ предшествующею смягченною согласной. То обстоятельство, что въ нашемъ ай мы имѣемъ дѣйствительно дифтонгъ, т.е. сочетаніе слоговой гласной а съ неслоговымъ і, а не сочетаніе аj, т.е. сочетаніе гласной а и согласной j, Вы можете провѣрить на слухъ, произнося послѣдовательно сочетанія словъ дай а и да я: различіе между ними, обусловленное тѣмъ, что въ первомъ случаѣ мы имѣемъ і неслоговое, а во второмъ - j, станетъ тогда особенно ощутительнымъ.

Всѣ согласныя, какъ и гласныя, могутъ употреблятся, какъ въ слоговомъ, такъ и въ неслоговомъ значеніи; но то обстоятельство, что онѣ встрѣчаются въ языкахъ большею частью въ неслоговомъ употребленіи, и дало поводъ назвать ихъ "согласными", въ отличіе отъ гласныхъ, которыя въ большинствѣ случаевъ встрѣчаются въ слогахъ въ качествѣ слоговыхъ элементовъ

ихъ. Изъ согласныхъ, по условіямъ ихъ образованія, сонорныя согласныя наиболѣе способны быть слоговыми звуками.

Въ нашемъ, русскомъ, языкѣ всѣ согласныя - неслоговыя; а въ нѣкоторыхъ другихъ славянскихъ языкахъ слоговыми являются и извѣстныя сонорныя согласныя, напримѣръ, въ чешскомъ языкѣ, въ словацкомъ языкѣ плавныя r̲ и l̲ могутъ быть и слоговыми; такими онѣ являются, напр., въ чешскихъ vlk "волкъ" и krk "шея".

Такъ какъ гласныя обыкновенно являются слоговыми, то слоговое ихъ свойство мы можемъ оставлять безъ особаго обозначенія, въ неслоговомъ же употребленіи передавать ихъ написаніемъ буквы, обозначающей данную гласную, со знакомъ ̯ внизу буквы (напр., i̯a, a̯i). Съ другой стороны, согласныя въ неслоговомъ употребленіи остаются безъ особаго обозначенія, а слоговое ихъ свойство отмѣчается знакомъ ̥ внизу буквы, обозначающей данную согласную (r̥, n̥).

Изъ того, что мною сказано выше, Вы видите, что различіе между слоговыми и неслоговыми звуками того же слога состоитъ только въ различіи по силѣ (неслоговые звуки являются менѣе сильными). Поэтому самому различія по количеству и въ тонѣ не зависятъ нисколько отъ различія между слоговымъ и неслоговымъ звукомъ, и не-

слоговой звукъ можетъ отличаться отъ слогового и по количеству, и по тону, быть, напр., болѣе долгимъ и болѣе высокимъ. Цѣлый дифтонгъ или сочетаніе гласной съ послѣдующею плавною и носовою можетъ представлять такія же различія въ качествѣ долготы, которыя возможны въ отдѣльномъ звукѣ.

Различіе между слоговымъ и неслоговымъ звукомъ того же слога зависитъ отъ того, что слоговой звукъ является болѣе сильнымъ. Это различіе не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ различіемъ, которое существуетъ между звуками одного слога въ акустическомъ отношеніи, а именно въ акустическомъ отношеніи мы различаемъ звуки большей или меньшей полноты; напримѣръ, въ сочетаніи a͡i гласная a̲ является въ акустическомъ отношеніи болѣе полною, но само сочетаніе a͡i въ экспираторномъ отношеніи можетъ быть или сочетаніемъ a͡i̯, или сочетаніемъ i̯a̲.

ПЕРЕХОДНЫЕ ЗВУКИ ВЪ СОЧЕТАНІЯХЪ ЗВУКОВЪ.

Когда звуки рѣчи вступаютъ между собою въ неслитныя сочетанія, то, кромѣ звуковъ голосовыхъ полнаго образованія, надо различать еще голосовые звуки *неполнаго образованія* по отношенію къ количеству и качеству; эти послѣдніе звуки возникаютъ тогда, когда

положеніе рта, необходимое для произнесенія одного голосового звука, не сразу переходитъ въ то положеніе, какое требуется для слѣдующаго звука, при чемъ голосъ продолжаетъ звучать. Наше письмо передаетъ звуки только полнаго образованія.

Такіе переходные звуки имѣютъ особое значеніе въ исторіи языка, такъ какъ съ одной стороны они съ теченіемъ времени могутъ переходить въ звуки полнаго образованія, а съ другой стороны эти послѣдніе могутъ становиться переходными звуками; существовали они нѣкогда и въ русскомъ языкѣ, и этимъ объясняется, напримѣръ, явленіе такъ-называемаго полногласія въ русскомъ языкѣ: въ такихъ случаяхъ, какъ русское оро въ городъ, русское ере въ берегъ и т.п., нѣкогда въ общеславянскомъ языкѣ были сочетанія ор и ер; съ теченіемъ времени въ русскомъ языкѣ переходные звуки, существовавшіе въ этихъ сочетаніяхъ между плавной и слѣдующей согласной, развились въ полныя гласныя.

У Д А Р Е Н І Е.

Тѣ сочетанія звуковъ, которыя мы называемъ слогами, вступаютъ въ сочетанія другъ съ другомъ и составляютъ слова, нѣчто цѣлое въ звуковомъ отношеніи, такъ какъ при этомъ одинъ какой-нибудь слогъ выдѣляется въ

какомъ-нибудь отношеніи изъ ряда другихъ, какъ главный, при чемъ въ неглавныхъ слогахъ могутъ въ свою очередь различаться сравнительно менѣе и сравнительно болѣе главные. Выдѣляться главный слогъ можетъ или по силѣ выдыханія, или по высотѣ тона, или по тому и другому вмѣстѣ. Это выдѣленіе одного слога въ сочетаніи слоговъ, образующихъ одно цѣлое въ звуковомъ отношеніи, называется *удареніемъ*. Ударѐніе, состоящее въ выдѣленіи одного слога по силѣ, называется э к с п и р а т о р н ы м ъ удареніемъ, съ другой стороны, ударѐніе, состоящее въ выдѣленіи одного слога по высотѣ тона, называется м у з ы к а л ь н ы м ъ удареніемъ; наконецъ, ударѐніе, состоящее въ выдѣленіи слога и въ томъ, и въ другомъ отношеніи вмѣстѣ, называется в ы д ы х а т е л ь н о - м у з ы к а л ь н ы м ъ или м у з ы к а л ь н о - в ы д ы х а т е л ь н ы м ъ, смотря по тому, какой элементъ въ немъ преобладаетъ. Въ нашемъ, русскомъ, языкѣ ударѐніе, какъ Вамъ извѣстно, чисто-выдыхательное; въ древнегреческомъ языкѣ оно было чисто-музыкальное. Въ нѣкоторыхъ языкахъ является смѣшанное ударѐніе, музыкально-выдыхательное: напримѣръ, въ литовскомъ и сербскомъ языкахъ, съ извѣстными между ними различіями въ этомъ отношеніи.

Подобно тому, какъ выдѣляется одинъ слогъ въ сочетаніи слоговъ, образующихъ одно цѣлое въ звуковомъ от-

ношеніи, точно такъ же и въ сочетаніи комплексовъ слоговъ въ рѣчи выдѣляется одинъ комплексъ слоговъ въ томъ или другомъ отношеніи (см. выше), при чемъ слѣдовательно данное сочетаніе образуетъ одно цѣлое въ звуковомъ отношеніи. Чтобы отличить это удареніе отъ того, которое является въ отдѣльномъ словѣ (Wortakzent), ма называемъ его *удареніемъ словосочетаній* (Satzak - zent). Конечно, тутъ возможны всѣ тѣ различія, какія существуютъ въ удареніи въ отдѣльныхъ словахъ.

РАЗЛИЧІЯ ВЪ ТЕМПѢ РѢЧИ.

Различія въ темпѣ рѣчи образуются различіемъ въ количествѣ отдѣльныхъ звуковъ, слоговъ въ словѣ и комплексовъ слоговъ въ словосочетаніи. Эти различія зависятъ, слѣдовательно, отъ той быстроты, съ какою слѣдуютъ въ рѣчи одинъ за другимъ отдѣльные звуки, слоги и комплексы слоговъ.

О МЕТОДАХЪ ИЗСЛѢДОВАНІЯ, ПРИМѢНЯЕМЫХЪ ВЪ ФИЗІОЛОГІИ ЗВУКОВЪ РѢЧИ.

Изъ представленнаго мною краткаго очерка физіологіи звуковъ рѣчи Вы видите, что различіе между звука-

ми рѣчи въ акустическомъ отношеніи основано на различіяхъ между ними по мѣсту и по условіямъ образованія. Однако, нашъ слуховой аппаратъ, въ силу особенности своего устройства, воспринимаетъ различіе между отдѣльными звуками только до извѣстной степени, не говоря уже о томъ, что въ этомъ отношеніи наблюдаются значительныя различія между отдѣльными индивидуумами. Отсюда понятно, почему на слухъ извѣстные звуки очень близки другъ къ другу, частью даже совпадаютъ, между тѣмъ какъ въ условіяхъ ихъ образованія существуютъ существенныя различія. Изъ сказаннаго вытекаетъ, что опредѣленія звуковъ рѣчи на слухъ могутъ быть и болѣе точными, и менѣе точными. Для наблюденія различій между звуками по мѣсту и по условіямъ образованія служитъ, какъ самонаблюденіе, наблюденіе надъ работою собственныхъ органовъ рѣчи, такъ и наблюденіе надъ работою органовъ рѣчи другихъ индивидуумовъ. Для наблюденій этого рода пользуются или несложными пріемами, не прибѣгая къ помощи особыхъ аппаратовъ и инструментовъ (напр., ощупываніе тѣхъ или другихъ органовъ рѣчи, наблюденіе изображенія въ зеркалѣ и т.п.), или, въ извѣстныхъ случаяхъ, прибѣгаютъ къ особымъ аппаратамъ и инструментамъ. Въ послѣднее время особенно увлекались многіе спеціалисты и диллетанты графическимъ изображеніемъ работы, производимой органами рѣчи, по-

средствомъ аппаратовъ, болѣе или менѣе сложнаго устройства, передающихъ движенія органовъ рѣчи на бумагу въ видѣ различныхъ діаграммъ. Чтеніе и истолкованіе этихъ кривыхъ невозможно безъ знанія тѣхъ результатовъ, которые добыты прежними методами, и не даютъ въ сущности ничего новаго, а затѣмъ, помимо того, что въ извѣстныхъ случаяхъ трудно найти извѣстное соотношеніе между тѣми или другими линіями діаграммы и тою или другою работою органовъ рѣчи, мы не должны упускать изъ виду, что эта работа происходитъ при примѣненіи аппаратовъ въ условіяхъ, отличающихся отъ нормальныхъ. Названіе, усвоенное послѣдователями только что описаннаго метода для ихъ работы, "экспериментальная фонетика" (а фонетикою иностранные ученые называютъ физіологію звуковъ рѣчи), ничего не говоритъ, такъ какъ "фонетика", т.е. физіологія звуковъ рѣчи, вообще есть экспериментальная наука.

ЗНАЧЕНІЕ ЗВУКОВОЙ СТОРОНЫ ЯЗЫКА.

Мы закончили обзоръ физіологіи звуковъ рѣчи, т.е. обзоръ условій образованія звуковъ рѣчи, служащихъ матеріаломъ для языка. Теперь мы должны разсмотрѣть природу значенія звуковой стороны языка.

Значеніе звуковой стороны языка мы можемъ опредѣлить, какъ способность представленій звуковой стороны словъ являться замѣстителями другихъ представленій, т.е. быть не самыми предметами мысли, а знаками предметовъ мысли, такъ что, представляя въ умѣ тѣ или другія слова, комплексы звуковъ рѣчи, мы думаемъ при этомъ не о самихъ звукахъ рѣчи, но о чемъ-то другомъ при помощи данныхъ знаковъ рѣчи. Напримѣръ, когда у насъ является представленіе звуковой стороны слова "цвѣтокъ", какъ замѣститель другого представленія, мы думаемъ при этомъ не о данномъ звуковомъ комплексѣ, а о томъ предметѣ мысли, замѣстителемъ котораго является данное представленіе, т.е. о томъ, что, какъ говорятъ, является значеніемъ даннаго слова "цвѣтокъ".

Такъ какъ мы видѣли, что представленіе звуковой стороны словъ можетъ являться въ нашей мысли замѣсти-

телемъ другихъ представленій, намъ необходимо познакомиться съ тѣмъ, что мы называемъ представленіемъ вообще. Этотъ отдѣлъ не входитъ самъ по себѣ тоже, какъ и отдѣлъ физіологіи звуковъ рѣчи, въ область сравнительнаго языковѣдѣнія, но онъ входитъ въ область психологіи. Но такъ же, какъ лингвистъ долженъ быть знакомъ съ извѣстнымъ этдѣломъ физіологіи, именно - съ физіологіей звуковъ рѣчи, онъ долженъ быть основательно знакомъ и съ извѣстными отдѣлами психологіи, - для того, чтобы уяснить себѣ вопросы, возникающіе по отношенію къ значенію звуковой стороны языка. Отсылая за подробностями къ общимъ сочиненіямъ по психологіи, остающимся на экспериментальной почвѣ, я познакомлю Васъ вкратцѣ только съ тѣмъ, что существенно необходимо для нашей ближайшей цѣли.

Что такое представленіе? Всякое представленіе является по своему происхожденію воспроизведеніемъ ощущенія. Вызывается оно или ощущеніями, или другими представленіями. Дѣло въ томъ, что въ нашемъ сознаніи воспроизводится не только данное ощущеніе само по себѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ быть воспроизведено и то ощущеніе и тѣ ощущенія, которыя были получены нами или въ непосредственной преемственности, или представляются сходными съ даннымъ ощущеніемъ. Точно также извѣстное ощущеніе вызываетъ у насъ представленія, т.е. воспро-

изведеніе тѣхъ ощущеній, которыя въ нашемъ опытѣ такъ или иначе связаны съ даннымъ ощущеніемъ. Это обстоятельство и обусловливаетъ возможность такъ-называемаго познанія, которое было бы невозможно, если бы все содержаніе нашего духовнаго міра ограничивалось только одними ощущеніями, данными разъ и затѣмъ уже не способными быть воспроизведенными. Съ другой стороны весьма важнымъ условіемъ нашей умственной жизни является тотъ фактъ, что не всѣ ощущенія, воспринятыя нами, въ дѣйствительности воспроизводятся нами по закону психической ассоціаціи, о которомъ я говорилъ. Причины этому двоякаго рода: 1) психическія и 2) физическія.

Законъ психической ассоціаціи состоитъ въ томъ, что, какъ мы видѣли, воспроизводятся духовныя явленія, связанныя въ нашемъ опытѣ или по смежности, или по сходству, т.е., напр., духовное явленіе А можетъ вызвать въ нашемъ сознаніи духовное явленіе В, связанное съ нимъ или потому, что оно было получено въ непосредственной съ нимъ преемственности, или потому, что оно съ нимъ сходно. Напримѣръ, въ моемъ опытѣ былъ слѣдующій фактъ: я увидѣлъ цвѣтокъ, т.е. получилъ извѣстное зрительное ощущеніе, и при этомъ услышалъ слово "цвѣтокъ", т.е. воспринялъ извѣстное слуховое ощущеніе. Если впослѣдствіи я вновь увижу цвѣтокъ, то у меня мо -

жетъ появиться и воспроизведеніе слухового ощущенія, воспринятаго мною, вслѣдъ за зрительнымъ ощущеніемъ, однороднымъ съ даннымъ зрительнымъ ощущеніемъ. То же будетъ, если у меня явится представленіе цвѣтка, т.е. будетъ воспроизведено извѣстное зрительное ощущеніе. Это примѣръ для ассоціаціи по смежности. Примѣръ для ассоціаціи по сходству: при видѣ шара, т.е. въ то время, когда я получаю извѣстное зрительное ощущеніе, можетъ явиться у меня представленіе другихъ шарообразных предметовъ (арбузъ, шаръ у лампы, ядро и т.п.), т.е. могутъ явиться представленія, сходныя съ даннымъ духовнымъ явленіемъ, и то же можетъ получиться и въ томъ случаѣ, когда у меня является представленіе шара. Такъ какъ въ нашемъ опытѣ духовныя явленія даются въ различныхъ комбинаціяхъ и сочетаніяхъ, то, очевидно, одно и то же ощущеніе, одно и то же представленіе могутъ служить исходнымъ пунктомъ для различныхъ ассоціацій. Поэтому, напр., духовное явленіе A можетъ вызвать не представленіе B, а представленіе C или D и т.д. Итакъ, дѣйствіе психической ассоціаціи можетъ перекрещиваться, нарушаться дѣйствіемъ другой психической ассоціаціи и т.д. Если возможны ассоціаціи A - B, A - C, A - D и т.д., то наиболѣе шансовъ быть воспроизведеннымъ будетъ имѣть тотъ элементъ, который особенно часто былъ данъ въ нашемъ опытѣ съ A, или соста -

влялъ предметъ особаго нашего вниманія, интереса.

Съ другой стороны, необходимы, понятно, извѣстныя физическія условія для того, чтобы данное ощущеніе могло быть воспроизведеннымъ. Это обстоятельство является важнымъ ограниченіемъ для дѣйствія закона психической ассоціаціи: въ каждый данный моментъ воспроизводятся ощущенія только, поскольку это допускается физическими условіями существованія духовныхъ явленій. Въ томъ, что не всѣ наши ощущенія воспроизводятся по чисто физическимъ причинамъ, Вы можете легко убѣдиться изъ обстоятельствъ повседневнаго опыта: при нормальныхъ условіяхъ нашей психической жизни ощущенія запаха и вкуса обыкновенно вовсе не воспроизводятся.

Наиболѣе способны къ воспроизведенію по условіямъ физическимъ ощущенія зрительныя, слуховыя и мускульно-двигательныя. Ближайшее отношеніе къ языку имѣютъ ощущенія слуховыя и мускульно-двигательныя. Когда мы произносимъ какой-нибудь звукъ, какое-нибудь слово, мы приводимъ въ движеніе наши органы рѣчи, и отъ этого движенія получается ощущеніе, которое легко нами воспроизводится по условіямъ чисто физическимъ. При этомъ мы получаемъ и извѣстныя слуховыя ощущенія. Съ другой стороны, слуховыя ощущенія мы получаемъ и отъ рѣчи нашихъ собесѣдниковъ, лицъ насъ окружающихъ. Воспроизведеніе этихъ ощущеній (мускульно-двигательныхъ и слухо-

выхъ) и есть то, что мы называемъ *представленіемъ звуковой стороны словъ*. Ощущенія мускульно-двигательныя, сопровождающія движенія органовъ рѣчи, въ свою очередь вызываютъ эти движенія, какъ скоро эти ощущенія воспроизводятся въ нашемъ сознаніи. Такимъ образомъ, если мы воспроизводимъ ощущеніе, вызванное движеніями органовъ рѣчи, напр., при произнесеніи звука "и", то вмѣстѣ съ тѣмъ появляются и сами движенія органовъ рѣчи. Эти движенія могутъ быть или слишкомъ мало замѣтными, слишкомъ мало интенсивными для того, чтобы вызвать слуховое ощущеніе, но могутъ быть и настолько интенсивными, что такое ощущеніе является; тогда мы начинаемъ невольно говорить вслухъ. Связь между ощущеніями отъ движенія органовъ рѣчи и между самими движеніями основана на чисто физическихъ условіяхъ, и участіе нашей воли можетъ сказываться только въ томъ, что мы или задерживаемъ, ослабляемъ эти движенія, или придаемъ имъ надлежащую силу, необходимую для произнесенія вслухъ, или, наконецъ, мы относимся къ нимъ пассивно; въ послѣднемъ случаѣ мы можемъ, какъ мы видѣли раньше, непроизвольно начать говорить вслухъ.

Посмотримъ теперь, что́ дѣлаетъ эти представленія звуковой стороны словъ представленіями звуковъ рѣчи, какъ знаковъ предметовъ мысли?

Процессъ мышленія состоитъ, какъ извѣстно, въ томъ, что образуется чувство связи между ощущеніями и представленіями или между представленіями, какъ частями одной мысли. Изъ того, что я говорилъ раньше, Вы уже знаете, что вмѣстѣ съ извѣстными представленіями могутъ являться другія представленія, могутъ являться по закону психической ассоціаціи. Въ качествѣ такихъ спутниковъ представленій могутъ являться и представленія звуковой стороны словъ. Напримѣръ, представленія "роза", "фіалка", могутъ явиться у меня и представленія звуковой стороны словъ "роза", "фіалка", въ качествѣ простыхъ спутниковъ данныхъ представленій. Замѣстителями, знаками данныхъ представленій являются данные ихъ спутники въ томъ случаѣ, когда одни они и воспроизводятся въ нашемъ сознаніи, а тѣ представленія, спутниками которыхъ они являлись, остаются не воспроизведенными. Если въ моемъ сознаніи вмѣсто представленій "роза" "красива" явятся представленія звуковой стороны словъ "роза" "красива", такъ, что чувство связи между этими представленіями, образующееся въ мышленіи, принадлежитъ не имъ, а остающимся невоспроизведенными представленіямъ "роза" "красива", то данныя представленія звуковой стороны словъ и являются замѣстителями другихъ представленій, являются знаками мышленія. Отсюда Вы видите, почему значеніе звуковой

стороны словъ должно быть опредѣляемо какъ способность представленій звуковой стороны словъ являться въ нашемъ мышленіи замѣстителями другихъ представленій.

Отсюда становится понятнымъ и то огромное значеніе, какое имѣетъ языкъ словъ для умственнаго развитія человѣчества. Представленія звуковой стороны словъ являются для насъ удобовоспроизводимыми знаками такихъ предметовъ мысли, которые принадлежатъ къ категоріи духовныхъ явленій, съ трудомъ или вовсе не воспроизводимыхъ по физическимъ причинамъ. Вспомните то, что было сказано мною по этому поводу выше. Напримѣръ, ощущеніе голода врядъ ли можетъ быть воспроизведено нами непосредственно, и въ нашемъ сознаніи является удобовоспроизводимый для него замѣститель, представленіе звуковой стороны слова "голодъ". Далѣе, мы не можемъ получить ощущеній признаковъ, качествъ, свойствъ предметовъ и явленій внѣшняго міра, не воспринимая въ то же время самихъ вещей, обладающихъ данными признаками: напр., ощущеніе бѣлизны не отдѣлимо въ нашемъ непосредственномъ опытѣ отъ того или другого предмета бѣлаго цвѣта, я не могу, далѣе, представить себѣ бѣлизну, не представляя въ то же время того или другого предмета этого цвѣта, между тѣмъ представленіе звуковой стороны слова "бѣлизна", "бѣлый" является въ моемъ мышленіи знакомъ для предмета мысли отдѣльнымъ отъ

знаковъ тѣхъ предметовъ мысли, которые имѣютъ бѣлый цвѣтъ. Пойдемъ еще далѣе: всѣ наши ощущенія и представленія индивидуальны; я вижу, напр., ту или другую березу, но не вижу березы вообще, не вижу далѣе дерева вообще и т.д. Поэтому я не могу имѣть и непосредственнаго представленія березы вообще, дерева вообще: такихъ объектовъ воспріятія въ природѣ нѣтъ. Между тѣмъ представленія звуковой стороны словъ "береза", "дерево" могутъ являться у меня знаками мысли для всѣхъ индивидуальныхъ березъ, для всѣхъ индивидуальныхъ деревьевъ. Такъ-называемыя общія представленія невозможны въ качествѣ непосредственныхъ представленій и требуютъ замѣстителей, знаковъ мысли, ихъ замѣняющихъ.

Изъ того, что сказано мною о природѣ значенія звуковой стороны словъ, Вы видите, что вовсе не требуется естественной связи между представленіями звуковой стороны словъ и тѣми предметами мысли, которые они обозначаютъ. Въ самомъ дѣлѣ, всякое слово одинаково способно само по себѣ обозначать всякій предметъ мысли.

Изъ сказаннаго Вы видите, что языкъ и самъ зависитъ отъ мышленія, и что, съ другой стороны, мышленіе зависитъ отъ языка. У насъ, владѣющихъ языкомъ, знаками предметовъ мысли являются именно въ огромномъ

большинствѣ случаевъ представленія звуковой стороны словъ, а потому, когда мы говоримъ о языкѣ, то имѣемъ въ виду языкъ κατ' ἐξοχήν, языкъ словъ, языкъ, матеріаломъ для котораго служатъ звуки рѣчи. Языкомъ же вообще мы должны называть совокупность всякихъ такихъ знаковъ для мышленія, которые мы по волѣ обнаруживаемъ, проявляемъ. Кромѣ языка словъ можетъ, какъ Вамъ извѣстно, существовать и языкъ жестовъ и мимики. Человѣчество пользуется и такимъ языкомъ, но онъ играетъ у насъ лишь очень второстепенную роль. Преимущества языка словъ настолько очевидны, что не требуютъ особыхъ разъясненій. Въ языковѣдѣніи мы изучаемъ именно этотъ послѣдній языкъ, но нельзя упускать изъ виду и того обстоятельства, что наблюденіе надъ языкомъ жестовъ и мимики проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на трудный вопросъ о происхожденіи языка словъ, а къ этому вопросу я обращусь въ свое время.

Итакъ, вообще слова, которыми мы пользуемся въ нашей рѣчи, не являются въ какомъ-нибудь необходимомъ соотношеніи съ тѣми представленіями, замѣстителями которыхъ они являются. Въ сложившемся уже языкѣ, разъ является необходимость создать новое слово, мы въ огромномъ большинствѣ пользуемся тѣмъ матеріаломъ, который у насъ есть уже въ распоряженіи, и лишь въ немногихъ случаяхъ мы создаемъ новыя слова, путемъ за-

имствованія изъ другого языка или путемъ созданія произвольнаго сочетанія звуковъ. Примѣромъ послѣдняго типа словъ можетъ служить слово "газъ", которое около 1600 года сочинилъ голландскій ученый Гельмонтъ; въ русскомъ языкѣ это слово, понятно, чужое, заимствованное изъ другихъ языковъ; примѣрами перваго рода образованія новыхъ словъ могутъ служить такія слова, какъ "пароходъ", "паровозъ", "конка" и т.п.

Люди, знающіе только свой родной языкъ, легко могутъ впасть въ ошибку, предполагая, что между звуковой стороной слова и его значеніемъ есть какая-то необходимая связь, что, напр., слово "холодный" уже по звуковой своей сторонѣ предназначено для того, чтобы выражать присвоенное ему значеніе, что между ощущеніемъ звуковой стороны этого слова и ощущеніемъ холода есть какое-то сходство. Для опроверженія этого мнѣнія, возникающаго по той причинѣ, что связь между представленіемъ звуковой стороны словъ и представленіемъ того предмета мысли, замѣстителемъ котораго оно является, очень тѣсная въ силу указанныхъ въ свое время условій, достаточно сослаться на то, что предметъ мысли, обозначаемый у насъ словомъ "холодный", въ другихъ языкахъ обозначается другими словами. Есть, однако, въ языкѣ очень сравнительно небольшое количество такихъ словъ, которыя имѣютъ непосредственную по про-

исхожденію связь звуковъ, изъ которыхъ они состоятъ, съ обозначаемыми ими предметами мысли. Это такъ-называемыя звукоподражательныя слова, хотя, какъ показываетъ исторія языка, далеко не всѣ слова, могущія представляться звукоподражательными, дѣйствительно имѣютъ такое происхожденіе. Подобно тому какъ эти слова не играютъ замѣтной роли въ развитомъ уже языкѣ, не играли они замѣтной роли и на первоначальной стадіи развитія языка и, какъ мы увидимъ въ свое время, отнюдь нельзя думать, будто бы началомъ языка были именно такого рода слова.

Въ значеніяхъ словъ мы должны различать два рода значеній: 1) прямыя или собственныя и 2) непрямыя или переносныя значенія. Переносное значеніе является въ томъ случаѣ, когда для нашего сознанія ясно, что данное слово является собственно знакомъ для другого предмета мысли, съ которымъ данный предметъ мысли связанъ ассоціаціей по смежности или по сходству. Напримѣръ, въ выраженіи "лѣсъ копій" мы имѣемъ слово "лѣсъ" въ переносномъ значеніи; основаніемъ для такого употребленія слова "лѣсъ" служитъ сходство между извѣстнымъ количествомъ деревьевъ, растущихъ въ одномъ мѣстѣ, и извѣстнымъ количествомъ поднятыхъ вверхъ копій. Съ другой стороны, когда мы говоримъ "аудиторія", имѣя въ виду не помѣщеніе для слушателей, а самихъ слушателей,

мы пользуемся этимъ словомъ въ переносномъ значеніи въ силу ассоціаціи по смежности. Само собою разумѣется, мы не должны упускать изъ виду того обстоятельства, что въ извѣстныхъ случаяхъ собственное значеніе могло образоваться изъ переноснаго, которое въ данную эпоху жизни языка уже не сознается говорящими, какъ переносное. Напримѣръ, русское "обязать" изъ "обвязать" уже не сознается нами, какъ слово съ переноснымъ значеніемъ.

ИЗМѢНЕНІЯ ЗВУКОВОЙ СТОРОНЫ СЛОВЪ.

Такимъ образомъ, мы познакомились съ тѣми элементами, изъ которыхъ состоитъ языкъ: съ матеріаломъ языка, т.е. съ звуками рѣчи, и со значеніемъ звуковой стороны словъ.

Теперь намъ предстоитъ разсмотрѣть вопросъ объ измѣненіяхъ, происходящихъ съ теченіемъ времени въ языкѣ, какъ въ самомъ матеріалѣ, такъ и въ значеніяхъ словъ. Прежде всего мы разсмотримъ измѣненія внѣшней стороны языка, измѣненія въ звуковой сторонѣ словъ.

Звуки языка, какъ извѣстно, измѣняются съ теченіемъ времени. Въ измѣненіяхъ звуковъ языка надо разли-

чать два рода явленій. Съ одной стороны, звуки измѣняются въ условіяхъ ихъ образованія - сами по себѣ; съ другой стороны, въ силу вліянія однихъ образованій на другія по закону ассоціаціи.

Въ первомъ случаѣ измѣненія звуковъ и составляютъ тотъ классъ звуковыхъ явленій, которыя мы называемъ фонетическими; второй классъ явленій, происходящихъ въ силу психической ассоціаціи, составляютъ явленія нефонетическія. Въ фонетическихъ явленіяхъ мы должны различать, въ свою очередь, два рода явленій: съ одной стороны, измѣненія звуковой стороны словъ внѣ вліянія особыхъ факторовъ, съ другой стороны - подъ вліяніемъ особыхъ фонетическихъ условій, напр., подъ вліяніемъ положенія въ словѣ, ударенія и т.д.

Я приведу примѣры изъ нашего языка и родственныхъ языковъ для фонетическихъ измѣненій обѣихъ категорій. Мы знаемъ, напр., что въ индоевропейскомъ праязыкѣ существовало не только k задненебное, но и k̲ среднеебное; въ славянскихъ языкахъ k задненебное сохранилось само по себѣ какъ k, а k̲ средненебное измѣнилось, измѣняясь въ условіяхъ образованія, въ s. Въ родственныхъ греческомъ и латинскомъ языкахъ мы найдемъ здѣсь k. Наше слово тождественно по происхожденію съ греческимъ κλέος, изъ κλέϝος (между ε и ο былъ въ общегреческомъ языкѣ звукъ u̯ или v, который обозначается ϝ;

въ аттическомъ и іоническомъ нарѣчіи этотъ звукъ рано исчезъ. Въ нашемъ СЛОВО мы находимъ о, между тѣмъ какъ въ соотвѣтственномъ греческомъ словѣ е; нѣкогда въ индоевропейскомъ праязыкѣ тутъ была гласная $\breve{a}^e$, которая въ греческомъ обратилась въ е, въ славянскихъ языкахъ также сама по себѣ обращалась въ е, какъ, напр., мы видимъ въ ЕСТЬ, ѥ́сті, est, причемъ въ общеславянскомъ еще языкѣ передъ гласной е въ началѣ слова развивалось $\underset{\breve{a}}{i}$, откуда далѣе j. Гласная о въ СЛОВО получилась изъ е еще въ общеславянскомъ языкѣ (срв. старославянск. СЛОВО, польское słowo и т.д.) въ положеніи передъ $\underset{\wedge}{u}$, v. Такого же происхожденія гласная о въ нашемъ НОВЪ, НОВЫЙ, срв. греч. νέος изъ νέϝος; что касается латинск. novus, то и въ латинскомъ языкѣ е передъ $\underset{\wedge}{u}$ переходило въ о. Сопоставляя наши примѣры, въ которыхъ мы находимъ измѣненіе е въ о, со словомъ ДЕВЯТЬ (срв. латинск. novem изъ *nevem; въ славянскомъ словѣ Д въ началѣ вмѣсто Н подъ вліяніемъ Д въ началѣ слѣдующаго числительнаго ДЕСЯТЬ), мы убѣждаемся, что е измѣнялось въ о само по себѣ только въ томъ случаѣ, если за $\underset{\wedge}{u}$, v не слѣдовалъ мягкій слогъ (въ ДЕВЯТЬ русское а съ предшествующею мягкою согласною изъ е, срв. $\underset{\wedge}{A}$ въ старослав. ДЕВАТЬ). Если мы возьмемъ род.ед. старослав. СЛОВЕСЕ, то увидимъ, что здѣсь $\underset{\wedge}{O}$ подъ вліяніемъ $\underset{\wedge}{O}$ въ основѣ этого слова въ формѣ другихъ падежей,

гдѣ за В не слѣдовала небная гласная. Въ этомъ случаѣ, какъ и въ измѣненіи Н въ Д въ словѣ девять, мы имѣемъ примѣры измѣненія звуковъ рѣчи вслѣдствіе вліянія однихъ словъ на другія.

Возьмемъ еще примѣръ: мы знаемъ, что въ русскомъ языкѣ гласная е перешла съ теченіемъ времени въ о въ положеніи подъ удареніемъ въ слогѣ, за которымъ не слѣдовало мягкаго звука. Такъ, въ 1-омъ лицѣ множ.ч. мы найдемъ фонетически гласную о изъ стараго е: несём, гребём, ведём, въ старославянскомъ языкѣ сохранилось е: НЕСЕМЪ, ГРЕБЕМЪ, ВЕДЕМЪ. Если возьмемъ 2-ое лицо множ.ч., то найдемъ въ русскомъ несёте, гребёте, ведёте, - это уже явленіе нефонетическое: здѣсь за слогомъ съ е, находящимся подъ удареніемъ, слѣдуетъ старая небная гласная, и измѣненіе здѣсь е въ о въ русскомъ языкѣ объясняется вліяніемъ аналогіи со стороны такихъ случаевъ, какъ несёмъ, гребёмъ, ведёмъ.

Такимъ образомъ, измѣненіе е въ о въ русскихъ несёмъ, гребёмъ, ведёмъ обусловливается извѣстнымъ фонетическимъ положеніемъ, въ данномъ случаѣ положеніемъ передъ ненебной гласной и въ слогѣ подъ удареніемъ, во второмъ случаѣ, въ несёте, гребёте, ведёте, мы видимъ примѣръ для нефонетическаго измѣненія звуковъ.

Отмѣтимъ одинъ примѣръ нефонетическаго измѣненія

звуковъ въ латинскомъ языкѣ. Намъ извѣстенъ законъ, по которому старое латинское s въ положеніи между гласными переходило въ z, изъ котораго далѣе получилось r. Такимъ образомъ, изъ стараго s между гласными мы находимъ въ латинскомъ языкѣ r. Въ такихъ именахъ, какъ: honos, honoris мы должны ожидать r только тамъ, гдѣ онъ приходится между гласными; а если и въ именительномъ падежѣ мы находимъ honor, то здѣсь r явилось подъ вліяніемъ аналогіи такихъ падежей, какъ honoris, honori, гдѣ r было по фонетическимъ условіямъ.

Тотъ отдѣлъ языковѣдѣнія, который изучаетъ исторію звуковъ, измѣненія звуковъ рѣчи, происходящія въ языкѣ съ теченіемъ времени, называется ф о н е т и к о й. Надо замѣтить, что у нѣмецкихъ лингвистовъ *фонетикой* называется тотъ отдѣлъ, который мы называемъ физіологіей звуковъ рѣчи, а для фонетики у нихъ есть свой терминъ - Lautgeschichte "исторія звуковъ". Надо помнить, что въ фонетику, строго говоря, входитъ изученіе только такихъ измѣненій звуковой стороны языка, которыя являются фонетическими. Нефонетическія явленія сами по себѣ не могутъ быть разсматриваемы въ этомъ отдѣлѣ языковѣдѣнія, и изученіе ихъ должно входить въ другой отдѣлъ, посвященный изученію дѣйствія психическихъ ассоціацій, сказывающихся на языкѣ, но, по при-

чинамъ вполнѣ понятнымъ, изучая явленія фонетическія и отдѣляя ихъ отъ нефонетическихъ, мы и въ фонетику вносимъ извѣстныя части только что упомянутаго отдѣла.

Чѣмъ вызываются измѣненія звуковъ той категоріи, которыя мы называемъ фонетическими? Что касается измѣненій звуковъ нефонетическихъ, то, какъ мы уже видѣли выше, причина ихъ лежитъ въ области психическихъ явленій. Эти причины до сихъ поръ для насъ неясны, но это не значитъ еще, что ихъ и не существуетъ. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь ничего въ мірѣ не совершается безъ причинъ; то, что мы ихъ не всегда знаемъ, не значитъ еще, что ихъ нѣтъ вообще. Были попытки открыть ихъ и въ нашей области. Нѣкоторые лингвисты ссылались на принципъ, который получилъ вообще примѣненіе въ наукѣ о человѣкѣ, - принципъ сохраненія энергіи, работы: мы стремимся облегчить себѣ работу, чтобы достигать тѣхъ же результатовъ съ меньшей затратой энергіи, съ меньшей затратой силы. Дѣйствительно, нѣкоторыя звуковыя явленія могутъ наводить насъ на мысль, что измѣненія звуковой стороны словъ совпадаютъ съ стремленіемъ облегчить нашу работу при произнесеніи. Сюда относятся, напр., явленія ассимиляціи: звуки рѣчи иногда измѣняются, вполнѣ или отчасти уподобляясь послѣдующему или предшествующему звуку, при чемъ здѣсь обнаруживается

естественное стремленіе облегчить себѣ работы органовъ рѣчи путемъ приспособленія условій образованія звука А къ условіямъ образованія звука В или наоборотъ. Напримѣръ, въ русскомъ языкѣ мы находимъ смягченныя согласныя въ положеніи передъ гласными небными, а, какъ Вы уже знаете, при образованіи смягченной согласной положеніе языка измѣняется въ томъ направленіи, какое нужно для произнесенія гласной передняго ряда. Далѣе, такія явленія, какъ измѣненіе стараго t (fortis) въ d (lenis) въ итальянскомъ языкѣ (срв. латинск. pater - итальянск. padre) и утрата его во французскомъ (père), также могли бы разсматриваться, какъ результатъ стремленія къ сокращенію работы. Но далеко не всѣ случаи измѣненій звуковой стороны словъ могутъ быть объяснены, какъ результатъ стремленія къ облегченію произношенія. Этотъ принципъ приложимъ къ объясненію далеко не всѣхъ явленій. Напримѣръ, измѣненіе долгихъ гласныхъ въ дифтонги (срв. древневерхнемецк. hūs, откуда нововерхненѣмецк. haus; общерусское кōнь, откуда сѣверномалорусское куонь), противоположное измѣненіе дифтонговъ въ простыя гласныя (срв. украинское кінь), никакъ не можетъ быть разсматриваемо, какъ результатъ стремленія къ сокращенію работы. Вообще, надо замѣтить, трудность произношенія того или другого звука или звукового комплекса понятіе весьма

относительное и условное. Такимъ образомъ, несостоятельно то объясненіе, которое сводитъ причину всѣхъ измѣненій звуковой стороны языка къ стремленію облегчить работу органовъ рѣчи.

Съ другой стороны, другіе ученые приписываютъ выдающуюся роль въ области звуковыхъ явленій главнымъ образомъ тому, что языкъ передается отъ одного поколѣнія къ другому: молодое поколѣніе, усваивая себѣ языкъ отъ старшихъ, не воспроизводитъ его безусловно въ томъ видѣ, въ какомъ онъ существуетъ у этихъ послѣднихъ, между прочимъ и по отношенію къ звуковой сторонѣ. Особенности эти, сперва малозначительныя, съ теченіемъ времени, съ появленіемъ все новыхъ и новыхъ поколѣній, постепенно наростаютъ. Эта теорія опирается на слѣдующее соображеніе: даже въ языкѣ каждаго отдѣльнаго индивидуума мы можемъ констатировать неполную тождественность звуковой стороны словъ въ разныя эпохи его жизни. Происходитъ это потому, что очень незначительныя уклоненія отъ обычныхъ условій при произнесеніи даннаго звука не сознаются, какъ таковыя, такъ какъ и акустическое и мускульно-двигательное ощущеніе при этомъ не подвергается сколько-нибудь существенному измѣненію. Если съ теченіемъ времени уклоненіе это совершается послѣдовательно въ одну сторону, то результатомъ будетъ измѣненіе указанныхъ ощущеній, а

вмѣстѣ съ тѣмъ и измѣненіе условій образованія звука, регулируемыхъ этими ощущеніями. Естественно, что описанный процессъ ускоряется при переходѣ языка отъ одного поколѣнія къ другому. Однако, указанное объясненіе приложимо не ко всѣмъ измѣненіямъ звуковой стороны словъ: есть вѣдь такія измѣненія, которыя совершаются сразу, не путемъ продолжительнаго и постепеннаго процесса (напр., извѣстнаго рода ассимиляціи между звуками не сосѣдними, напр., появленіе qu въ началѣ слова въ латинскомъ quinque подъ вліяніемъ qu въ слѣдующемъ слогѣ; получено было въ началѣ этого слова p, срв. греч. πέντε, старослав. ПАТЬ). Далѣе, это собственно не объясненіе, а описаніе процесса, и Пауль, выставившій эту теорію для объясненія, почему уклоненіе отъ данныхъ условій произношенія совершается въ ту, а не въ другую сторону, ссылается на упомянутый уже принципъ стремленія къ сокращенію работы.

Такимъ образомъ, пока мы не можемъ еще дать отвѣта на вопросъ о причинахъ измѣненій звуковой стороны языка въ теченіе его жизни; но мы можемъ отвѣтить за то на вопросъ, какимъ образомъ распространяются эти измѣненія. Если звуковое измѣненіе возникаетъ у какого-нибудь отдѣльнаго члена даннаго общества, отдѣльнаго индивидуума, то это измѣненіе имѣетъ всѣ шансы исчезнуть безслѣдно, такъ какъ оно сглаживается подъ

нивеллирующимъ вліяніемъ другихъ членовъ того же общества.

Такимъ образомъ, для того, чтобы какое-нибудь измѣненіе звуковой стороны языка получило шансы на распространеніе, необходимо, чтобы оно возникло у цѣлаго ряда индивидуумовъ, и тогда оно можетъ передаваться далѣе отъ однихъ къ другимъ изъ поколѣнія въ поколѣніе. Итакъ, измѣненіе звуковой стороны языка начинается у отдѣльной личности, но только такое измѣненіе можетъ распространиться дальше, которое возникаетъ заразъ у цѣлаго ряда индивидуумовъ.

Тѣ условія, которыми мы опредѣляемъ измѣненія звуковой стороны словъ, принадлежащія къ собственно фонетическимъ, называются звуковыми законами. Напримѣръ, опредѣленіе "въ литературномъ нарѣчіи русскаго языка старое е послѣ согласной измѣнилось въ о въ положеніи подъ ударенiемъ не передъ мягкимъ звукомъ" является звуковымъ, фонетическимъ закономъ. Одно изъ положеній современной науки о языкѣ говоритъ: звуковые законы не допускаютъ исключеній. Что это значитъ? - Разъ является стремленіе къ измѣненію звука въ извѣстномъ положеніи, то это измѣненіе должно явиться всюду, гдѣ встрѣчается этотъ звукъ въ данномъ положеніи.

Такъ-называемыя въ элементарныхъ грамматикахъ исключенія изъ звуковыхъ законовъ - это, съ одной сторо-

ны, такіе случаи, въ которыхъ данный звуковой законъ объ измѣненіяхъ звуковъ не могъ проявиться въ силу какихъ-нибудь причинъ, препятствовавшихъ этимъ измѣненіямъ. Такимъ образомъ, напримѣръ, въ русскомъ языкѣ, гдѣ е измѣнилось только при наличности извѣстныхъ условій, при другихъ условіяхъ оно само по себѣ оставалось, какъ е. Съ другой стороны, такія кажущіяся исключенія изъ фонетическихъ законовъ представляютъ случаи, гдѣ сказалось вліяніе аналогіи со стороны однихъ словъ на другія, о которомъ я уже говорилъ. Припомните такіе примѣры, какъ несёте, ведёте при несёмъ, ведёмъ, гдѣ въ первомъ случаѣ мы имѣемъ нефонетическое измѣненіе е въ о подъ вліяніемъ аналогіи со стороны формъ 1 лица множ.ч.; вспомните также приведенный примѣръ нефонетическаго измѣненія изъ латинскаго языка: honor подъ вліяніемъ аналогіи такихъ формъ, какъ honoris, гдѣ r развилось изъ s фонетическимъ путемъ. Въ-третьихъ, надо отмѣтить такіе случаи, гдѣ мы имѣемъ заимствованія изъ другихъ языковъ - родственныхъ, и неродственныхъ. Такимъ образомъ, русское градъ, прилагательное градской представляютъ здѣсь не исключенія изъ закона такъ-называемаго русскаго полногласія, а - заимствованія изъ церковно-славянскаго языка, который оказалъ сильное вліяніе на русскій языкъ. Точно такъ же объясняется русское одежда, надежда, стр. на-

родныя одёжа, надёжа), причастія на -ущій, -ящій (старыя причастія въ русскомъ языкѣ или исчезли, обратившись въ дѣепричастія, или сохранились въ видѣ прилагательныхъ, срв. дѣлаючи и дѣлающій, сидячій и сидящій).

Слова иностранныя, которыя были заимствованы до того момента, когда началъ дѣйствовать извѣстный звуковой законъ, должны подлежать тѣмъ же измѣненіямъ, какъ и туземныя слова, поскольку они представляютъ вполнѣ аналогичныя условія и поскольку этому не препятствуетъ традиція. Напримѣръ, въ русскомъ языкѣ въ положеніи передъ небными гласными согласныя являются смягченными. То же смягченіе должны получать и согласныя при такомъ положеніи и въ словахъ, заимствованныхъ изъ иностранныхъ языковъ, хотя въ аффектированномъ произношеніи онѣ могутъ и не имѣть этого смягченія, срв., напр., Берлинъ съ мягкимъ б и аффектированное произношеніе слова опэра вмѣсто обычнаго опера. Въ латинскомъ языкѣ гласная а въ слогѣ безъ ударенія (слѣдующемъ за начальнымъ слогомъ со старымъ латинскимъ удареніемъ) измѣнилась въ е въ закрытомъ слогѣ. Такое же измѣненіе происходило и въ словахъ, заимствованныхъ изъ греческаго языка раньше начала дѣйствія этого закона: срв. talentum – τάλαντον.

Далѣе, нельзя, понятно, упускать изъ виду того об-

стоятельства, что наши опредѣленія звуковыхъ законовъ относятся всегда къ извѣстной эпохѣ; въ другую эпоху могли дѣйствовать другіе законы; напримѣръ, въ общеславянскомъ языкѣ k передъ небными гласными e, i, ь, ę, ѣ измѣнялось въ одну эпоху въ č, а въ позднѣйшую эпоху, когда появилось новое ѣ, изъ дифтонга oi, смягченіе k передъ такимъ ѣ привело къ измѣненію его въ c (срв., напр., старославянск. ВЛЬЧЕ и ВЛЬЦѢ, срв. греческ. οἶκε и οἴκοι "до́ма", по происхожденію мѣстный пад.ед.ч.). Въ русскомъ языкѣ въ формахъ склоненія основъ типа "волкъ", "рука" нефонетическимъ путемъ вновь появилось k въ тѣхъ образованіяхъ, гдѣ нѣкогда были въ общеславянскомъ языкѣ č и c; объясняется это вліяніемъ аналогіи со стороны тѣхъ падежныхъ формъ, гдѣ сохранялось k; въ русскихъ "волкѣ", "рукѣ" мы находимъ k средненебное смягченное при k задненебномъ въ "волкъ", "рука", и это чередованіе объясняется, понятно, различіемъ въ слѣдующей гласной.

ИЗМѢНЕНІЕ ЗНАЧЕНІЯ СЛОВЪ.

Значенія словъ въ языкѣ съ теченіемъ времени измѣняются. Это измѣненіе совершается въ двухъ направленіяхъ: съ одной стороны, значеніе слова можетъ

суживаться, съ другой - расширяться, т.е. знакъ языка можетъ быть ограниченъ въ его употребленіи, а съ другой стороны - онъ можетъ получить расширеніе въ этомъ отношеніи. Къ этой послѣдней категоріи относятся и тѣ случаи, когда извѣстное слово является съ такъ-называемымъ переноснымъ значеніемъ, о чемъ я уже имѣлъ случай говорить раньше.

Вамъ уже извѣстно, что слова языка, какъ знаки для предметовъ мысли, являются вообще общими именами, являются такими именами въ огромномъ большинствѣ случаевъ. Напримѣръ, береза, домъ, городъ обозначаютъ сами по себѣ любой индивидуальный предметъ даннаго класса. Слѣдовательно, въ томъ случаѣ, когда рѣчь идетъ объ отдѣльномъ индивидуальномъ предметѣ, требуется, чтобы слушающій понялъ данное слово въ томъ именно примѣненіи, какое даетъ ему въ данную минуту говорящій. Это достигается, во-первыхъ, благодаря тому, что 1) требуемое опредѣляется изъ предшествующей рѣчи, 2) изъ той обстановки, которая окружаетъ говорящихъ, 3) и изъ различныхъ обстоятельствъ, какъ-то общности интересовъ, занятій. Напримѣръ, когда мы говоримъ "императоръ", "университетъ" 3) безъ дальнѣйшихъ поясненій, мы имѣемъ въ виду нашего императора, нашъ университетъ - это случаи третьей категоріи. Примѣромъ для случаевъ второй категоріи можетъ служить такой случай: когда мы, напр.,

при видѣ даннаго профессора, идущаго въ аудиторію, говоримъ: "профессоръ идетъ", то всѣмъ собесѣдникамъ понятно безъ дальнѣйшихъ поясненій, о какомъ профессорѣ идетъ рѣчь. Случаи первой категоріи настолько общеизвѣстны, что не нуждаются въ поясненіи примѣрами.

Итакъ, въ рѣчи общія имена являются спеціализированными, въ примѣненіи къ отдѣльному индивидуальному предмету во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ, понятно, мы не имѣемъ въ виду примѣненіе ихъ именно, какъ общихъ именъ. Если теперь такое спеціализированное употребленіе даннаго имени становится общеупотребительнымъ, мы имѣемъ суженіе значенія; срв., напр., "городъ" въ обычномъ значеніи этого слова и въ значеніи извѣстной части города Москвы. Слово "городъ" въ спеціальномъ употребленіи примѣняется къ данному городу (напр., подгородный крестьянинъ, говоря "я иду въ городъ", разумѣетъ при этомъ свой, ближайшій городъ), примѣнялось оно къ городу Москвѣ и въ то время, когда предѣлы его ограничивались теперешнимъ "городомъ", , а затѣмъ, когда пригороды одинъ за другимъ сливались съ городомъ, названіе "городъ" осталось для извѣстной части новаго города въ силу особаго его значенія.

Суженіе значенія мы видимъ, напр., и въ словахъ "зелень" (извѣстныя травы и коренья, служащія приправами), "квасъ" (не всякая кислая жидкость, а только опредѣлен-

ный напитокъ, срв. польское kwas - "всякая кислота"), и произошло оно, понятно, тѣмъ же путемъ, какъ и въ разсмотрѣнномъ примѣрѣ, путемъ закрѣпленія извѣстнаго спеціализированнаго значенія. Къ этой категоріи случаевъ относятся по ихъ происхожденію и многія имена собственныя.

Перехожу теперь къ разсмотрѣнію тѣхъ случаевъ, когда мы находимъ не суженіе, а расширеніе значенія. Эти случаи объясняются дѣйствіемъ закона психической ассоціаціи: названіе извѣстнаго предмета или явленія распространяется на другіе предметы или явленія, связанныя съ данными ассоціаціей по сходству или по смежности. Сначала я приведу примѣры расширенія значенія, основаннаго на ассоціаціи по сходству: срв. въ русскомъ языкѣ слово "ножка" въ основномъ значеніи и въ значеніи "ножка у стола"; слово "листъ" получило очень широкое значеніе - сначала дерева, потомъ - бумаги, желѣза и т.д. Затѣмъ, съ цѣлью отмѣтить какое-нибудь дурное свойство въ человѣкѣ, его называютъ иногда именемъ того животнаго, которое особенно выдѣляется по тому или другому качеству, аналогичному извѣстному недостатку въ человѣкѣ; напр., онъ-лиса, онъ-свинья, и т.п. Примѣровъ расширенія значенія по ассоціаціи по смежности очень много: извѣстные знаки предметовъ мысли распространяются на другіе предметы мысли, связанные съ

первыми ассоціаціей по мѣсту или по времени. Особенно характерный случай ассоціаціи по смежности представляетъ перенесеніе значенія, извѣстное Вамъ изъ грамматики древнихъ языковъ подъ терминомъ pars pro toto; напримѣръ, "клинокъ" для обозначенія цѣлаго оружія даннаго типа, "штыкъ" вмѣсто термина "ружье" съ привинченнымъ къ нему штыкомъ. Далѣе, человѣкъ иногда называется по принадлежности его костюма: напр., въ Москвѣ "красная шапка" для обозначенія посыльнаго. Далѣе, къ ассоціаціи по смежности принадлежитъ употребленіе названія вещества, изъ котораго сдѣланъ предметъ, вмѣсто самаго предмета: напр., "ѣсть на золотѣ". Къ ассоціаціи по смежности относятся и такіе случаи, когда мы названіе извѣстнаго акта, совершаемаго въ извѣстномъ помѣщеніи, переносимъ и на самое помѣщеніе: напр., "судъ".

Извѣстное слово, извѣстный знакъ языка можетъ оставаться, но съ этимъ словомъ уже не соединяется то представленіе, которое съ нимъ первоначально соединялось: сравните такіе термины, какъ "восходъ" и "заходъ" солнца; хотя эти термины удержались въ языкѣ, но современный образованный человѣкъ хорошо знаетъ, что солнце не восходитъ и не заходитъ, а видимый восходъ и заходъ объясняются движеніемъ земли.

Далѣе, слово можетъ исчезнуть, разъ исчезаетъ пред-

ставленіе, обозначаемое даннымъ словомъ; напримѣръ, наши предки знали слово "туръ", которое уцѣлѣло у насъ только въ книжномъ языкѣ. Извѣстны и такіе случаи, когда слово сохраняетъ извѣстное видоизмѣненіе значенія, утрачивая по разнымъ причинамъ свое основное значеніе; срв., напр., русское "обязать", сохранившее лишь переносное значеніе, и русское "обвязать" съ основнымъ значеніемъ; здѣсь различныя значенія соединились съ различнымъ звуковымъ видомъ даннаго слова. Вообще нерѣдки тѣ случаи, когда различныя значенія связываются съ фонетическими варіантами одного и того же слова, возникающими въ силу тѣхъ или другихъ условій: срв. еще русскія "голова" - свое слово и "глава" - заимствованное слово изъ церковнославянскаго языка въ такихъ сочетаніяхъ: голова (часть тѣла), голова (городской) и глава (въ книгѣ), глава (государства).

Пауль, о книгѣ котораго я уже упоминалъ, склоненъ приписывать особое значеніе въ вопросѣ о причинахъ измѣненія значеній словъ передачѣ языка отъ одного поколѣнія другому; срв. его мнѣніе о причинахъ измѣненія звуковой стороны языка. Ссылается онъ при этомъ на тотъ фактъ, что новое поколѣніе, усваивая себѣ языкъ, усваиваетъ при этомъ при обычномъ, нормальномъ порядкѣ лишь единичные, индивидуальные случаи употребленія того или другого слова. Понятно, что при этомъ возмож-

ны различные случаи, въ которыхъ дѣйствіе аналогіи совершается въ другомъ направленіи, чѣмъ у взрослыхъ. Срв. ошибки дѣтей, называющихъ "дядей" всякаго чужого мужчину и т.п. Въ извѣстныхъ случаяхъ подъ вліяніемъ окружающихъ такія особенности языка исчезаютъ, въ нѣкоторыхъ же случаяхъ онѣ обнаруживаютъ большую устойчивость.

ЗНАКИ ЯЗЫКА, ВЫРАЖАЮЩІЕ НАШИ ЧУВСТВОВАНІЯ.

До сихъ поръ мы разсматривали такіе знаки языка, которые являются знаками предметовъ мысли, но въ рѣчи существуютъ и другого рода знаки, а именно знаки языка для выраженія нашихъ чувствованій. Срв., напр., въ русскомъ языкѣ: ай, ой, ахъ, эй, а (вопросительное). Такіе знаки языка въ отличіе отъ знаковъ перваго рода, называемыхъ словами, мы можемъ называть междометіями или словами-междометіями. То обстоятельство, что въ нашемъ языкѣ мы имѣемъ междометія, знаки языка для выраженія нашихъ чувствованій, объясняется существованіемъ тѣхъ же звуковъ рѣчи и ихъ комплексовъ, которые являются междометіями, и въ качествѣ непроизвольныхъ звуковыхъ рефлексовъ. Извѣстно, что наши чувствованія сопровождаются движеніями, между прочимъ движеніями

органовъ рѣчи. Связь между чувствованіями и этими движеніями частью непосредственная, коренящаяся въ условіяхъ нашего организма, частью создавшаяся у насъ по закону психической ассоціаціи. Напримѣръ, извѣстное чувствованіе А сопровождалось въ нашемъ опытѣ движеніемъ В, не связаннымъ съ нимъ непосредственно, а явившимся только случайнымъ его спутникомъ, понятно, что и впослѣдствіи, когда вновь является А, можетъ явиться и В по закону психической ассоціаціи.

Знаки языка, какъ слова, такъ и междометія, могутъ заключать въ себѣ такія видоизмѣненія въ ихъ произнесеніи (напр., повышеніе, пониженіе тона), которыя сами служатъ для выраженія различій въ чувствованіяхъ. И эти знаки знаковъ языка предполагаютъ существованіе тѣхъ же знаковъ въ качествѣ непроизвольныхъ выраженій нашихъ чувствованій, а знаками языка они становятся, понятно, только тогда, когда являются именно произвольными, по нашей волѣ обнаруживаемыми знаками.

Междометія могутъ становиться словами, и это бываетъ, какъ скоро они обозначаютъ тѣ же междометія, какъ знаки мысли. Срв., напр., въ русскомъ языкѣ такое сочетаніе словъ, какъ: онъ сказалъ охъ. Съ другой стороны, и слова языка могутъ становиться междометіями, коль скоро они выражаютъ наши чувствованія: Боже! проклятіе! и т.п. Извѣстныя слова языка могутъ становить-

ся словами-воззваніями, какъ скоро они заключаютъ въ себѣ такое видоизмѣненіе въ рѣчи при посредствѣ знака рѣчи извѣстныхъ словъ, какъ знаковъ предметовъ мысли, при которомъ эти слова обозначаютъ уже желаніе говорящаго возбудить вниманіе къ своей рѣчи. Таковы слова въ звательной формѣ; напр., Петя! принеси воды.

ВОПРОСЪ О ПРОИСХОЖДЕНІИ ЯЗЫКА.

Вопросъ о происхожденіи языка - вопросъ не новый; онъ возбуждался въ разное время и съ разныхъ сторонъ, а это показываетъ, какъ онъ привлекалъ къ себѣ вниманіе ученыхъ. Я не буду останавливаться на прежнихъ, очень многочисленныхъ попыткахъ его разрѣшенія, предшествовавшихъ созданію научнаго языковѣдѣнія, такъ какъ онѣ заранѣе были обречены на неудачу. Нельзя вѣдь научнымъ образомъ поставить вопросъ о прошломъ языка, о его происхожденіи, раньше чѣмъ мы познакомимся съ тѣмъ, что представляетъ его настоящее по отношенію къ процессамъ, происходящимъ въ языкѣ. Пока этотъ послѣдній вопросъ не былъ поставленъ на научную почву, нельзя было приступать и къ научному разрѣшенію перваго вопроса.

Изъ того очерка исторіи языковѣдѣнія, который я далъ въ началѣ курса, Вы видѣли, что Вильгельмъ фонъ-

-Гумбольдтъ первый содѣйствовалъ постановкѣ вопроса о происхожденіи языка на правильную почву и, какъ положительными результатами своихъ трудовъ, такъ и самими ошибками ясно показалъ, что языкъ есть созданіе человѣческаго духа, что своимъ происхожденіемъ онъ обязанъ тѣмъ психическимъ явленіямъ, которыя и въ настоящее время обусловливаютъ его существованіе. Такимъ образомъ, ключъ къ разрѣшенію нашего вопроса даетъ намъ психологія, наука о духовной дѣятельности человѣка. Наука о духѣ должна дать намъ отвѣтъ на вопросъ, какимъ образомъ возникъ языкъ словъ, какъ выраженіе нашихъ мыслей и чувствованій, какимъ образомъ впервые создалась связь между звукомъ рѣчи и его значеніемъ. Понятно, что пока психологія преслѣдовала почти исключительно метафизическія цѣли, пока не была создана трудами преимущественно англійскихъ ученыхъ научная психологія, какъ наука о различныхъ проявленіяхъ духовной дѣятельности, до тѣхъ поръ не могло быть и рѣчи о правильномъ разрѣшеніи поставленной нами проблемы. Успѣхи научной психологіи, достигнутые ею въ XIX вѣкѣ, принесли богатые плоды и для нашей науки. Конечно, вопросъ о происхожденіи языка словъ такъ, какъ я его формулировалъ выше, не входитъ самъ по себѣ въ область нашей науки; это вопросъ психологическій, наша же наука вступаетъ въ свои права, какъ скоро во -

просъ переносится съ общей почвы на почву даннаго языка или данныхъ языковъ, и задачею нашей науки является опредѣленіе того, какъ установилась въ каждомъ данномъ случаѣ связь даннаго звука или даннаго комплекса звуковъ съ даннымъ значеніемъ.

Прежде всего должна быть рѣшительно отвергнута теорія о происхожденіи языка, какъ объ намѣренномъ изобрѣтеніи, будто бы человѣчество для цѣлей общенія другъ съ другомъ придумало языкъ словъ. Вѣдь намѣренно изобрѣсти то, чего мы совсѣмъ не знаемъ, о чемъ мы и не подозрѣваемъ, нельзя, а въ такомъ положеніи были люди до возникновенія языка. По этой теоріи выходитъ, будто бы у людей сначала явилось представленіе о языкѣ, какъ средствѣ для взаимнаго общенія, а затѣмъ они и придумали лучшее средство для реализаціи этого представленія, языкъ словъ.

Наиболѣе научнымъ разрѣшеніемъ вопроса о происхожденіи языка въ его общей постановкѣ является мнѣніе, высказанное Штейнталемъ и впослѣдствіи принятое всѣми видными представителями науки. Я имѣю въ виду, понятно, только общую постановку вопроса, а не тѣ или другія частности, въ которыхъ отдѣльные ученые расходятся и которыя еще не могутъ считаться въ той или другой формѣ прочнымъ пріобрѣтеніемъ нашего знанія. Источниками языка являются тѣ звуковые рефлексы, ко-

торые появляются у насъ при извѣстныхъ духовныхъ процессахъ. Если мы обратимся къ отдаленному прошлому, когда человѣчество не знало еще языка словъ, то намъ представится слѣдующая картина: были извѣстные непроизвольные звуковые рефлексы; но они не являются сами по себѣ языкомъ, потому что они не являлись знаками для выраженія нашихъ чувствованій и мысли, а лишь невольными спутниками нашихъ духовныхъ движеній, а о томъ, что наши чувствованія сопровождаются движеніями, между прочимъ, движеніями органовъ рѣчи, слѣдствіемъ чего является тотъ или другой звукъ или комплексъ звуковъ, я уже говорилъ. Начало языка можетъ считаться съ той поры, когда для представленія нашихъ предковъ стала ясна связь между звуками рѣчи и чувствами и предметами мысли, съ той поры, когда она была подмѣчена и когда тѣ же звуки и ихъ комплексы люди начали произносить уже произвольно, обнаруживая такимъ образомъ по своей волѣ тотъ или другой знакъ для того или другого духовнаго состоянія. Это случилось тогда, когда люди стали жить уже обществомъ. При одинаковомъ приблизительно строѣ физической и духовной организаціи человѣчества понятно, что всѣ эти непроизвольные звуки были однородными или весьма близкими другъ къ другу. Поэтому настало время, когда люди замѣтили, что извѣстное состояніе у меня связано съ извѣстнымъ зву-

ковымъ рефлексомъ и что у моего сосѣда является тотъ же звукъ; тогда я и дѣлаю заключеніе, что состояніе аналогичное съ моимъ вызываетъ у другого лица тотъ же звукъ, что, слѣдовательно, звукъ, слышимый мною, свидѣтельствуетъ объ извѣстномъ духовномъ процессѣ. Разъ была подмѣчена эта связь, явилось начало языка. Начало языка, слѣдовательно, лежитъ въ тѣхъ непроизвольныхъ звукахъ, которые сопровождаютъ разные духовные аффекты. На дальнѣйшихъ подробностяхъ вопроса о происхожденіи языка я не могу здѣсь останавливаться.

Изъ новѣйшихъ сочиненій, занимающихся вопросомъ о происхожденіи языка и процессами, въ немъ происходящими, я могу назвать сочиненіе извѣстнаго нѣмецкаго психолога Wundt'a Völkerpsychologie I, Die Sprache, Leipzig 1900.

Критическій разборъ этого труда написалъ извѣстный нѣмецкій лингвистъ Delbrück (B.Delbrück, Grundfragen der Sprachforschung. Leipzig 1901).

Дельбрюку въ свою очередь отвѣтилъ Вундтъ (Wundt, Sprachgeschichte und Sprachpsychologie, Leipzig 1901).

На русскомъ языкѣ П о т е б н я представилъ развитіе мыслей перваго піонера научнаго изслѣдованія въ разсматриваемой области - Гумбольдта и его преемниковъ Лацаруса и Штейнталя (Мысль и языкъ, 2-ое изд. 1892 г.). Этотъ трудъ, появившійся впервые въ 1862 г. въ Журналѣ Мин.-Нар. Просвѣщенія, имѣетъ историческій интересъ.

На нѣмецкомъ языкѣ вышла въ 1898 г. въ 3-ьемъ изданіи книга Paul'я Prinzipien der Sprachgeschichte, посвященная общему обзору жизни языка, анализу процессовъ, въ немъ происходящихъ, останавливается авторъ и на вопросѣ о происхожденіи языка, слѣдуя въ этомъ отношеніи Штейналю. Эта книга составила цѣлую эпоху въ исторіи нашей науки, такъ какъ здѣсь изложены результаты научнаго движенія мысли въ области общихъ вопросовъ науки о языкѣ за послѣднюю четверть XIX вѣка, результаты работы преимущественно той школы, которая обратила особое вниманіе на дѣйствіе закона психической ассоціаціи въ сферѣ фактовъ языка. Тотъ, кто пожелаетъ ознакомиться съ этой очень дѣльной книгой, долженъ, однако, имѣть въ виду особенности той школы психологовъ, къ которой примыкаетъ Пауль (безсознательные психическіе процессы, порогъ сознанія и т.п.).

Профессоръ казанскаго университета К р у ш е в с к і й, къ сожалѣнію, рано умершій, въ 1883 году издалъ "Очеркъ науки о языкѣ", нѣкоторыя основныя положенія котораго были имъ выработаны еще до появленія книги Пауля.

Наконецъ, укажу на книгу Whitney, Leben und Wachsthum der Sprache, переводъ съ англійскаго оригинала, сдѣланный въ 1876 г. проф. Лескиномъ. Переводъ ея на русскій языкъ, къ со-

жалѣнію, - только начало, печатался въ Воронежскихъ Филологическихъ Извѣстіяхъ. Нѣкоторые отдѣлы этой книги положительно устарѣли (напр., изложеніе физіологіи звуковъ рѣчи, вопроса о происхожденіи языка), но въ общемъ она представляетъ удобное пособіе для начинающаго, съ помощью котораго онъ можетъ разобраться въ основныхъ процессахъ, происходящихъ въ языкѣ, чтобы перейти затѣмъ къ чтенію названныхъ выше трудовъ.

ЯЗЫКЪ ВЪ ПРОЦЕССѢ МЫШЛЕНІЯ И ВЪ РѢЧИ.

Процессъ мышленія состоитъ въ томъ, что образуется чувство соотношенія, связи между двумя представленіями, какъ составными частями одной мысли. Отдѣльная мысль, образуемая объединеніемъ въ чувствѣ связи, соотношенія одного представленія съ другимъ, называется "сужденіемъ", при томъ именно п о л о ж и т е л ь н ы м ъ или у т в е р д и т е л ь н ы м ъ сужденіемъ, какъ по отношенію къ самому процессу образованія этой мысли, такъ и по отношенію къ ея результату. Съ другой стороны, отдѣльная мысль, образуемая не объединеніемъ, а наоборотъ разъединеніемъ одного представленія съ другимъ, называется о т р и ц а т е л ь н ы м ъ сужденіемъ, какъ по отношенію къ процессу образованія

данной мысли, такъ и по отношенію къ ея результату. Образованіе всякаго сужденія предполагаетъ ассоціацію представленій по законамъ психической ассоціаціи, о которыхъ я уже говорилъ раньше.

Въ каждомъ сужденіи, какъ психологическомъ актѣ, различаются двѣ части: подлежащее и сказуемое. Сказуемымъ сужденія называется такое представленіе, которое объединяется, связывается или разъединяется въ сужденіи съ другимъ представленіемъ, составляющимъ подлежащее сужденія; а подлежащимъ въ сужденіи, слѣдовательно, является то представленіе, отъ котораго отправляется данное сужденіе, т.е. первая часть сужденія.

Такимъ образомъ у насъ въ процессѣ мышленія образуются сужденія. Сужденія, въ составъ которыхъ входятъ представленія словъ, называются предложеніями. Всякое сужденіе состоитъ, какъ мы видѣли, изъ подлежащаго и сказуемаго: представленіе, съ которымъ объединяется или разъединяется другое представленіе, т.е. то представленіе, отъ котораго отправляется данное сужденіе, называется подлежащимъ сужденія, а то представленіе, которое объединяется или разъединяется съ первымъ представленіемъ, называется сказуемымъ сужденія. Если оба эти члена сужденія даны въ представленіяхъ словъ, то мы получаемъ полное предложеніе; неполное

предложеніе получается тогда, когда въ представленіяхъ словъ данъ только одинъ членъ сужденія, а другой членъ является какимъ-нибудь другимъ представленіемъ, напр., непосредственнымъ представленіемъ предмета мысли. Такимъ образомъ, мы должны различать предложенія полныя, законченныя въ рѣчи и предложенія неполныя, незаконченныя въ рѣчи. Предложеніе "птица летитъ" представляетъ такое сужденіе, оба члена котораго даны въ представленіяхъ словъ, даны въ знакахъ языка, значитъ, это предложеніе полное, законченное въ рѣчи; если же при взглядѣ на летящую птицу у насъ вырвалось слово "летитъ", то такое предложеніе будетъ неполное, незаконченное въ рѣчи, потому что здѣсь выраженъ въ представленіи слова только одинъ членъ сужденія, только часть мысли, между тѣмъ какъ сужденіе, образуемое при этомъ въ процессѣ мышленія, будетъ полное, такъ какъ другой членъ сужденія - "птица" здѣсь данъ не въ представленіи звукового комплекса "птица", а въ непосредственномъ представленіи самого предмета мысли, обозначаемаго словомъ "птица". Равнымъ образомъ, если мы скажемъ "птица", то это будетъ неполное сужденіе, незаконченное въ рѣчи, такъ какъ другой членъ сужденія здѣсь не данъ въ представленіи слова, и таковымъ является представленіе летящаго предмета, подлежащее даннаго сужденія.

Такимъ образомъ, сужденія, выраженныя въ рѣчи, мы называемъ п р е д л о ж е н і я м и, и этотъ терминъ отличаетъ сужденія такого рода отъ другихъ сужденій, въ составъ которыхъ совсѣмъ не входятъ представленія словъ. Съ психологической точки зрѣнія и законченное, и незаконченное предложеніе являются одинаково сужденіями, но по отношенію къ самой рѣчи, конечно, большое различіе между рѣчью, выражающей законченную мысль, и рѣчью, выражающею лишь часть мысли, другая часть которой остается не выраженной въ языкѣ. Изъ приведенныхъ примѣровъ Вы видите, что предложеніе незаконченное можетъ представлять или подлежащее, или сказуемое сужденія. Итакъ, сужденіе всегда двухчленное, предложеніе же можетъ быть и одночленнымъ, какъ скоро другой членъ сужденія не данъ въ представленіи слова, и лишь недоразумѣніемъ, объясняющимся смѣшеніемъ сужденія съ предложеніемъ, является мнѣніе, высказывавшееся нѣкоторыми учеными, будто сужденіе можетъ быть одночленнымъ.

Мы видѣли уже, что сужденія бываютъ положительныя и отрицательныя, слѣдовательно, и предложенія по отношенію къ процессу мышленія, въ которомъ они возникаютъ, бываютъ положительныя (иначе утвердительныя) и отрицательныя.

Съ другой стороны, рѣчь, какъ выраженіе нашей мы-

сли, вызывается различными побужденіями, заставляющими обнаруживать въ произносимыхъ нами знакахъ языка нашу мысль, поэтому и въ предложеніяхъ существуютъ извѣстныя различія по отношенію къ процессу рѣчи, по отношенію къ тѣмъ мотивамъ, которыми вызывается наша рѣчь. Во-первыхъ, мы стремимся сообщить собесѣднику извѣстную мысль, съ намѣреніемъ вызвать у него соотвѣтственную мысль; такая рѣчь называется *повѣствовательной*, а предложенія, входящія въ ея составъ, называются повѣствовательными. Во-вторыхъ, мы должны отличать рѣчь *побудительную*, являющуюся тогда, когда мы желаемъ повліять на волю другого лица; она бываетъ двухъ видовъ: 1) мы стремимся своею рѣчью заставить другое лицо исполнить то, что въ нашей мысли является желаемымъ или требуемымъ отъ другого лица; такая рѣчь называется *собственно повелительной;* 2) мы стараемся своей рѣчью заставить собесѣдника обнаружить въ рѣчи мысль о томъ, что намъ представляется неизвѣстнымъ, что вызываетъ въ насъ сомнѣніе, это рѣчь - *вопросительная.* Въ-третьихъ, наша рѣчь можетъ имѣть мотивомъ намѣреніе обнаружить разныя другія чувствованія, соединяющіяся у насъ съ данною мыслью; такая рѣчь называется *восклицательной* въ тѣсномъ значеніи этого термина, а въ болѣе широкомъ значеніи термина восклицательной рѣчью называютъ также и побудительную

рѣчь.

Итакъ, напр., предложеніе: "птица летитъ" является предложеніемъ повѣствовательнымъ; предложеніе:"принеси стаканъ воды" является - повелительнымъ; предложеніе: "идетъ ли снѣгъ?" является - вопросительнымъ; наконецъ, предложеніе: "ты - молодецъ!" - является предложеніемъ восклицательнымъ въ тѣсномъ смыслѣ этого термина.

Такимъ образомъ Вы видите, что рѣчь, какъ выраженіе нашихъ мыслей, можетъ заключать въ себѣ и выраженіе нашихъ чувствованій. Чувствованія наши выражаются не только въ рѣчи побудительной (обоихъ видовъ) и восклицательной, но также и въ рѣчи повѣствовательной при помощи знаковъ языка. Наша рѣчь, какъ выраженье нашихъ чувствованій, можетъ заключать въ себѣ и такіе знаки языка, которые не входятъ въ составъ предложенія, т.е. не являются знаками предметовъ мысли. Это, какъ мы уже видѣли, слова-междометія и слова-воззванія. Слова-воззванія представляютъ собою такое видоизмѣненіе въ рѣчи посредствомъ знака рѣчи извѣстныхъ словъ, являющихся знаками предметовъ мысли, при которомъ эти слова выражаютъ желаніе лица говорящаго обратить вниманіе на себя, на свою рѣчь. Какъ междометія, такъ и слова-воззванія являются знаками для выраженія нашихъ чувствъ, и по этому самому стоятъ внѣ

предложенія, какъ выраженья нашихъ мыслей; напримѣръ, въ предложеніи: "ай! мнѣ больно!", "Петя, принеси стаканъ воды!" слова "ай" и "Петя" стоятъ внѣ предложенія.

Рѣчь, обращенная къ другому лицу, является рѣчью намѣренной, намѣреннымъ обнаруженіемъ нашихъ мыслей и чувствованій, совершающееся по нашей волѣ. Бываютъ, однако, какъ мы уже видѣли раньше, и такіе случаи, когда движенія органовъ рѣчи, сопровождающія наши представленія, помимо нашей воли получаютъ такую силу, которая вполнѣ достаточна для образованія нормальныхъ звуковъ рѣчи. Тогда получается рѣчь непроизвольная, такъ-называемое "мышленіе вслухъ". Съ другой стороны, наше мышленіе, совершающееся въ представленіяхъ словъ, мы можемъ назвать "умственною или внутреннею рѣчью".

СЛОВА ЯЗЫКА.

Знаки языка, какъ мы видѣли, распадаются на двѣ категоріи: 1) тѣ знаки, которые являются знаками предметовъ мысли, называются словами въ тѣсномъ значеніи термина, 2) тѣ знаки, которые выражаютъ наши чувства и не составляютъ частей предложенія; это - междометія (напр., ахъ, эй, ой).

Слова языка, за исключеніемъ лишь весьма немногихъ, вступаютъ между собою въ сочетанія въ предложеніяхъ. Значитъ, мы должны отличать слова отдѣльныя, взятыя сами по себѣ, и слова въ ихъ сочетаніи между собою въ мышленіи и въ рѣчи. Сочетаніе одного слова съ другимъ въ предложеніи образуетъ словосочетаніе. Въ словосочетаніяхъ мы должны различать два рода словосочетаній: законченныя и незаконченныя словосочетанія. Незаконченныя словосочетанія представляютъ часть другого, законченнаго словосочетанія. Напримѣръ, слова: "Пушкинъ" "поэтъ" являются отдѣльными словами, а какъ скоро тѣ же слова "Пушкинъ - поэтъ" даются въ рѣчи вслѣдствіе сочетанія въ мышленіи одного слова (Пушкинъ) съ другимъ (поэтъ), какъ съ частью въ предложеніи, они являются уже словосочетаніемъ, въ данномъ случаѣ словосочетаніемъ законченнымъ. Словосочетаніе, напр., "хорошая погода" можетъ быть словосочетаніемъ незаконченнымъ, какъ скоро оно составляетъ часть законченнаго словосочетанія: "будетъ хорошая погода", но то же словосочетаніе "хорошая погода" можетъ быть и законченнымъ словосочетаніемъ, какъ скоро оно является само по себѣ.

ОТДѢЛЬНЫЯ СЛОВА ЯЗЫКА.

Сначала мы остановимся на отдѣльныхъ словахъ язы-

ка, словахъ взятыхъ самими по себѣ безъ отношенія къ словосочетаніямъ. Здѣсь прежде всего мы должны опредѣлить, что́ такое отдѣльное слово въ отличіе его отъ словосочетанія.

Всякій звукъ рѣчи, имѣющій въ языкѣ значеніе отдѣльное отъ другихъ звуковъ рѣчи и ихъ сочетаній есть слово: напр., въ русскомъ языкѣ словами будутъ такіе отдѣльные звуки рѣчи, какъ "а", "и", "у", такъ какъ они имѣютъ значеніе отдѣльно отъ другихъ звуковъ рѣчи. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ въ языкѣ словомъ является не отдѣльный звукъ рѣчи, а комплексъ звуковъ рѣчи, и въ такомъ случаѣ словомъ будетъ тотъ комплексъ звуковъ рѣчи, который имѣетъ значеніе отдѣльно отъ другихъ звуковъ рѣчи и ихъ комплексовъ и при этомъ не можетъ быть разложенъ на части безъ утраты или безъ измѣненія значенія хотя бы той или другой части даннаго комплекса. Напримѣръ, въ русскомъ языкѣ комплексъ звуковъ "ложь" будетъ словомъ, такъ какъ этотъ комплексъ звуковъ имѣетъ значеніе отдѣльно отъ другихъ звуковъ и ихъ комплексовъ и при этомъ не можетъ быть разложенъ на части безъ утраты или измѣненія значенія, хотя бы той или другой части. Далѣе, словомъ будетъ, напр., и комплексъ звуковъ "неправда" на основаніи того же признака. Вы замѣчаете, однако, между двумя этими словами различіе. Слово "ложь" есть слово п р о с т о е,

не разлагающееся на другія слова, а слово "неправда" (въ значеніи "ложь") есть слово н е п р о с т о е, такъ какъ разлагается на два слова съ утратою, понятно, своего значенія.

Слова "ложь" и "неправда" (въ значеніи "ложь")имѣютъ одно и то же значеніе, но тѣмъ не менѣе они являются различными словами, такъ какъ словами языка являются звуки рѣчи въ ихъ значеніяхъ. Слѣдовательно, различія въ звуковой сторонѣ словъ образуютъ различія въ самихъ словахъ, хотя бы ихъ значенія и совпадали. Только такое различіе въ звуковой сторонѣ словъ принадлежитъ имъ не какъ различнымъ словамъ, которое является 1) частичнымъ, т.е. касается только части звукового состава словъ и 2) сознается говорящими, какъ видоизмѣненіе въ части звуковъ одного и того же слова, не сопровождающееся измѣненіемъ значенія. Такого рода частичныя различія въ звуковой сторонѣ слова создаются вслѣдствіе того, что слова, вступая въ рѣчи въ сочетаніе другъ съ другомъ въ словосочетаніяхъ, подвергаются при этомъ вліянію одного слова на другое по отношенію къ звуковой сторонѣ. Напримѣръ, въ русскомъ языкѣ частичное различіе въ звукахъ слова "тобою" и "тобой" и слова "подъ" и "подо" является такимъ различіемъ въ звуковой сторонѣ слова, которое, согласно съ вышеизложеннымъ, не создаетъ различія самихъ словъ.

Съ другой стороны, различіе значеній при тождествѣ звуковой стороны словъ образуетъ различіе въ самихъ словахъ, такъ какъ вѣдь словами являются звуки рѣчи не сами по себѣ, а въ ихъ значеніяхъ. Срв., напр., въ русскомъ языкѣ такія пары словъ, какъ "мой" (meus) и "мой" (lava), "ложь" и "ложъ" (род.мн. отъ ложа); въ послѣднемъ случаѣ мы въ письмѣ различаемъ то, чего не различаетъ языкъ: согласная ж одинаково тверда, какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаѣ; срв. далѣе "бѣсъ" и "безъ" (опять наше правописаніе различаетъ здѣсь то, чего въ языкѣ не различается). Только такое различіе въ значеніи при тождествѣ звукового состава не создаетъ различія въ словахъ, которое сознается говорящими такъ, что при этомъ одно значеніе ясно сознается, какъ видоизмѣненіе другого значенія или какъ переносное по отношенію къ другому значенію. Напримѣръ, "городъ вообще" и "городъ" (въ значеніи даннаго города въ языкѣ его жителей) является однимъ словомъ, такъ какъ второе значеніе сознается говорящими, какъ ограниченіе перваго; "языкъ" (въ значеніи "языкъ словъ") и "языкъ" (какъ совокупность какихъ бы то ни было знаковъ для выраженія мысли) опять одно и то же слово, такъ какъ мы ясно сознаемъ второе значеніе, какъ расширеніе, обобщеніе перваго, перенесеніе съ одного предмета мысли на другой, съ нимъ сходный.

Такой звукъ рѣчи или комплексъ звуковъ рѣчи, который въ данную эпоху въ жизни языка является со значеніями, уже не связывающимися между собою въ сознаніи говорящихъ, можетъ быть опредѣленъ нами, какъ *одно* слово съ различными значеніями, если только эти значенія, которыя въ данную эпоху не связываются между собою, въ историческомъ прошломъ оказываются видоизмѣненіями одного и того же значенія. Такое опредѣленіе даннаго факта по отношенію къ прошлому языка отнюдь не должно быть смѣшиваемо съ опредѣленіемъ его же по отношенію къ данной эпохѣ въ жизни языка.

Въ словахъ, какъ знакахъ предметовъ мысли, мы должны различать двѣ категоріи: отдѣльныя полныя слова и частицы или неполныя слова. Отдѣльными полными словами мы называемъ знаки для отдѣльныхъ, самостоятельныхъ предметовъ мысли: напр., "домъ", "ходить"; слова неполныя, частицы, - это такія слова, которыя обозначаютъ не самостоятельные предметы мысли, а обозначаютъ нѣчто въ другомъ, самостоятельномъ предметѣ мысли, напр., предлоги - "у стола", здѣсь "у" обозначаетъ нѣчто въ другомъ предметѣ мысли, вноситъ видоизмѣненіе значенія въ другой, самостоятельный предметъ мысли. Съ другой стороны, есть такія частицы, которыя видоизмѣняютъ нѣчто не въ значеніяхъ отдѣльныхъ словъ, а въ сочетаніяхъ словъ въ словосочетаніяхъ, на-

примѣръ, союзы - "и" обозначаетъ нѣчто въ сочетаніяхъ словъ въ словосочетаніяхъ: напр., "столъ и стулъ".

П О Л Н Ы Я С Л О В А.

Отдѣльныя полныя слова являются знаками для предметовъ мысли и по отношенію къ предложенію образуютъ или части предложеній, или цѣлыя предложенія: напримѣръ, въ предложеніи "я иду" слова "я" и "иду" являются частями предложенія "я иду", въ латинскомъ языкѣ "eo" само является цѣлымъ предложеніемъ; "иди" въ русскомъ языкѣ является цѣлымъ предложеніемъ. И такія слова, какъ "морозитъ", "свѣтаетъ", латинское ningit, составляютъ цѣлыя предложенія, какъ мы то увидимъ впослѣдствіи. О такого рода словахъ, являющихся цѣлыми предложеніями, о с л о в а х ъ - п р е д л о ж е н і я х ъ я буду говорить послѣ того, какъ мы познакомимся съ образованіемъ формъ въ языкѣ, такъ какъ то обстоятельство, что вышеприведенныя слова являются цѣлыми предложеніями, предполагаетъ въ нихъ присутствіе извѣстныхъ формъ. Поэтому я буду имѣть пока въ виду только такія полныя слова, которыя являются знаками отдѣльныхъ предметовъ мысли и которыя составляютъ только части предложеній, части законченныхъ словосочетаній.

Отдѣльными предметами мысли, обозначаемыми словами, являются или признаки, существующіе въ другихъ предметахъ мысли, или вещи, предметы, какъ вмѣстилища извѣстныхъ признаковъ. Признаки предметовъ мысли могутъ быть или такими признаками, которые существуютъ независимо отъ данной мысли, данной рѣчи, или такими признаками, которые являются именно при существованіи данной мысли, данной рѣчи, т.е. такими признаками, которые являются отношеніями предметовъ мысли къ данной мысли, къ данной рѣчи. Слова, обозначающія признаки перваго рода и предметы, вещи, какъ вмѣстилища данныхъ признаковъ, могутъ быть названы "с л о в а м и - н а з в а н і я м и", а слова, обозначающія признаки второго рода, мы назовемъ "словами-мѣстоименіями". Напримѣръ, русскія слова: "домъ", "бѣлый","ходить" будутъ словами-названіями; а русскія слова:"ты", "онъ", "этотъ", "который" - словами-мѣстоименіями.

Слова-мѣстоименія обозначаютъ предметы мысли въ ихъ отношеніи къ данной рѣчи, къ данной мысли: напр., "я", "ты", "онъ" ("я" обозначаетъ 1-ое лицо рѣчи,"ты" - 2-ое лицо рѣчи, т.е. лицо, къ которому обращена рѣчь, "онъ" - 3-ье лицо, т.е. не лицо рѣчи), или же самое отношеніе предметовъ мысли къ данной рѣчи: напр.,"этотъ", "тотъ", "который" въ соединеніи съ другимъ словомъ, обозначающимъ какой-либо предметъ.

Въ словахъ-названіяхъ различаются два класса: 1) слова-названія обозначаютъ предметы, какъ вмѣстилища признаковъ: напр., слово "домъ"; 2) обозначаютъ самые признаки предметовъ: а) безъ отношенія къ измѣненію ихъ во времени: напр., "бѣлый", "хорошій", и б) признаки въ ихъ измѣненіяхъ во времени: напр.,"ходить". Слова-названія послѣдняго вида, т.е. обозначающія признаки предметовъ въ ихъ измѣненіи во времени, называются глагольными словами. Этотъ терминъ"глагольныя слова" въ этомъ его значеніи мы можемъ примѣнять и къ тѣмъ словамъ-названіямъ, которыя обозначаютъ предметы, какъ вмѣстилища такихъ признаковъ. Такимъ образомъ мы получаемъ слѣдующее дѣленіе: слова--названія: A - не глагольныя (a - обозначающія предметы, какъ вмѣстилища признаковъ /"домъ", "городъ"/ и b - обозначающія сами признаки предметовъ /"бѣлый", "хорошій/); B - глагольныя слова-названія (a - обозначающія предметы, какъ вмѣстилища признаковъ, обозначаемыхъ въ ихъ видоизмѣненіи во времени /"ноша", "хожденіе"/, и b - обозначающія признаки въ ихъ видоизмѣненіи во времени /"носить", "ходить"/). Къ признакамъ неглагольнымъ принадлежатъ: качество, количество, различныя отношенія (принадлежность и т.п.). Къ глагольнымъ признакамъ принадлежатъ: дѣйствія и состоянія; дѣйствіе - это такой признакъ, который произво-

дится дѣятельностью субъекта этого признака, а состояніе - это такой признакъ, который уже данъ предшествующею дѣятельностью самого ли субъекта, или другого лица (напр., срв., съ одной стороны,"носить", "водить", а съ другой - "лежать", "стоять").

Слова-названія могутъ быть 1) общими, нарицательными именами, т.е. такими именами, которыми обозначаются не только предметы мысли, какъ вмѣстилища признаковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ соозначаются и сами эти признаки ("домъ", "столъ", "ноша"),и 2) собственными именами, обозначающими данные индивидуальные предметы безъ отношенія къ ихъ признакамъ ("Москва","Петръ"). Съ именами собственными не слѣдуетъ смѣшивать имена единичныя, т.е. такія слова-названія п е р в а г о р о д а, которыми обозначаются единичные предметы, предметы извѣстные намъ какъ единичные ("солнце","небо").

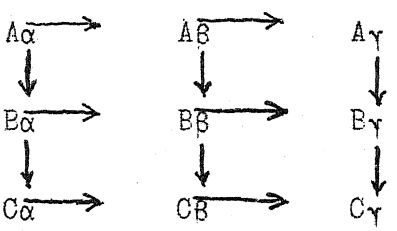
Въ словахъ, значитъ, по самому значенію, мы должны различать извѣстные классы, которые не должны быть смѣшиваемы съ классами словъ, которые создаются различіями по отношенію къ образованію формъ.

ФОРМЫ ОТДѢЛЬНЫХЪ ПОЛНЫХЪ СЛОВЪ.

Формою отдѣльныхъ словъ въ собственномъ, прямомъ

значеніи этого термина называется способность отдѣльныхъ словъ выдѣлять для сознанія говорящихъ формальную и основную принадлежность слова. Формальною принадлежностью является та принадлежность звуковой стороны слова, которою видоизмѣняется значеніе другой, основной принадлежности даннаго слова, какъ существующей въ другомъ словѣ или въ другихъ словахъ съ другою или другими формальными принадлежностями. Значитъ, для того, чтобы въ сознаніи говорящихъ выдѣлялись основная и формальная принадлежность извѣстнаго слова, необходимо, съ одной стороны, то, чтобы данная основная принадлежность въ другомъ или другихъ словахъ существовала съ другою или другими формальными принадлежностями, а, съ другой стороны, необходимо, чтобы данная формальная принадлежность выдѣлялась въ другихъ словахъ съ другими основными принадлежностями, при томъ съ тѣмъ же самымъ значеніемъ. Напримѣръ, если въ русскомъ языкѣ мы возьмемъ рядъ слѣдующихъ словъ: идешь, идетъ, идемъ; несешь, несетъ, несемъ; ведешь, ведетъ, ведемъ и т.п., то замѣтимъ, что въ нашемъ сознаніи въ этихъ словахъ выдѣляются основныя части: въ 1-ой группѣ "иде", во 2-ой группѣ - "несе", въ 3-ьей группѣ - "веде", и формальныя принадлежности "-шь", "-тъ", "-мъ". Именно, мы сознаемъ, что въ "идешь", "идетъ", "идемъ" есть основная принадлежность "иде",

которая видоизмѣняется въ значеніи формальными принадлежностями "-шь", "-тъ", "-мъ", повторяющимися съ тѣмъ же видоизмѣненіемъ значенія основной части и въ рядѣ другихъ словъ. Итакъ, данный процессъ есть процессъ психической ассоціаціи, который схематически можетъ быть изображенъ слѣдующимъ образомъ: пусть A, B, C и т.д. будутъ основныя принадлежности, α, β, γ и т.д. - формальныя принадлежности; мы имѣемъ:



Формальная принадлежность можетъ быть не только положительною, но и отрицательною, т.е. само отсутствіе формальной принадлежности сознается нами какъ формальная принадлежность при томъ условіи, что въ другихъ словахъ та же основная часть является съ другими формальными принадлежностями и что данное отсутствіе формальной принадлежности повторяется и въ другихъ случаяхъ, существуетъ и въ другихъ словахъ, однородныхъ съ первымъ по отношенію къ тому, что та же основная часть соединяется и въ нихъ съ другими формальными принадлежностями, тождественными съ формальными принадлежностями, соотносительными съ отсутствіемъ таковой въ первомъ случаѣ. Напримѣръ, въ русскомъ язы-

кѣ въ рядѣ словъ: столъ, стола, столу; домъ, дома, дому; лѣсъ, лѣса, лѣсу и т.п. мы находимъ въ словахъ "столъ", "домъ", "лѣсъ" отсутствіе формальной принадлежности (ъ у насъ буква, не обозначающая какого бы то ни было звука, простой графическій знакъ), которое сознается нами, какъ извѣстная положительная формальная принадлежность по соотношенію съ формальными принадлежностями а и у въ "стола", "столу";"дома", "дому"; "лѣса", "лѣсу".

Надо замѣтить, что слова могутъ заключать въ себѣ и не одну формальную принадлежность, если основная принадлежность можетъ быть въ свою очередь разложена на основную принадлежность и на формальную принадлежность. Возьмемъ, напр., такія русскія слова, какъ бѣленькій, красненькій, синенькій; бѣленькаго, красненькаго, синенькаго и т.п. Прежде всего здѣсь выдѣляются основныя принадлежности бѣленьк-, красненьк-, синеньк- и формальныя принадлежности -ій, -аго. Если мы далѣе сопоставимъ эти слова со словами бѣлый, красный, синій, бѣлаго, краснаго, синяго (т.е. син аго), то найдемъ, что найденныя нами основныя принадлежности - "бѣленьк", "красненьк", "синеньк" разлагаются въ свою очередь на основныя принадлежности "бѣл", "красн", "син" и формальную принадлежность "еньк".

Надо замѣтить, что основная принадлежность называется иначе основою; основа, разлагающаяся на другую основу + формальная принадлежность, называется производной основой по отношенію къ такимъ основамъ, которыя въ нашемъ сознаніи уже не разлагаются на основу + формальная принадлежность.

Мы видѣли, что формальныя принадлежности извѣстнымъ образомъ видоизмѣняютъ значенія различныхъ основныхъ принадлежностей, при чемъ по отношенію къ каждой данной формальной принадлежности различныя основныя принадлежности, съ которыми она существуетъ, являются однородными, потому что значеніе ихъ измѣняется однороднымъ образомъ. Слѣдовательно, присутствіе въ языкѣ формъ отдѣльныхъ полныхъ словъ создаетъ формальные классы словъ, основанные на различіи по отношенію къ формамъ. Такимъ образомъ, при посредствѣ различій въ формахъ полныхъ словъ обозначаются въ данныхъ предметахъ мысли различія, общія этимъ предметамъ, какъ принадлежащимъ къ одному классу въ извѣстномъ отношеніи. При этомъ и сами слова, имѣющія формы, обозначаются при посредствѣ этихъ формъ по отношенію къ различіямъ въ извѣстныхъ классахъ словъ, какъ знаковъ предметовъ мысли.

Терминъ "форма" кромѣ своего прямого значенія имѣетъ и значеніе переносное, а именно формами от-

дѣльныхъ полныхъ словъ называются и сами слова, имѣющія данную форму. Такъ, напр., "иду", "несу", "веду", данныя слова заключаютъ въ себѣ форму 1-го лица ед.ч. настоящаго времени и могутъ быть названы просто формами 1-го лица ед.ч. настоящаго времени, что́ обыкновенно и дѣлается.

Приступая къ изученію формъ въ языкахъ, лингвистъ не долженъ впасть въ заблужденіе, предполагая въ языкѣ, служащемъ предметомъ изслѣдованія тѣ формы, которыя извѣстны ему въ родномъ языкѣ. Различія между отдѣльными языками въ этомъ отношеніи могутъ касаться, какъ значенія формъ, такъ и самаго способа ихъ образованія. Одинъ изъ грѣховъ нашей школьной грамматики и заключается въ томъ, что она до сихъ поръ еще крѣпко держится тѣхъ рамокъ, въ которыя было втиснуто все разнообразіе формъ греческаго языка въ ту эпоху, когда не могло быть и рѣчи о научномъ анализѣ данныхъ фактовъ. Далѣе, необходимо отрѣшиться и отъ предразсудка, будто формы отдѣльныхъ полныхъ словъ составляютъ необходимое условіе для языка, принадлежащаго сколько-нибудь цивилизованному народу. Мы вскорѣ увидимъ, что есть языки, не имѣющіе никакихъ формъ отдѣльныхъ полныхъ словъ; изъ ихъ числа языкъ китайскій принадлежитъ народу съ очень древней и богатой культурой.

ОБРАЗОВАНІЕ ФОРМЪ ВЪ ОТДѢЛЬНЫХЪ ПОЛНЫХЪ СЛОВАХЪ.

Для того, чтобы существовали въ языкѣ формы, нужно, чтобы слова въ нашемъ сознаніи распадались на формальную и основную принадлежности. Наиболѣе обычнымъ, наиболѣе распространеннымъ въ языкахъ способомъ образованія формъ отдѣльныхъ полныхъ словъ является такое образованіе, при которомъ выдѣляющіяся въ нашемъ сознаніи основа и формальная принадлежность являются отдѣльными частями даннаго слова. Отдѣльными же частями слова въ формахъ словъ мы называемъ такіе звуки или комплексы звуковъ, которые имѣютъ значеніе въ формахъ словъ отдѣльно отъ другихъ звуковъ тѣхъ же словъ въ данной формѣ. Такое образованіе формъ отдѣльныхъ полныхъ словъ мы находимъ, напр., въ индоевропейскихъ языкахъ и, значитъ, между прочимъ и въ русскомъ языкѣ. Напр., въ русскомъ языкѣ въ нашихъ примѣрахъ (см. предш. отдѣлъ) идешь, несешь, ведешь, идетъ, несетъ, ведетъ и т.д. мы находимъ, что основныя и формальныя принадлежности являются отдѣльными частями слова въ данной формѣ (иде, несе, веде - основы; -ш´ /мы пишемъ шь/, -т /мы пишемъ -тъ/ - формальныя принадлежности). Равнымъ образомъ и въ сло-

вахъ бѣленькій, красненькій, синенькій мы выдѣляемъ аффиксъ ій и основы бѣленьк, красненьк, синеньк, какъ отдѣльныя части словъ въ данныхъ формахъ, при чемъ основы бѣленьк, красненьк, синеньк заключаютъ въ свою очередь въ себѣ основы бѣл, красн, син′ и формальную принадлежность еньк опять, какъ отдѣльныя части словъ въ данныхъ формахъ.

Формальная принадлежность, являющаяся отдѣльною частью слова въ данной формѣ, называется а ф ф и к с о мъ, а основная принадлежность соотвѣтственно называется о с н о в о ю, хотя этотъ терминъ имѣетъ и другое значеніе, именно такъ называется вообще неформальная, основная часть слова, въ ея отличіи отъ формальной.

По отношенію къ тому, помѣщаются ли аффиксы передъ основой, внутри ея или за основой, они называются: *префиксами, инфиксами и суффиксами.* Въ нашихъ, индоевропейскихъ, языкахъ наибольшее распространеніе имѣютъ именно суффиксы. Инфиксы въ индоевропейскихъ языкахъ вообще очень рѣдки. Въ индоевропейскомъ праязыкѣ они существовали, и такимъ инфиксомъ была, напр., носовая согласная, сохранившаяся въ латинскомъ языкѣ въ findo, срв. fidi, или въ scindo, срв. scidi, хотя эта носовая согласная въ латинскомъ языкѣ уже не была инфиксомъ, т.е. формальною частью слова. Инфиксы въ индоевропейскихъ языкахъ являются вообще лишь въ формахъ

словъ, образованныхъ суффиксами.

Префиксы въ индоевропейскихъ языкахъ рѣдки, а въ общемъ индоевропейскомъ праязыкѣ префиксовъ еще не было; появились они въ отдѣльныхъ индоевропейскихъ языкахъ: напр., греческій аугментъ въ ἔλειπον и т.п.; онъ является формальною принадлежностью: въ связи съ образованіемъ формъ лица при помощи суффиксовъ онъ образуетъ въ греческомъ языкѣ формы прошедшаго времени. Вообще въ индоевропейскихъ языкахъ префиксы являются лишь въ основахъ формъ, образуемыхъ суффиксами. Въ индоевропейскомъ праязыкѣ аугментъ представлялъ еще отдѣльное частичное слово.

Мы уже видѣли раньше, что формальная принадлежность можетъ быть не только положительной, но и отрицательной (см. предшествующій отдѣлъ). Значитъ, при образованіи формъ словъ при помощи аффиксовъ возможенъ и такой случай, когда отсутствіе всякаго аффикса образуетъ форму; это бываетъ, когда данныя слова, не имѣющія никакого аффикса, соотносительны съ другими словами, имѣющими ту же основу, но уже въ соединеніи съ извѣстными аффиксами; напр., въ русскомъ языкѣ слова столъ, домъ и т.п. въ ихъ соотношеніи съ словами стол-а, дом-а, стол-у, дом-у заключаютъ форму, образованную самымъ отсутствіемъ какого бы то ни было аффикса.

Всякая форма словъ, образуемая аффиксомъ, предполагаетъ, какъ мы видѣли, существованіе другой формы, въ которой та же основа является или съ другимъ аффиксомъ, или безъ всякаго аффикса (см. выше). Въ языкахъ, однако, возможны и такіе случаи, когда при извѣстномъ словѣ, имѣющемъ извѣстную форму, образованную посредствомъ аффикса и общую данному слову съ другими словами, не существуетъ другое слово съ тою же основою въ одной изъ тѣхъ формъ, какія предполагаются для даннаго случая по аналогіи другихъ однородныхъ случаевъ. Тогда мы имѣемъ слово н е д о с т а т о ч н о е по отношенію къ той или другой формѣ. Напр., въ русскомъ языкѣ слова "сани", "ножницы" и т.п. являются недостаточными по отношенію къ формѣ числа. Возможенъ при этомъ и такой случай, что вмѣсто ожидаемой нами формы отъ данной основы существуетъ та же форма отъ другой основы, съ тѣмъ же, однако, значеніемъ. Въ этомъ случаѣ получаются слова недостаточныя по отношенію къ образованію формъ о т ъ т о й ж е о с н о в ы, а по отношенію къ самымъ формамъ они уже не являются недостаточными, такъ какъ при этомъ различныя основы вступаютъ между собою въ такое соотношеніе, при которомъ каждая изъ нихъ замѣняетъ другую въ извѣстной формѣ слова. Срв. въ русскомъ языкѣ такіе случаи, какъ: я иду - я шелъ;

человѣкъ - люди и т.п.

Основа словъ въ данной формѣ получается, по отдѣленіи въ словѣ формальной принадлежности. Въ словахъ стола, столу мы видимъ формальную принадлежность, которую составляютъ аффиксы -а, -у, и основу стол. Въ словахъ столика, домика, столику, домику мы находимъ уже случай другого рода: по отдѣленіи аффиксовъ -а, -у мы получаемъ основы столик, домик, которыя въ свою очередь разлагаются на основы стол, дом + аффиксъ -ик. Итакъ, въ основахъ по ихъ образованію мы должны различать такія основы, которыя по отдѣленіи аффикса не разлагаются уже на другую основу + извѣстный аффиксъ, и такія основы, которыя по отдѣленіи аффикса вновь разлагаются на другую основу + аффиксъ. Основы 1-го типа называются основами непроизводными, а основы 2-го типа - основами производными. При этомъ такія непроизводныя основы, которыя по отдѣленіи аффикса не заключаютъ никакихъ формальныхъ принадлежностей, называются п е р в о о б р а з н ы м и или к о р н я м и словъ. Этотъ терминъ (корень слова) примѣняется не только къ современному состоянію языка, но и къ его прошлому, а потому, опредѣляя корни словъ, мы должны всегда строго разграничивать современное состояніе языка отъ его прошлаго, такъ какъ вѣдь то, что въ современномъ языкѣ является корнемъ слова, въ

его прошломъ оказывается иногда производною основою. Напримѣръ, въ современномъ намъ русскомъ языкѣ въ словахъ дѣло, дѣлать основа дѣл является непроизводной, не заключающей въ себѣ никакихъ формальныхъ принадлежностей, т.е. корнемъ слова. Если же мы обратимся къ прошлому русскаго языка, то узнаемъ, что этотъ корень дѣл нѣкогда былъ производною основою, образованною отъ корня дѣ при помощи аффикса л; срв. старославянское ДѢТИ и русскія дѣйствіе, дѣятельный.

Съ другой стороны, и термины "непроизводныя" и "производныя основы" примѣняются нами и по отношенію къ современному состоянію языка, и по отношенію къ его прошлому, такъ что и здѣсь нужно строго различать, по отношенію къ какой именно эпохѣ въ жизни даннаго языка данная основа является производной или непроизводной. Помимо этого нужно имѣть въ виду и то обстоятельство, что съ теченіемъ времени въ языкѣ вслѣдствіе измѣненій звукового вида словъ измѣняется и взаимное соотношеніе между основою и аффиксомъ. Напримѣръ, въ современномъ русскомъ языкѣ въ словѣ раб-а (род.ед.) основою является звуковой комплексъ раб, аффиксомъ а, между тѣмъ какъ въ отдаленномъ прошломъ (еще въ индоевропейскомъ праязыкѣ) основа здѣсь оканчивалась на гласную a^{o}, и въ нашемъ русскомъ а заключается не только окончаніе старой основы, но и самъ суффиксъ. Срв.,

напр., греческое ἵππου, непосредственно изъ ἵπποο.

Поэтому, при формальномъ анализѣ словъ мы тщательно должны избѣгать ошибокъ, происходящихъ отъ указанныхъ причинъ, которыми переполнены наши школьныя грамматики.

Разсмотримъ другой случай образованія формъ отдѣльныхъ полныхъ словъ, именно случай, когда формальная принадлежность не является отдѣльной частью производной основы. Формальною принадлежностью основы можетъ являться, во-первыхъ, повтореніе основы полное или неполное, во-вторыхъ - такое видоизмѣненіе части звуковой стороны основы, при которомъ не выдѣляется въ основѣ основа и аффиксъ. Повтореніе основы особенно развито въ малайско-полинезійскихъ языкахъ; является оно, какъ извѣстная формальная принадлежность, и въ индоевропейскихъ языкахъ, напр., въ греческомъ языкѣ: въ λέλοιπα, τέτροφα, срв. λελοιπ, τετροφ съ λειπ- и τρεφ- въ λείπω и τρέφω. Повтореніе основы можетъ быть полное и неполное: въ λέλοιπα неполное повтореніе, и при томъ съ отличіемъ въ гласной отъ основы; латинское tutudi тоже представляетъ неполное повтореніе основы, но уже безъ такого отличія. Такое н е п о л н о е повтореніе основы называется удвоеніемъ основы или удвоеніемъ корня, если данная основа безъ этой формальной принадлежности является въ языкѣ первооб-

разною, т.-е. корнемъ.

Понятно, что какъ съ теченіемъ времени основами простыми для нашего сознанія могутъ становиться по происхожденію основы производныя, образуемыя присоединеніемъ къ простой основѣ извѣстныхъ аффиксовъ, такъ и основы съ формальнымъ повтореніемъ основы или ея части могутъ съ теченіемъ времени представляться для нашего сознанія простыми основами; напримѣръ, русское слово колоколъ, безъ сомнѣнія, представляетъ по происхожденію основу съ повтореніемъ, тогда какъ для нашего сознанія она представляется простой; да и въ общеславянскомъ языкѣ эта основа, являвшаяся, навѣрное, въ видѣ "колколъ", уже представлялась простой, такъ какъ основы кол не существовало здѣсь въ качествѣ первообразной основы.

Перехожу къ измѣненію части звукового состава основы съ формальной цѣлью, при которомъ не выдѣляется въ основѣ другая основа + аффиксъ. Такого рода измѣненіе части звукового вида основы, какъ формальная принадлежность основъ въ формахъ словъ, особенно развито въ языкахъ индоевропейскихъ и семитскихъ, хотя между этими языками и существуетъ крупное различіе въ этомъ отношеніи. Въ нашихъ языкахъ эта формальная принадлежность основъ въ формахъ словъ является толь-

ко въ такихъ формахъ, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ образуются и извѣстными аффиксами; напримѣръ, въ русскомъ языкѣ глаголы, какъ хаживать, нашивать, ходить, носить представляютъ производныя основы хажи-, наши-, ходи-, носи-, заключающія въ себѣ первообразныя основы съ такимъ видоизмѣненіемъ части звуковой стороны (различіемъ въ гласныхъ), которое вмѣстѣ съ извѣстными аффиксами составляетъ формальную принадлежность этихъ основъ, образуя извѣстныя формы производныхъ основъ (формы вида). Далѣе, напр., въ русскомъ языкѣ въ такихъ формахъ словъ, какъ сёла, вёдра, по отношенію къ формамъ село, ведро основы представляютъ извѣстное различіе въ гласныхъ, извѣстное видоизмѣненіе части звукового состава, которое вмѣстѣ съ различіемъ въ аффиксахъ является формальною принадлежностью этихъ основъ въ данныхъ формахъ. Въ греческомъ языкѣ въ образованіяхъ perfecti типа λέλοιπα, τέτροφα мы находимъ въ основахъ кромѣ удвоенія и различіе въ гласныхъ, какъ формальную принадлежность (срв. λείπω, τρέφω), но и здѣсь, какъ удвоеніе, такъ и видоизмѣненіе части звукового состава основы являются формальными принадлежностями основъ только въ сочетаніи съ различіемъ въ аффиксахъ (срв. λείπω и λέλοιπα). Срв., напр., и въ нѣмецкомъ языкѣ такія слова, какъ ich lese - ich las, ich nehme - ich

nahm. Различіе въ гласной основы здѣсь является формальною принадлежностью только въ связи съ извѣстнымъ различіемъ въ аффиксахъ. Правда, въ ich las, ich nahm никакого аффикса мы не находимъ, но, какъ я уже говорилъ раньше, само отсутствіе здѣсь аффикса по соотношенію съ ich lese, ich nehme имѣетъ формальное значеніе. Если мы возьмемъ такія нѣмецкія слова, какъ Mutter - Mütter, Tochter - Töchter, Bruder - Brüder, Vater - Väter и т.д., то можетъ показаться, будто они являются неподходящими подъ общее правило, что въ индоевропейскихъ языкахъ видоизмѣненіе части звукового состава основы имѣетъ формальное значеніе только въ соединеніи съ присутствіемъ извѣстныхъ аффиксовъ, такъ какъ здѣсь всю формальную принадлежность основъ составляетъ только различіе въ гласныхъ. Однако, это мнѣніе ошибочно, такъ какъ въ данныхъ случаяхъ нѣмецкій языкъ въ своемъ историческомъ развитіи утратилъ различіе въ аффиксахъ, полученное изъ индоевропейскаго праязыка и сохраняющееся въ другихъ образованіяхъ: сравн. Gast - Gäste, Hand - Hände, Mann - Männer и т.д.

Итакъ, въ индоевропейскихъ языкахъ видоизмѣненіе части звукового вида основы является формальною принадлежностью только въ тѣхъ формахъ словъ, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ образуются и аффиксами. Въ семитскихъ

языкахъ мы находимъ не то: здѣсь формальная принадлежность основъ, являющаяся видоизмѣненіемъ части звукового ихъ состава, образуетъ формы отдѣльныя отъ формъ, образуемыхъ аффиксами. Въ этихъ языкахъ гласные звуки основъ въ ихъ различіяхъ между собою сами по себѣ являются формальными принадлежностями основъ. Напр., въ арабскомъ языкѣ различіе между такими формами словъ, какъ qatala - онъ убилъ и qutila - онъ былъ убитъ (q обозначаетъ очень заднее k), образовано исключительно различіемъ въ гласной основы. Понятно отсюда, что, говоря объ основахъ первообразныхъ или корняхъ словъ въ семитскихъ языкахъ, мы можемъ понимать подъ корнями только согласные звуки данныхъ основъ, но эти корни не представляютъ собою отдѣльной части въ словахъ, такъ какъ различіе между формальными и неформальными принадлежностями принадлежитъ здѣсь не тѣмъ или другимъ звукамъ самимъ по себѣ, а только въ ихъ взаимномъ соотношеніи между собою.

Видоизмѣненіе части звуковой стороны основъ, какъ формальная ихъ принадлежность, можетъ быть называемо ф л е к с і е й о с н о в ъ, но при этомъ мы, понятно, не должны смѣшивать термина ф л е к с і я въ этомъ его употребленіи съ терминомъ ф л е к с ія въ обычномъ его значеніи въ нашихъ элементарныхъ грамматикахъ, гдѣ флексіей называютъ п а д е ж н ое

или л и ч н о е окончаніе. Соотвѣтственно съ различіемъ въ самомъ образованіи разсматриваемой формальной принадлежности, которое мы только что разсмотрѣли, мы должны различать 1) флексію основъ самихъ по себѣ, какая существуетъ въ семитскихъ языкахъ, и 2) флексію основъ въ формахъ, образуемыхъ аффиксами, какая является въ индоевропейскихъ языкахъ.

МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦІЯ ЯЗЫКОВЪ.

На основаніи сходства и различія языковъ по отношенію къ образованію формъ отдѣльныхъ полныхъ словъ основывается классификація языковъ, которая называется морфологической классификаціей, потому что морфологіей называется извѣстный отдѣлъ грамматики, который разсматриваетъ формы отдѣльныхъ полныхъ словъ. Морфологическую классификацію языковъ надо отличать отъ генеалогической классификаціи, которую мы уже разсматривали выше.

Въ морфологической классификаціи языковъ мы различаемъ нѣсколько классовъ:

1) АГГЛЮТИНАТИВНЫЕ языки; терминъ происходитъ отъ латинскаго слова gluten "клей", glutinare "склеивать"

Здѣсь формы отдѣльныхъ полныхъ словъ образуются только при посредствѣ аффиксовъ, при чемъ основа является какъ бы склеенной съ аффиксомъ, такъ какъ основа и аффиксъ остаются здѣсь по значенію отдѣльными частями слова. Если при этомъ въ качествѣ формальной принадлежности является видоизмѣненіе звуковой стороны основы, то оно здѣсь не составляетъ необходимаго условія для образованія формъ словъ. Слѣдовательно, флексія основы является и въ агглютинативныхъ языкахъ въ качествѣ формальной принадлежности словъ, но она не составляетъ необходимаго условія для образованія формъ словъ, притомъ, когда здѣсь является формальное измѣненіе части звукового состава основы, флексія основы, то она образуетъ формы отдѣльныя отъ тѣхъ, которыя образуются аффиксами.

Большинство семействъ языковъ, имѣющихъ формы отдѣльныхъ полныхъ словъ, принадлежитъ къ агглютинирующимъ языкамъ.

Для поясненія сказаннаго объ образованіи формъ отдѣльныхъ полныхъ словъ въ агглютинирующихъ языкахъ я приведу нѣсколько примѣровъ изъ турецкаго языка. Здѣсь основа ev - значитъ "домъ", суффиксъ род.ед. -den, суффиксъ, образующій форму множ.ч., lar (ler); итакъ, ev-den род.ед., ev-ler-den - род.множ.

2) ФЛЕКТИВНО-АГГЛЮТИНАТИВНЫЕ языки. Здѣсь формы от-

дѣльныхъ полныхъ словъ образуются и аффиксами, и флексіей основы. Отличіе этого класса языковъ отъ агглютинативныхъ состоитъ въ томъ, что флексія основы является необходимымъ условіемъ для образованія основы формы, а сходство заключается въ томъ, что отношеніе между основой и аффиксомъ здѣсь такое же, какъ и въ агглютинирующихъ языкахъ. Сюда принадлежатъ семитскіе языки. Обыкновенно семитскіе языки называются просто флективными, но, какъ мы уже видѣли, флексія основы въ этихъ языкахъ не тождественна съ флексіей основы въ индоевропейскихъ языкахъ, которые также называются флективными. Въ виду этого необходимо выдѣлить семитскіе языки въ особый классъ въ морфологической классификаціи языковъ. Терминъ "флективно-агглютинативные языки", примѣняемый къ этимъ языкамъ Ф.Ѳ.Фортунатовымъ, является вполнѣ удовлетворительнымъ (см. выше).

3) Третій классъ въ морфологической классификаціи составляютъ индоевропейскіе языки, языки чисто ФЛЕКТИВНЫЕ. Здѣсь флексія основъ является въ тѣхъ самыхъ формахъ, которыя образуются аффиксами, вслѣдствіе чего основа и аффиксъ представляютъ здѣсь такую связь между собою по значенію, какой они не имѣютъ въ агглютинирующихъ и флективно-агглютинирующихъ языкахъ. Напримѣръ, въ греческомъ языкѣ форма перфекта образуется флексіей основы въ связи съ извѣстными аффиксат

ми (срв. λέλοιπα – λείπω). Такимъ образомъ, въ флективныхъ языкахъ является и флексія основы, и аффиксы, но отношеніе между ними иное, чѣмъ въ языкахъ флективно-агглютинативныхъ (семитскихъ).

4) Наконецъ, четвертый классъ составляютъ языки, не имѣющіе никакихъ формъ отдѣльныхъ полныхъ словъ, такъ-называемые КОРНЕВЫЕ языки. Они называются корневыми, потому что корнямъ другихъ языковъ въ этихъ языкахъ соотвѣтствуютъ отдѣльныя слова, которыя могутъ быть простыми и непростыми (т.е. сложными). Здѣсь невозможны никакія формы отдѣльныхъ полныхъ словъ, но возможны за то формы сочетанія словъ въ словосочетаніяхъ. Къ корневымъ языкамъ принадлежитъ китайскій языкъ и нѣкоторые другіе языки юговосточной Азіи, о которыхъ я говорилъ въ генеалогической классификаціи языковъ.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ ФОРМАЛЬНЫХЪ ПРИНАДЛЕЖНОСТЕЙ СЛОВЪ.

Формальными принадлежностями отдѣльныхъ полныхъ словъ являются, какъ мы видѣли, аффиксы, флексія основы и повтореніе основы (полное и неполное).

Теперь мы должны разобраться въ вопросѣ о проис-

хожденіи названныхъ формальныхъ принадлежностей, причемъ мы остановимся прежде всего именно на вопросѣ о происхожденіи аффик[illegible].

Изученіе тѣхъ эпохъ въ жизни языковъ, которыя доступны для историческаго изученія, показываетъ намъ, что новые суффиксы и префиксы въ языкахъ, уже имѣющихъ формы, могутъ появляться, какъ изъ соединенія уже существующихъ аффиксовъ, такъ и изъ отдѣльныхъ словъ съ формальнымъ значеніемъ. Формальное значеніе отдѣльныхъ словъ развивается, понятно, изъ значенія неформальнаго, и этимъ терминомъ мы называемъ значеніе отдѣльнаго слова или формы отдѣльнаго слова въ томъ случаѣ, когда данное слово измѣняетъ извѣстнымъ образомъ значеніе другого слова, съ которымъ соединяется, такъ что изъ одного знака языка образуется другой знакъ языка. Приведу примѣры сначала для случаевъ 1-ой категоріи. Возьмемъ, напр., распространенный у насъ суффиксъ -чик-, служащій для образованія именъ уменьшительныхъ (голубчикъ, господинчикъ и т.п.); исторія этого суффикса предоставляется въ слѣдующемъ видѣ: суффиксъ -ик- съ тѣмъ же значеніемъ (срв. ножикъ, столикъ) является между прочимъ въ такихъ именахъ, какъ кончикъ, вѣнчикъ при конецъ, вѣнецъ, гдѣ ч является принадлежностью основы производной и по происхожденію принадлежитъ аффи-

ксу (конецъ изъ общеслав. коньць и далѣе конькъ, гдѣ -ьк было суффиксомъ, срв. искони; по фонетическимъ условіямъ к послѣ ь измѣнилось въ ц, а въ коньчикъ к передъ и еще раньше измѣнилось въ ч); отсюда и былъ отвлеченъ суффиксъ -чик-, какъ нѣчто цѣлое, такъ какъ слова конецъ, вѣнецъ разлагались для сознанія говорящихъ на основы кон, вѣн и суффиксъ ец, при чемъ уже не могло быть непосредственнаго представленія о томъ, что ец въ этомъ суффиксѣ тождественно по происхожденію съ ч (общеславянскій суффиксъ ьк измѣнился въ русскомъ языкѣ частью въ -ец-: -ц-, частью въ -ч- въ зависимости отъ различія въ фонетическихъ условіяхъ). Приведу теперь примѣръ появленія суффикса въ случаяхъ второй категоріи. Напримѣръ, во французскомъ языкѣ суффиксы для образованія формъ лица въ формѣ будущаго времени глаголовъ, новой, по происхожденію, во французскомъ языкѣ, -ai, -as, -a (j'aimerai, tu aimeras, il aimera) и т.д. произошли изъ отдѣльныхъ словъ ai, as, a (j'ai, tu as, il a), получившихъ формальное значеніе изъ неформальнаго (j'ai - я имѣю и т.д.) въ соединеніи съ формою инфинитива глагола (aimerai изъ aimer + ai "любить имѣю", aimeras изъ aimer + as "любить имѣешь" и т.д.). Въ греческомъ языкѣ префиксъ, такъ-называемый аугментъ, въ формѣ прошедшаго времени глаголовъ полученъ былъ изъ индоевропейскаго праязы-

ка не въ качествѣ префикса, а въ качествѣ слова съ извѣстнымъ формальнымъ значеніемъ (въ греч. ἔφερον префиксъ ε изъ индоевропейскаго частичнаго слова a^e, откуда древнеиндійскій префиксъ a, являвшееся въ формахъ прошедшаго времени).

Такіе случаи образованія аффиксовъ (именно суффиксовъ и префиксовъ) въ отдѣльныхъ языкахъ, какъ разсмотрѣнные нами выше, позволяютъ намъ пролить нѣкоторый свѣтъ и на вопросъ о первоначальномъ происхожденіи суффиксовъ и префиксовъ. Само собок разумѣется, что появленіе новыхъ аффиксовъ изъ соединенія отдѣльныхъ аффиксовъ можетъ имѣть мѣсто только тогда, когда аффиксы вообще уже существуютъ. Слѣдовательно, мы можемъ думать, что суффиксы и префиксы возникли изъ отдѣльныхъ словъ съ формальнымъ значеніемъ въ ту эпоху, когда въ данномъ языкѣ впервые стали появляться извѣстныя формальныя принадлежности. Какія же условія требуются для того, чтобы слово съ формальнымъ значеніемъ могло стать суффиксомъ, префиксомъ? Понятно, требуется, чтобы тѣ слова, съ которыми соединяются эти новые аффиксы, не оставались отдѣльными словами, но обращались бы въ основы, т.е. части словъ, имѣющія неформальное значеніе по отношенію къ аффиксамъ, а такое измѣненіе отдѣльныхъ словъ въ основы можетъ произойти лишь тогда, когда

соединенія этихъ словъ съ формальными словами вступаютъ въ соотношеніе между собою по значеніямъ, иначе формальныя слова не могутъ стать префиксами и суффиксами. Напр., если въ русскомъ языкѣ мы возьмемъ такое слово, какъ несчастье, то найдемъ, что здѣсь не имѣетъ формальное значеніе, является частичнымъ словомъ, видоизмѣняющимъ значеніе другого слова, но не является аффиксомъ, такъ какъ счастье въ данномъ случаѣ не есть основа, а другое слово. Равнымъ образомъ и русскія слова типа похожу, подѣлаю являются извѣстными непростыми словами, заключающими въ себѣ приставку. Въ приведенномъ же мною примѣрѣ изъ французскаго языка слова aimer ai, aimer as, aimer a вступили между собою въ такое соотношеніе по значенію, при которомъ первая часть стала основой новой формы, а формальныя слова ея аффиксами.

Итакъ, есть основаніе думать, что и въ индоевропейскомъ праязыкѣ суффиксы и префиксы образовались указаннымъ путемъ изъ словъ съ формальнымъ значеніемъ. Такъ какъ, однако, индоевропейскій праязыкъ мы открываемъ сравнительно-историческимъ изученіемъ его потомковъ лишь въ эпоху его распаденія, когда онъ уже имѣлъ длинную исторію за собою, то, понятно, мы не можемъ пока опредѣлить происхожденіе суффиксовъ и префиксовъ, существовавшихъ здѣсь въ эту эпоху, и

лишь по отношенію къ нѣкоторымъ отдѣльнымъ случаямъ мы можемъ предполагать связь по происхожденію извѣстнаго суффикса индоевропейскаго праязыка и отдѣльнаго слова. Основатель нашей науки Францъ Боппъ думалъ, что такую связь онъ можетъ указать для многихъ основообразовательныхъ, падежныхъ и личныхъ суффиксовъ, но дальнѣйшіе успѣхи лингвистики, подтвердивъ правильность общаго принципа, заставляютъ насъ относиться съ большою осторожностью къ каждому отдѣльному случаю. Напр., по отношенію къ суффиксу 1-го лица ед.ч. дѣйствительнаго залога, звучавшему какъ -mi въ индоевропейскомъ праязыкѣ и являвшемуся здѣсь въ формѣ настоящаго времени глаголовъ съ извѣстными основами, и по отношенію къ суффиксу, являвшемуся здѣсь въ формѣ прошедшаго времени глаголовъ съ извѣстными основами въ видѣ -m, мы можемъ думать, что они произошли изъ отдѣльнаго слова, въ которомъ при неформальномъ употребленіи обозначалось лицо говорящее или отношеніе къ лицу говорящему. Изъ индоевропейскаго -mi мы находимъ -μι въ греческомъ языкѣ (δίδωμι), въ старославянскомъ языкѣ -МЬ (ДАМЬ); изъ -m мы находимъ въ греческомъ языкѣ -ν (ἔφερον), съ измѣненіемъ конечнаго -m въ -n, латинское -m (eram) и т.д. Та индоевропейская мѣстоименная основа, съ которою родственны по происхожденію указанные суффиксы, являет-

ся въ греч. μέ, латинск. me, старослав. МА. Точно также общеиндоевропейскіе суффиксы 3-го лица ед.ч. дѣйствительнаго залога -ti (въ настоящемъ времени) и -t (въ прошедшемъ времени), откуда греч. τι въ ἐστί, δίδωτι, откуда аттич.-іонич. δίδωσι, старослав. -ТЬ (ѢСТЬ), можно думать, эти суффиксы возникли изъ того мѣстоименнаго слова, которое образовало затѣмъ въ соединеніи съ суффиксами основу указательнаго мѣстоименія, начинавшуюся съ звука t (срв. греч. τόν, старослав. ТЪ, ТО-ГО); что касается суффикса -t, то и въ греч. и старослав. языкѣ онъ долженъ былъ исчезнуть, такъ какъ t отпадало по фонетическимъ условіямъ и въ общегреческомъ, и въ балтійско-славянскомъ языкахъ (срв. греч. ἔφερε изъ *ἔφερετ, старославянск. НЕСЕ изъ *neset).

До сихъ поръ я говорилъ только о такихъ аффиксахъ, которые были или префиксами, или суффиксами; что же касается инфиксовъ, то исторія ихъ вообще еще мало разработана, и можно думать, что они возникли уже въ формахъ, образовывавшихся аффиксами, и возникали именно изъ другихъ аффиксовъ.

Перехожу теперь къ вопросу о происхожденіи флексіи основы. И по отношенію къ этому явленію наблюденія надъ эпохами въ жизни языковъ, доступными историче-

скому изученію, позволяютъ намъ сдѣлать нѣкоторыя заключенія. Именно, мы не имѣемъ права думать, будто бы видоизмѣненія части звукового состава основы создаются именно для образованія формъ; этого нѣтъ, и въ дѣйствительности такого рода видоизмѣненія части звукового состава основы являются тѣмъ же путемъ, какъ и всякія измѣненія звуковой стороны языка; въ нѣкоторыхъ случаяхъ эти измѣненія могутъ получаться изъ тѣхъ видоизмѣненій въ произнесеніи словъ, которыя являются знаками рѣчи (см. выше соотвѣтственн. отдѣлы). Лишь впослѣдствіи измѣненіе части звукового состава основы можетъ получить формальное значеніе, стать флексіей основы. Для этого требуется, чтобы въ словахъ, однородныхъ по части значенія, или по формѣ, образуемой аффиксами или формальнымъ повтореніемъ основъ (или словъ), представляющихъ общія имъ видоизмѣненія части звуковой стороны основъ (или словъ), эти общія звуковыя принадлежности связывались въ сознаніи говорящихъ съ однородностью такихъ словъ по части значенія или по существующей уже въ нихъ формѣ, образованной, напр., аффиксами. Такъ, напр., въ нѣмецкомъ языкѣ такъ-называемый Umlaut, явленіе чисто фонетическое, состоящее въ томъ, что гласныя a, o, u измѣнялись въ ä, ö, ü подъ вліяніемъ гласной i въ слѣдующемъ слогѣ, получилъ формаль-

ное значеніе въ разсмотрѣнной нами выше категоріи случаевъ, сталъ формальною принадлежностью формы мн. ч. именъ въ извѣстныхъ ея образованіяхъ. Именно, въ старыхъ основахъ на i получился по чисто фонетическимъ причинамъ Umlaut въ формѣ множ.ч., тогда какъ въ формѣ единственнаго числа сохранялись гласныя a, o, u. Вслѣдствіе этого въ такого рода случаяхъ(напр., въ тѣхъ словахъ, изъ которыхъ современныя Gast - - Gäste) различіе въ части звукового состава основы ассоціировалось съ различіемъ въ части значенія, такъ какъ въ образованіяхъ формы множ.ч. Umlaut ассоціировался съ однородностью этихъ образованій въ части значенія въ противоположность образованіямъ формы единственнаго числа. Съ теченіемъ времени поэтому Umlaut былъ распространенъ и на такія категоріи склоняемыхъ словъ, гдѣ его первоначально не могло быть, при чемъ въ живомъ народномъ языкѣ въ нѣкоторыхъ діалектахъ это явленіе проведено довольно послѣдовательно. Такимъ же образомъ и различіе въ гласной основъ praesentis и perfecti, существовавшее въ извѣстныхъ случаяхъ въ индоевропейскомъ праязыкѣ и сохранившееся, напр., въ греческомъ языкѣ въ такихъ образованіяхъ, какъ τέτροφα - τρέφω, λέλοιπα - λείπω, не имѣло первоначально формальнаго значенія и явилось чисто фонетическимъ путемъ.

Что касается повторенія основы полнаго и неполнаго, то оно, надо думать, возникло изъ того полнаго повторенія отдѣльныхъ словъ, которое имѣетъ формальное значеніе и о которомъ я скажу ниже; въ русскомъ языкѣ, напр., сюда принадлежатъ такіе случаи, какъ "большой-большой, еле-еле, чуть-чуть" и т.п. Первоначально повтореніе основы было полнымъ, и изъ него затѣмъ развилось и неполное повтореніе основы, которое мы называемъ удвоеніемъ въ тѣсномъ смыслѣ этого термина.

ЗНАЧЕНІЯ ФОРМЪ ОТДѢЛЬНЫХЪ ПОЛНЫХЪ СЛОВЪ.

По отношенію къ предметамъ мысли отдѣльныя полныя слова представляютъ собою, какъ мы видѣли, отдѣльные знаки этихъ предметовъ мысли, а по отношенію къ данной мысли, къ данному сужденію отдѣльныя полныя слова являются частями предложеній или въ извѣстныхъ, болѣе рѣдкихъ, случаяхъ цѣлыми предложеніями. Соотвѣтственно съ этимъ формы отдѣльныхъ полныхъ словъ по своему значенію распадаются на два класса: 1) формы словообразованія и 2) формы словоизмѣненія. Первыя принадлежатъ словамъ, какъ знакамъ отдѣльныхъ предметовъ мысли, слѣдовательно, обозначаютъ различія въ самихъ предметахъ мысли, обозначаемыхъ словами; вторыя принадле -

жатъ словамъ въ ихъ отношеніи къ предложенію, и обозначаютъ различія въ отношеніи предметовъ мысли, обозначаемыхъ данными словами, къ другимъ предметамъ мысли въ предложеніи.

Итакъ, формами словообразованія въ широкомъ смыслѣ этого термина (т.е. не только по отношенію къ простымъ, но и къ непростымъ словамъ) слова, имѣющія эти формы, обозначаются, какъ различные отдѣльные знаки предметовъ мысли, а формами словоизмѣненія самыя слова, имѣющія эти формы, обозначаются, какъ различныя части въ предложеніяхъ.

1) Первую категорію составляютъ формы словообразованія, обозначающія различія въ извѣстномъ, измѣняющемся признакѣ отдѣльныхъ предметовъ мысли, обозначаемыхъ этими словами въ ихъ словообразовательныхъ формахъ. Сюда принадлежатъ словообразовательныя формы, напр., въ слѣдующихъ русскихъ словахъ: бѣленькій - бѣлый, красненькій - красный; такого же рода словообразовательными формами являются и формы числа въ словахъ: напр., звѣрь - звѣри, столъ - столы и т.п.

2) Вторую категорію составляютъ словообразовательныя формы, обозначающія отдѣльные предметы мысли, какъ находящіеся въ извѣстномъ отношеніи къ другимъ предметамъ мысли, обозначаемымъ словами, имѣющими другую словообразовательную форму при тѣхъ же основахъ. Сюда

принадлежатъ въ русскомъ языкѣ такіе случаи, какъ: "писатель" по отношенію къ "писать", "читатель" по отношенію къ "читать"; "синька" по отношенію къ "синій" и т.п.

Форма словообразованія въ простыхъ словахъ можетъ быть или формою цѣлаго слова (напр., такого рода словообразовательную форму мы находимъ въ формѣ числа въ словахъ: звѣрь - звѣри, столъ - столы и т.п.), или формою основы въ формѣ цѣлаго слова (напр., такого рода словообразовательная форма является въ случаяхъ, какъ: красненькій - красный, бѣленькій - бѣлый). Такого рода словообразовательныя формы могутъ быть называемы формами основообразованія.

Перехожу теперь къ формамъ образованія сложныхъ словъ. Этими формами данные предметы мысли обозначаются въ ихъ образованіи изъ того или другого соединенія другихъ предметовъ мысли, обозначаемыхъ простыми словами. Напр., въ русскомъ языкѣ сложными словами "водовозъ", "пароходъ" данные предметы мысли формою образованія сложныхъ словъ обозначаются, какъ образующіеся изъ соединенія предметовъ мысли обозначаемыхъ словами, входящими въ составъ данныхъ сложеній. Въ формахъ образованія сложныхъ словъ мы должны различать: 1) формы словосложенія, обозначающія отношеніе предмета мысли, обозначаемаго первою частью сложнаго слова,

къ предмету мысли, обозначаемому второю частью сложнаго слова (таковы формы образованія сложныхъ словъ въ нашихъ словахъ "водовозъ", "пароходъ"); 2) формы образованія простыхъ словъ, какъ второй части сложныхъ словъ, т.е. такія формы образованія простыхъ словъ, которыя принадлежатъ имъ не какъ отдѣльнымъ словамъ, а какъ второй части сложенія (сравн., напр., такія формы простыхъ словъ во второй части сложеній, какія являются въ нашихъ "длиннорукій", "водовозъ", "пароходъ"; въ послѣднихъ двухъ примѣрахъ (водовозъ и пароходъ) мы находимъ слова "возъ" и "ходъ", но это не простыя слова "возъ" и "ходъ", а слова отъ тѣхъ же основъ съ формою, принадлежащею имъ какъ 2-ой части сложеній ("возъ" здѣсь "тотъ, кто везетъ", "ходъ" - "тотъ, кто идетъ").

Формы с л о в о и з м ѣ н е н і я или формы ф л е к с і и с л о в ъ (не смѣшивайте этого термина съ терминомъ *флексія основъ* и съ терминомъ *флексія* въ значеніи личнаго или падежнаго окончанія) распадаются по значенію на двѣ категоріи: 1) формы, обозначающія различія въ отношеніяхъ даннаго предмета мысли, какъ обозначающаго сказуемыя въ предложеніяхъ, къ предметамъ мысли, образующимъ подлежащія къ этимъ сказуемымъ; 2) формы, обозначающія различія въ извѣстныхъ уже отношеніяхъ даннаго предмета мысли къ другимъ предметамъ мы-

сли, обозначаемымъ въ данныхъ предложеніяхъ. Итакъ, формами словоизмѣненія перваго рода - слова, имѣющія эти формы, обозначаются, какъ сказуемыя предложеній, а формами словоизмѣненія второго рода слова, имѣющія эти формы, обозначаются, какъ второстепенныя части предложеній.

Въ формахъ словоизмѣненія перваго рода мы должны, въ свою очередь, различать: 1) ф о р м ы с а м о й с к а з у е м о с т и, обозначающія различія въ открываемомъ мыслью отношеніи даннаго предмета мысли, образующаго сказуемыя предложеній, къ другимъ предметамъ мысли, образующимъ подлежащія къ этимъ сказуемымъ, и 2) ф о р м ы, о б о з н а ч а ю щ і я и з в ѣ с т н о е у ж е о т н о ш е н і е даннаго предмета мысли, образующаго сказуемыя предложеній, къ другимъ предметамъ мысли, образующимъ подлежащія къ этимъ сказуемымъ. Въ индоевропейскихъ языкахъ формами сказуемости 1-го типа являются формы времени и наклоненія, а формами сказуемости 2-го типа являются формы лица въ глаголахъ. Напримѣръ, въ русскомъ языкѣ формою времени въ предложеніяхъ: "я пишу", "я напишу", обозначаются различія въ отношеніи предмета мысли, обозначаемаго глагольною основою, къ предмету мысли, являющемуся субъектомъ даннаго предложенія, притомъ въ отношеніи, открываемомъ мыслью, а вслѣдствіе этого сло-

ва "пишу", "напишу", заключающія въ себѣ форму времени, являются сказуемыми. Въ то же время эти слова заключаютъ въ себѣ и форму лица; сравн. "я пишу"-"ты пишешь"; "я напишу"-"ты напишешь"; Вы видите, что формы лица имѣютъ уже другое значеніе: въ извѣстномъ уже намъ, обозначенномъ формою времени, отношеніи даннаго сказуемаго къ субъекту посредствомъ этихъ формъ обозначаются извѣстныя различія (формою 1-го лица въ глаголѣ субъектъ обозначается, какъ 1-ое лицо рѣчи, формою 2-го лица въ глаголѣ онъ обозначается, какъ 2-ое лицо рѣчи, т.е. то лицо, къ которому рѣчь обращена).

Въ формахъ словоизмѣненія 2-го рода, т.е. въ формахъ словоизмѣненія, обозначающихъ слова, имѣющія эти формы, какъ второстепенныя части предложеній, мы должны различать: 1) формы, обозначающія различія въ самыхъ отношеніяхъ даннаго предмета мысли къ другимъ, отдѣльнымъ отъ него, предметамъ мысли, образующимъ части въ данныхъ предложеніяхъ, при чемъ эти отношенія являются уже извѣстными, уже данными, уже открытыми мыслью, и 2) формы, обозначающія извѣстное уже отношеніе даннаго предмета мысли, какъ несамостоятельнаго (т.е. какъ признака), къ различнаго рода самостоятельнымъ предметамъ мысли, образующимъ части въ данныхъ предложеніяхъ. Въ индоевропейскихъ языкахъ къ

первому типу формъ словоизмѣненія во второстепенныхъ частяхъ предложеній принадлежатъ формы склоненія существительныхъ, а ко второму типу формы словоизмѣненія въ родѣ прилагательныхъ. Сравн., напр., въ русск. языкѣ такіе случаи, какъ: "я назову друга", "я назову другу", съ такими случаями, какъ: "хорошій день", "хорошая погода".

ГРАММАТИЧЕСКІЕ КЛАССЫ СЛОВЪ.

Присутствіе въ языкѣ формъ отдѣльныхъ словъ образуетъ формальные классы словъ, которые иначе мы можемъ назвать грамматическими классами словъ, такъ какъ тотъ отдѣлъ науки о языкѣ, который изучаетъ формы, называется грамматикой въ тѣсномъ смыслѣ этого термина. Слова, имѣющія одну общую форму или формы соотносительныя по значенію, образуютъ, слѣдовательно, въ этомъ отношеніи одинъ общій классъ. Понятно, что грамматическіе классы словъ могутъ быть болѣе общими и менѣе общими, входящими въ составъ первыхъ, а кромѣ того надо имѣть въ виду, что слова, принадлежащія по формамъ цѣлыхъ словъ къ разнымъ грамматическимъ классамъ, могутъ принадлежать къ одному грамматическому классу по формамъ основъ (напр., причастіе и глаголъ по формамъ цѣлыхъ словъ принадлежатъ къ разнымъ

грамматическимъ классамъ, а по формамъ основъ они составляютъ одинъ общій классъ).

Грамматическіе классы словъ мы не должны смѣшивать съ неграмматическими классами, основанными на классахъ значеній словъ; съ ними мы уже познакомились. Напримѣръ, различіе между словами названіями и словами мѣстоименіями не образуетъ грамматическихъ классовъ словъ, какъ скоро оно основано только на различіи въ значеніи. Посредствомъ же грамматическихъ классовъ словъ въ самихъ словахъ обозначаются классы знаковъ предметовъ мысли.

Въ теченіе жизни языка въ связи съ измѣненіями, происходящими въ формахъ отдѣльныхъ полныхъ словъ, происходятъ измѣненія и въ формальныхъ классахъ отдѣльныхъ полныхъ словъ, поэтому никакъ нельзя думать, будто бы названные классы словъ, появившись разъ въ языкѣ вслѣдствіе присутствія въ немъ формъ отдѣльныхъ полныхъ словъ, остаются далѣе безъ всякихъ измѣненій, представляя изъ себя какія-то необходимыя и неподвижныя рамки.

Послѣ этихъ предварительныхъ разъясненій мы можемъ перейти къ опредѣленію тѣхъ формальныхъ классовъ отдѣльныхъ полныхъ словъ, какіе были получены отдѣльными индоевропейскими языками изъ индоевропейскаго праязыка, и далѣе къ опредѣленію тѣхъ формальныхъ клас-

совъ словъ, которые существуютъ въ настоящее время въ русскомъ языкѣ.

На основаніи показаній отдѣльныхъ индоевропейскихъ языковъ мы заключаемъ, что въ эпоху распаденія общаго индоевропейскаго праязыка въ этомъ послѣднемъ существовали слѣдующіе наиболѣе общіе формальные, иначе грамматическіе, классы отдѣльныхъ полныхъ словъ: А) слова, имѣвшія формы словоизмѣненія и В) слова, не имѣвшія формъ словоизмѣненія. Въ классѣ А существовали слѣдующія подраздѣленія по отношенію къ различіямъ въ формахъ словъ: 1) слова спрягаемыя (глаголы въ тѣсномъ смыслѣ этого термина), т.е. слова, имѣвшія тѣ формы словоизмѣненія, которыя мы называемъ спряженіемъ; 2) слова склоняемыя, т.е. слова, имѣвшія тѣ формы словоизмѣненія, которыя мы называемъ склоненіемъ; 3) прилагательныя склоняемыя слова, т.е. тѣ слова, которыя, кромѣ формъ склоненія, имѣли и ту форму словоизмѣненія, которая называется согласованіемъ въ родѣ прилагательныхъ словъ, какъ обозначающихъ несамостоятельные предметы мысли, именно признаки предметовъ, съ другими словами, обозначающими самостоятельные предметы мысли, именно предметы,

какъ вмѣстилища этихъ признаковъ. Эти послѣднія слова, предполагавшіяся формами согласованія въ родѣ прилагательныхъ склоняемыхъ словъ, были въ индоевропейскомъ праязыкѣ склоняемыми словами, т.е. принадлежали ко второму подраздѣленію, и въ ихъ отношеніи къ прилагательнымъ склоняемымъ словамъ они могутъ быть названы существительными склоняемыми словами.

Посмотримъ теперь, какія значенія имѣли указанные классы словъ, какъ знаки классовъ предметовъ мысли, въ эпоху распаденія общеиндоевропейскаго праязыка.

Г л а г о л ы *обозначали въ основахъ глагольныхъ формъ*, въ такъ-называемыхъ глагольныхъ основахъ, д ѣ й с т в і я и с о с т о я н і я, признаки, измѣняющіеся во времени, именно какъ происходящіе отъ дѣятельности вмѣстилищъ признаковъ; дѣятельныя же вмѣстилища признаковъ называются иначе субъектами этихъ послѣднихъ. О томъ, какіе признаки мы называемъ дѣйствіями, и какіе признаки мы называемъ состояніями, я уже говорилъ въ отдѣлѣ о значеніяхъ полныхъ словъ. Формами спряженія (формами наклоненія и времени и формами лица) глаголы въ общеиндоевропейскомъ языкѣ обозначали данный признакъ (дѣйствіе или состояніе) въ открываемомъ мыслью, сужденіемъ сочетаніи его во времени съ извѣстнымъ самостоятельнымъ предметомъ мысли, какъ съ субъектомъ даннаго призна-

ка (дѣйствія или состоянія).

Въ формахъ наклоненія въ общеиндоевропейскомъ праязыкѣ различались: 1) формы непрямого или косвеннаго наклоненія и 2) формы прямого или изъявительнаго наклоненія. Формами косвеннаго наклоненія сочетаніе даннаго признака, обозначаемаго глагольною основою, съ субъектомъ этого признака обозначалось по отношенію къ данному времени не какъ существующее въ дѣйстви - тельности, а лишь какъ представляемое въ мысли говорящаго. При этомъ по различіямъ въ значеніи здѣсь различались: a) форма сослагательнаго наклоненія, обозначавшая сочетаніе даннаго признака съ субъектомъ, какъ ожидаемое говорящимъ съ увѣренностью или настоятельно требуемое по отношенію къ данному времени; b) форма желательнаго наклоненія, обозначавшая то же сочетаніе, какъ ожидаемое безъ увѣренности говорящимъ по отношенію къ данному времени, т.е. какъ желаемое или какъ возможное; c) форма повелительнаго наклоненія, обозначавшая то же сочетаніе, какъ требуемое или просимое говорящимъ по отношенію къ данному времени отъ другого лица въ повелительной рѣчи. Формою изъявительнаго наклоненія сочетаніе признака съ его субъектомъ не обозначалось, какъ существующее, какъ представляемое лишь въ мысли говорящаго по отношенію къ данному времени, а потому оно могло обозначаться между прочимъ

и какъ существующее въ дѣйствительности. Въ формѣ изъявительнаго наклоненія въ общеиндоевропейскомъ языкѣ различались три формы времени: 1) форма настоящаго времени, 2) форма прошедшаго времени и 3) форма будущаго времени. Формою прошедшаго времени данное сочетаніе признака съ его субъектомъ обозначалось, какъ относимое въ мысли говорящаго ко времени прошедшему сравнительно съ моментомъ мысли, рѣчи. Формою будущаго времени то же сочетаніе обозначалось, какъ относимое мыслью говорящаго ко времени будущему сравнительно съ моментомъ мысли, рѣчи. Наконецъ, формою настоящаго времени то же сочетаніе обозначалось, какъ относимое мыслью говорящаго къ моменту рѣчи, мысли или безъ отношенія къ опредѣленному моменту времени. Ср., напр., въ русскомъ языкѣ два значенія формы настоящаго времени въ слѣдующихъ предложеніяхъ: "этотъ человѣкъ ходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ" и "человѣкъ ходитъ", т.е. человѣкъ имѣетъ вообще способность къ передвиженію, называемому хожденіемъ.

Формами лица, которыхъ было три съ различіями по тремъ числамъ (единственное, двойственное и множественное), обозначались въ общемъ индоевропейскомъ языкѣ различія въ субъектахъ признаковъ, обозначаемыхъ глагольными основами. Здѣсь различались, слѣдовательно, съ различіями по числу, три класса субъ-

ектовъ: 1) лицо думающее, говорящее (первое лицо рѣчи, 1-ое лицо); 2) лицо, къ которому обращаются съ рѣчью (второе лицо) и 3) не лицо самой рѣчи, т.е. такъ-называемое третье лицо.

Итакъ, формы времени и наклоненія въ индоевропейскомъ праязыкѣ были формами сказуемости перваго типа, т.е. формами самой сказуемости, которыми обозначались различія въ открываемомъ мыслью отношеніи даннаго предмета мысли, какъ сказуемаго предложенія, къ другимъ предметамъ мысли, образующимъ подлежащія. Формы же лица были здѣсь формами сказуемости второго типа, т.е. обозначали извѣстное уже отношеніе предмета мысли, образующаго сказуемое въ предложеніи, къ различнаго рода другимъ предметамъ мысли, образующимъ подлежащія предложеній, обозначали именно извѣстныя различія въ этихъ послѣднихъ.

Кромѣ разсмотрѣнныхъ нами формъ словоизмѣненія глаголъ въ общемъ индоевропейскомъ языкѣ имѣлъ также и различныя словообразовательныя формы. Среди этихъ послѣднихъ были между прочимъ и такія словообразовательныя формы, которыя по самому образованію не отличались отъ формъ словоизмѣненія глагола, и такія формы по образованію, но не по значенію принадлежали, слѣдовательно, къ формамъ спряженія, т.е. къ формамъ времени и наклоненія и къ формамъ лица. Такими словообразо-

вательными формами въ общемъ индоевропейскомъ праязыкѣ были формы залога и формы вида.

Въ формахъ залога различались форма средняго и форма несредняго залога, неточно называемая формою дѣйствительнаго залога. Формою средняго залога въ общеиндоевропейскомъ языкѣ въ ея основномъ значеніи обозначалось, что субъектъ даннаго дѣйствія находится и въ другомъ отношеніи къ тому же дѣйствію; это значеніе называется возвратнымъ. Итакъ, основнымъ значеніемъ формы средняго залога въ общеиндоевропейскомъ языкѣ было значеніе в о з в р а т н о е, какъ прямое (прямое возвратное значеніе извѣстно, напр., въ греческомъ языкѣ, сравн. λούομαι), такъ и непрямое (непрямое возвратное значеніе существовало, напр., въ греческомъ αἰτέομαι - прошу для себя, себѣ). Форма несредняго залога въ общеиндоевропейскомъ языкѣ можетъ быть опредѣлена по значенію только отрицательно: эта форма залога не имѣла значенія, существовавшаго въ формѣ средняго залога.

Формами вида въ общеиндоевропейскомъ праязыкѣ обозначались различія времени проявленія данныхъ признаковъ. Здѣсь прежде всего различались формы вида перфективнаго и формы вида имперфективнаго. Формою вида перфективнаго данный признакъ обозначался въ полнотѣ его проявленія во времени, а форма вида имперфектив-

наго обозначала тотъ же признакъ безъ отношенія къ полнотѣ его проявленія во времени. Въ формѣ имперфективнаго вида въ свою очередь различались форма вида длительнаго и форма вида недлительнаго. Первою формою обозначался данный признакъ въ его длительности, а второю формою онъ обозначался безъ отношенія къ его длительности. Общеиндоевропейская форма настоящаго времени глаголовъ съ формою перфективнаго вида называется перфектомъ, форма прошедшаго времени съ тою же формою вида - плюсквамперфектомъ. Форма настоящаго времени глаголовъ съ формою имперфективнаго вида называется презенсомъ, а форма прошедшаго времени длительнаго вида - имперфектомъ, тогда какъ форма прошедшаго времени отъ основъ недлительнаго вида называется аористомъ.

Кромѣ названныхъ словообразовательныхъ формъ глаголъ въ общемъ индоевропейскомъ языкѣ имѣлъ и нѣкоторыя другія словообразовательныя формы, которыя уже не были связаны по образованію съ формами словоизмѣненія глагола, т.е. не были формами спряженія.

Что касается основъ глаголовъ, то въ общемъ индоевропейскомъ праязыкѣ это были по большей части различныя производныя основы, хотя здѣсь существовали и глаголы съ основами непроизводными (такова, напримѣръ, общеиндоевропейская глагольная основа $a^{e}s$, яв-

ляющаяся въ греческ. εἰμί изъ *ἐσμι, старослав. ѢСМЬ.

Теперь обратимся къ словамъ склоняемымъ, т.е. имѣющимъ тѣ формы словоизмѣненія, которыя называются склоненіемъ. Эти слова въ отличіе ихъ отъ прилагательныхъ склоняемыхъ словъ мы выше назвали существительными склоняемыми словами. Существительными склоняемыми словами въ общемъ индоевропейскомъ языкѣ въ основахъ формъ склоненія обозначались самостоятельные предметы мысли, т.е. предметы, какъ вмѣстилища признаковъ, а такими вмѣстилищами представлялись между прочимъ и признаки въ ихъ отвлеченіи отъ предметовъ, вещей. Самыми же формами словоизмѣненія существительныхъ склоняемыхъ словъ въ индоевропейскомъ праязыкѣ обозначался данный предметъ мысли или въ различныхъ отношеніяхъ его къ другимъ предметамъ мысли, обозначаемымъ въ данномъ предложеніи, или безъ отношенія къ другимъ предметамъ мысли въ данномъ предложеніи. Первое значеніе имѣли такъ-называемые косвенные падежи, а второе значеніе принадлежало именительному падежу въ его отношеніи къ косвеннымъ падежамъ. Въ косвенныхъ падежахъ различались въ общеиндоевропейскомъ языкѣ падежи: винительный, родительный, дательный, мѣстный, отложительный и творительный. Форма именительнаго падежа не являлась сама по себѣ падежною

формою по тому самому, что данною формою предметъ мысли обозначался внѣ его отношенія къ другимъ предметамъ мысли, обозначеннымъ въ данномъ предложеніи, и именительный падежъ мы можемъ называть падежомъ лишь по соотношенію его съ косвенными падежами. Форма звательная, называемая неправильно формою звательнаго падежа, существовавшая въ обдемъ индоевропейскомъ языкѣ въ тѣхъ существительныхъ склоняемыхъ словахъ, которыя являлись словами-названіями (см. ниже), по самому своему значенію не являлась падежною формой. Звательная форма, какъ я уже говорилъ, имѣетъ особое значеніе; это - словообразовательная форма, не форма словоизмѣненія, которою обозначалось воззваніе, обращаемое въ рѣчи къ лицу, обозначенному даннымъ словомъ въ незвательной рѣчи, какъ самостоятельный предметъ мысли, въ той именно формѣ, которая называется формою именительнаго падежа. Различія между именительнымъ падежомъ и звательной формой образуются въ рѣчи частью, какъ мы видѣли, различіями въ знакахъ знаковъ рѣчи, напр., различіемъ въ интонаціи; сравн. въ русскомъ языкѣ, напр., "Петръ, пойди сюда!" Здѣсь не именительный падежъ, а звательная форма, и слово "Петръ!" въ этомъ сочетаніи - - слово-воззваніе. Въ индоевропейскомъ праязыкѣ звательная форма образовывалась между прочимъ и различіями въ знакахъ знаковъ рѣчи.

Кромѣ формъ падежа въ индоевропейскомъ праязыкѣ склоняемыя существительныя слова имѣли и формы числа, бывшія по значенію словообразовательными формами, но по образованію эти послѣднія не отдѣлялись отъ формъ склоненія - отъ формъ падежа; напр., въ индоевропейскомъ праязыкѣ суффиксъ формы винит.ед.ч. отличался отъ суффикса винительн.множ.числа. Въ формахъ числа въ индоевропейскомъ праязыкѣ различались формы трехъ чиселъ: единственнаго, двойственнаго и множественнаго, причемъ не всѣ падежныя формы различались во всѣхъ трехъ формахъ числа.

Въ склоняемыхъ существительныхъ словахъ въ общемъ индоевропейскомъ языкѣ мы должны выдѣлить нѣсколько подклассовъ по различіямъ по отношенію къ извѣстнымъ формамъ словъ, а именно: 1) существительныя личныя слова, такъ-называемыя личныя мѣстоименія, т.е. существительныя склоняемыя слова, имѣвшія такія мѣстоименныя основы, которыми обозначались сами лица рѣчи (мѣстоименія 1-го и 2-го лица и въ косвенныхъ падежахъ такъ-называемое возвратное мѣстоименіе), и 2) существительныя неличныя слова. Въ неличныхъ словахъ, въ свою очередь, по отношенію къ извѣстнымъ формамъ словъ различались двѣ категоріи словъ: a) слова-названія и b) мѣстоименія неличныя.

Въ существительныхъ склоняемыхъ словахъ въ индоев-

ропейскомъ праязыкѣ основы формъ склоненія были, какъ непроизводными, такъ и производными; въ числѣ этихъ послѣднихъ были основы, производныя отъ глагольныхъ основъ, а въ числѣ глагольныхъ основъ были, въ свою очередь, основы, производныя отъ именныхъ основъ.

Третій большой классъ словъ, имѣющихъ формы словоизмѣненія, образовывали въ индоевропейскомъ праязыкѣ склоняемыя слова съ формами согласованія въ родѣ. Эти слова называются прилагательными склоняемыми словами. По отношенію къ формамъ склоненія въ общемъ индоевропейскомъ языкѣ прилагательныя склоняемыя слова не отличались отъ существительныхъ склоняемыхъ словъ, но въ отличіе отъ нихъ они имѣли еще формы согласованія въ родѣ, принадлежавшія по значенію къ формамъ словоизмѣненія. Основами этихъ формъ обозначались признаки, т.е. несамостоятельные предметы мысли, въ ихъ принадлежности самостоятельнымъ предметамъ мысли, вмѣстилищамъ признаковъ. Формами словоизмѣненія въ родѣ такой признакъ обозначался въ данной его принадлежности различнаго рода самостоятельнымъ предметамъ мысли, обозначавшимся существительными именами. Въ нихъ различались при этомъ три класса словъ: слова мужескаго, женскаго и средняго рода. Къ существительнымъ мужескаго и женскаго рода въ эпоху распаденія индоевропейскаго

праязыка причислялись не только имена, обозначавшія существа соотвѣтственнаго пола (мужескаго или женскаго), но и тѣ имена неодушевленныхъ предметовъ, которыя по образованію основъ были однородны съ существительными, обозначавшими существа того или другого естественнаго рода. Напримѣръ, въ общемъ индоевропейскомъ праязыкѣ имена съ производными основами женскаго рода на $\bar{a}^a$ были всѣ существительными женскаго грамматическаго рода; сравн. и въ русскомъ языкѣ такія имена, какъ жена, съ такими именами, какъ вода. Къ существительнымъ средняго рода въ эпоху распаденія индоевропейскаго праязыка относились не только имена, обозначавшія существа безъ отношенія къ извѣстному полу, но также и тѣ имена неодушевленныя, которыя по образованію основъ были однородны съ именами средняго рода, обозначавшими существа безъ отношенія къ различію въ естественномъ родѣ. Вслѣдствіе присутствія разсмотрѣнныхъ нами формъ словоизмѣненія въ родѣ, или формъ согласованія въ родѣ, самое склоненіе прилагательныхъ словъ въ общеиндоевропейскомъ языкѣ было несамостоятельнымъ, обусловленнымъ склоненіемъ тѣхъ существительныхъ словъ, съ которыми въ предложеніи сочетались прилагательныя склоняемыя слова.

По значеніямъ основъ формъ словоизмѣненія въ родѣ прилагательныя склоняемыя слова были или словами-на-

званіями (прилагательными именами), или прилагательными мѣстоименіями. Основы прилагательныхъ именъ по своему происхожденію были въ индоевропейскомъ праязыкѣ въ большинствѣ случаевъ производными основами, частью отъ именныхъ основъ, частью отъ мѣстоименныхъ основъ и частью отъ глагольныхъ. Въ числѣ послѣднихъ, т.е. въ числѣ прилагательныхъ именъ съ отглагольными основами, были и такія прилагательныя имена, которыя, имѣя общія съ глаголами основы словообразовательныхъ формъ, имѣли и самыя словообразовательныя формы въ этихъ основахъ (формы залога и вида); такія имена прилагательныя называются причастіями. Что касается прилагательныхъ мѣстоименій, то таковыми были въ общемъ индоевропейскомъ праязыкѣ мѣстоименія неличныя при употребленіи ихъ въ соединеніи съ существительными именами. Слѣдовательно, мѣстоименія неличныя въ общемъ индоевропейскомъ праязыкѣ частью были существительными словами, частью прилагательными, и поэтому форма рода въ этихъ словахъ была частью словообразовательною формою и частью формою словоизмѣненія, формою согласованія въ родѣ. Отсюда объясняется, напр., различіе въ употребленіи греческаго τίς въ τίς ἦλθε и τίς ἄνθρωπος.

Итакъ, мы разсмотрѣли слова, имѣвшія въ индоевро-

пейскомъ праязыкѣ формы словоизмѣненія. Теперь перейдемъ къ обзору словъ, не имѣвшихъ здѣсь формъ словоизмѣненія. Эти слова распадались на два подраздѣленія: 1) слова, имѣвшія формы словообразованія и 2) слова, не имѣвшія никакихъ формъ отдѣльныхъ полныхъ словъ.

Слова, имѣвшія формы словообразованія, въ общемъ индоевропейскомъ праязыкѣ заключали въ себѣ основы, общія съ основами другихъ словъ, имѣвшихъ формы словоизмѣненія. Составляли они тотъ грамматическій классъ словъ, который мы можемъ называть грамматическими нарѣчіями. Формами словообразованія грамматическихъ нарѣчій обозначались различныя отношенія предметовъ мысли, обозначенныхъ въ основахъ словъ, имѣющихъ формы словоизмѣненія, къ признакамъ другихъ предметовъ. Ср., напр., и въ русскомъ языкѣ грамматическія нарѣчія типа: "горячо", "плохо" и т.п.; напр., "плохо писать, говорить" и т.д.

Второе подраздѣленіе разсматриваемаго класса словъ, т.е. слова, не имѣвшія никакихъ формъ отдѣльныхъ полныхъ словъ, не составляютъ, слѣдовательно, никакого положительнаго грамматическаго класса словъ. Въ числѣ этихъ словъ существовали въ индоевропейскомъ праязыкѣ такія слова, которыя по н е г р а м м а т и ч е с к о м у значенію были однородны съ грамматическими нарѣчіями; поэтому ихъ называютъ тоже нарѣчіями. Въ виду

этого, во избѣжаніе недоразумѣній, за грамматическими нарѣчіями можно оставить полностью ихъ названіе и не называть ихъ просто нарѣчіями. Кромѣ нарѣчій разсматриваемый классъ словъ заключалъ въ индоевропейскомъ праязыкѣ и нѣкоторыя такія слова, которыя по значенію были словами-названіями, именно названіями числа, какъ самостоятельнаго предмета мысли. Въ большинствѣ же случаевъ названія числа были или существительными, или прилагательными именами (всѣ порядковыя и нѣкоторыя количественныя) и, слѣдовательно, всѣ вмѣстѣ не составляли какого-либо особаго грамматическаго класса словъ.

Разсмотрѣнные нами грамматическіе классы словъ, существовавшіе въ индоевропейскомъ праязыкѣ въ эпоху его распаденія были получены отдѣльными языками, его потомками. Здѣсь они съ теченіемъ времени въ связи съ измѣненіемъ самихъ формъ подверглись различнымъ измѣненіямъ. Напримѣръ, сильно увеличился въ отдѣльныхъ индоевропейскихъ языкахъ вслѣдствіе утраты формъ тотъ разрядъ словъ, не имѣющихъ формъ отдѣльныхъ полныхъ словъ, который мы назвали нарѣчіями. Сравн. въ русскомъ языкѣ такія нарѣчія, какъ: "верхомъ", "пѣшкомъ", "домой" и т.п.; въ греческомъ языкѣ такія нарѣчія, какъ οἴκοι, χαμαί, πέδοι и т.п.; въ латинскомъ языкѣ humi, ruri, domi и т.п. Далѣе, напр., въ отдѣльномъ существованіи

различныхъ индоевропейскихъ языковъ возникъ новый грамматическій классъ словъ, не имѣющихъ формъ словоизмѣненія, но имѣющихъ словообразовательную форму инфинитива (отнюдь не неопредѣленнаго наклоненія, такъ какъ по значенію форма инфинитива не имѣетъ ничего общаго съ формою наклоненія). Основы формъ инфинитива являются общими съ основами формъ словоизмѣненія глагола и могутъ заключать въ себѣ тѣ же словообразовательныя формы. Понятно, что формою инфинитива данные предметы мысли (дѣйствія и признаки) обозначаются безъ отношенія ко всему тому, что обозначается формами словоизмѣненія глагола. Затѣмъ, напр., нѣкоторыя слова, не имѣвшія первоначально никакихъ формъ отдѣльныхъ полныхъ словъ, въ отдѣльномъ существованіи различныхъ индоевропейскихъ языковъ могли получать извѣстныя формы, по аналогіи съ другими словами, однородными съ ними по значенію. Такъ объясняется, напр., происхожденіе формъ склоненія русскаго слова "сто", полученнаго общеславянскимъ языкомъ безъ всякихъ формъ отдѣльныхъ полныхъ словъ.

Грамматическіе или формальные классы словъ обыкновенно неточно называютъ частями рѣчи, такъ какъ этимъ послѣднимъ терминомъ обозначаются и неграмматическіе классы словъ. То дѣленіе словъ на части рѣчи, которое мы находимъ въ нашихъ школьныхъ грамматикахъ, перешло

къ намъ отъ античныхъ грамматиковъ, при чемъ сохранились частью и самыя ихъ опредѣленія. Это дѣленіе, представляющее полное смѣшеніе грамматическихъ и неграмматическихъ классовъ и нарушающее требованія логики о дѣленіи, классификаціи, не можетъ имѣть никакого значенія. Въ самомъ дѣлѣ, возьмемъ, напр., опредѣленія частей рѣчи въ нашихъ школьныхъ грамматикахъ въ наиболѣе принятомъ ихъ видѣ. Имя существительное, имя прилагательное и глаголъ не могутъ представлять въ русскомъ языкѣ соотносительныхъ классовъ въ грамматической классификаціи словъ; это ясно изъ того, что сказано мною выше. Не представляютъ они соотносительныхъ классовъ въ этомъ отношеніи и въ греческомъ, и въ латинскомъ языкахъ. Однако, и въ неграмматической классификаціи они не представляютъ соотносительныхъ классовъ словъ, какъ это опять вытекаетъ изъ того, что мною было сказано въ свое время по этому поводу. Вѣдь, по неграмматической сторонѣ различіе между мѣстоименіемъ и существительнымъ не имѣетъ ничего общаго съ различіемъ между существительнымъ и глаголомъ. Далѣе, и въ самомъ опредѣленіи существительнаго, мѣстоименія и глагола мы наталкиваемся на ошибки противъ логики; опредѣляя, напр., глаголъ какъ слово, обозначающее или дѣйствіе, или состояніе, наша грамматика забываетъ, напр., о такихъ существительныхъ, какъ "хожденіе, писаніе" и т.п.

(см. по этому поводу выше). Что касается имени числительнаго, то такого грамматическаго класса словъ, какъ мы видѣли выше, не было въ индоевропейскомъ праязыкѣ, нѣтъ его и въ отдѣльныхъ индоевропейскихъ языкахъ. Что касается предлога, союза и нарѣчія, то и здѣсь рядъ недоразумѣній. Въ самомъ дѣлѣ, различіе между предлогомъ и союзомъ основывается на различіи въ значеніи ч а с т и ч н ы х ъ словъ и не можетъ быть никоимъ образомъ соотносительно съ классами цѣлыхъ п о л н ы х ъ словъ (см. ниже въ отдѣлѣ о частичныхъ словахъ). Категорія "нарѣчіе" представляетъ въ нашей грамматикѣ прямо-таки одно сплошное недоразумѣніе. Къ нарѣчіямъ причисляются, съ одной стороны, и извѣстныя частичныя слова (да, конечно, нѣтъ и т.п.), съ другой стороны - - такія полныя слова, которыя являются грамматическими нарѣчіями, и, наконецъ, такія полныя слова, которыя не имѣютъ никакихъ формъ отдѣльныхъ полныхъ словъ. Наконецъ, междометія вообще, какъ мы уже видѣли, являются совсѣмъ не словами, знаками предметовъ мысли, а словами, знаками нашихъ чувствованій. Междометію, слѣдовательно, ни въ коемъ случаѣ нѣтъ мѣста въ грамматической классификаціи отдѣльныхъ полныхъ словъ.

Другія недоразумѣнія нашей грамматики, относящей, напр., инфинитивъ къ формамъ наклоненія, не выдѣляющей дѣепричастій въ классъ словъ, не имѣющихъ формъ слово-

измѣненія, но имѣющихъ общія съ глаголомъ словообразовательныя формы и т.п., ясны изъ того, что мною было сказано выше.

Въ заключеніе этого отдѣла я еще разъ долженъ подчеркнуть, что грамматическіе классы словъ, опредѣляемые по формамъ цѣлыхъ полныхъ словъ, не должны быть смѣшиваемы съ классами, образуемыми общими формами основъ. И въ этомъ смѣшеніи повинна наша элементарная грамматика: терминъ "глаголъ" значитъ здѣсь не только слово спрягаемое, но и склоняемыя слова, а частью и слова, утратившія формы словоизмѣненія (инфинитивъ, дѣепричастіе) причисляются къ глаголу, если они имѣютъ общія съ глаголомъ основы.

СЛОВА - ПРЕДЛОЖЕНІЯ.

Мы уже видѣли, что отдѣльныя полныя слова по отношенію къ предложеніямъ образуютъ обыкновенно части предложеній; но есть такіе случаи, когда извѣстныя отдѣльныя полныя слова, имѣющія формы сказуемости, являются по значенію, но не по формѣ, не частью предложенія, а цѣлымъ предложеніемъ. Такія полныя слова, въ отличіе ихъ отъ другихъ полныхъ словъ и отъ сочетаній полныхъ словъ, являющихся законченными въ рѣчи предло-

женіями, мы можемъ назвать словами-предложеніями.

Слова-предложенія въ индоевропейскихъ языкахъ бываютъ двухъ типовъ: 1) личныя слова-предложенія и 2) безличныя слова-предложенія. Личнымъ слово-предложеніе является, когда полное слово, имѣющее формы сказуемости, глаголъ, въ формѣ лица получаетъ особое значеніе. Мы уже видѣли, что формы лица въ глаголѣ обозначаютъ отношеніе даннаго признака къ субъекту этого признака, тѣ или другія различія въ субъектахъ; въ личныхъ же словахъ-предложеніяхъ обозначается при посредствѣ формы лица самый субъектъ признака, самое лицо рѣчи. Въ индоевропейскомъ праязыкѣ, въ эпоху его распаденія, глаголъ въ формахъ 1-го и 2-го лица и былъ такимъ словомъ-предложеніемъ: субъектъ, лицо рѣчи, здѣсь обозначался уже самою формою лица. Такимъ былъ глаголъ въ формахъ 1-го и 2-го лица и въ отдѣльныхъ индоевропейскихъ языкахъ въ древнѣйшую эпоху ихъ жизни; напримѣръ, латинское amo значитъ "я люблю". Для русскаго современнаго языка глаголъ въ этихъ формахъ не является словомъ-предложеніемъ, и для обозначенія субъекта требуется мѣстоименіе: напримѣръ, "я люблю". Но и въ русскомъ языкѣ глаголъ въ формѣ 2-го лица повелительнаго наклоненія не требуетъ мѣстоименія, а самой формой 2-го лица обозначается уже субъектъ даннаго признака: напримѣръ, "иди", "идите"; въ такихъ же случа-

яхъ, какъ "ты ступай", "ты говори", "ты дѣлай", присоединеніемъ мѣстоименія выражается повелѣніе болѣе слабое сравнительно съ тѣмъ, которое обозначено въ "ступай", "говори", "дѣлай". Вообще лицо рѣчи при личныхъ словахъ-предложеніяхъ не обозначается особо, если только 1) не требуется обозначить его съ особок силою въ его противоположности другимъ предметамъ мысли; 2) если данный субъектъ не опредѣляется въ предложеніи другимъ словомъ, сочетающимся съ обозначеніемъ этого субъекта и 3) если сочетаніе глагола въ такой формѣ лица со словомъ, обозначающимъ это лицо рѣчи, не получаетъ особаго значенія. Случай послѣдняго рода мы находимъ въ нашемъ "ты иди". Случай перваго рода мы находимъ, напр., въ латинскомъ "ego amo, tu invides". Ср. далѣе цицероновское nos, nos... consules desumus.

Разсмотрѣнныя сейчасъ слова-предложенія мы называемъ личными; но есть въ нашихъ языкахъ и безличныя слова-предложенія. Это - такіе въ нашихъ языкахъ глаголы, которые, имѣя форму сказуемости, отличаются отъ другихъ глаголовъ тѣмъ, что та форма, которая въ другихъ глаголахъ является формою 3-го лица, въ нихъ уже не имѣетъ значенія формы лица; слѣдовательно, само отсутствіе формы лица въ этихъ глаголахъ указываетъ на то, что предметъ мысли, образующій подлежащее даннаго сужденія, обозначенъ въ самомъ глаголѣ, въ самой основѣ

формъ сказуемости, при чемъ предметъ мысли, образующій сказуемое даннаго сужденія, обозначается здѣсь при посредствѣ формъ сказуемости. Напр., русское безличное слово-предложеніе (или безличное предложеніе, какъ его обыкновенно называютъ) "морозитъ" заключаетъ въ себѣ и подлежащее, и сказуемое сужденія; подлежащимъ является значеніе самой глагольной основы, а сказуемое обозначено здѣсь формою сказуемости, т.е. значеніе безличнаго "морозитъ" можетъ быть приблизительно передано, какъ "морозъ въ настоящее время происходитъ"; точно также значеніе русскаго "свѣтаетъ" можетъ быть выражено приблизительно, какъ "свѣтъ въ настоящее время появляется" и т.п.

Безличныя слова-предложенія разсмотрѣннаго типа существовали, какъ въ индоевропейскомъ праязыкѣ, такъ существуютъ и въ отдѣльныхъ индоевропейскихъ языкахъ, при чемъ въ жизни отдѣльныхъ индоевропейскихъ языковъ таюія слова-предложенія развивались также и вновь.

ЧАСТИЧНЫЯ СЛОВА.

Мы разсматривали до сихъ поръ отдѣльныя полныя слова, теперь обратимся къ частичнымъ словамъ.

Частичными словами называются такія слова, значе-

нія которыхъ не существуютъ отдѣльно отъ значеній полныхъ словъ, именно они обозначаютъ нѣчто или 1) въ значеніяхъ полныхъ словъ, или 2) въ значеніяхъ предложеній, въ составъ которыхъ входятъ полныя слова. Частичное слово, какъ и полное слово, есть или такой звукъ рѣчи, или такой ихъ комплексъ, который имѣетъ значеніе отдѣльно отъ другихъ звуковъ рѣчи и ихъ комплексовъ, являющихся словами, при чемъ если слово есть не одинъ звукъ рѣчи, а цѣлый ихъ комплексъ, то такой комплексъ звуковъ не можетъ быть разложенъ на отдѣльныя слова безъ измѣненія или безъ утраты значенія хотя бы одной части такого звукового комплекса.

Среди частичныхъ словъ есть такія, которыя не имѣютъ формъ, и такія, которыя имѣютъ формы. Первыя въ отличіе отъ послѣднихъ мы можемъ называть просто частицами.

Частичныя слова, обозначающія нѣчто не въ значеніяхъ предложеній, а въ значеніи отдѣльныхъ полныхъ словъ, измѣняютъ, слѣдовательно, полныя слова, какъ знаки отдѣльныхъ предметовъ мысли, такимъ образомъ, что полное слово въ его сочетаніи съ частичнымъ словомъ является уже не цѣлымъ словомъ, а частью извѣстнаго непростого слова; поэтому и частичное слово въ составѣ такого непростого слова является уже не отдѣльнымъ частичнымъ словомъ, а частью непростого сло-

ва. Сравн., напр., такія русскія слова, какъ "несчастье", "непогода", гдѣ частичное слово (въ данномъ случаѣ частица) составляетъ часть извѣстнаго непростого слова, другую часть котораго составляетъ полное слово.

Пока мы остановимся только на такихъ частичныхъ словахъ, которыя обозначаютъ нѣчто въ значеніяхъ предложеній, которыя являются, слѣдовательно, отдѣльными частичными словами, а на частичныхъ словахъ, входящихъ въ составъ непростыхъ словъ, мы остановимся впослѣдствіи, когда будемъ разбирать непростыя слова.

ОТДѢЛЬНЫЯ ЧАСТИЧНЫЯ СЛОВА.

Въ частичныхъ отдѣльныхъ словахъ по ихъ значеніямъ различается нѣсколько классовъ.

ПЕРВЫЙ КЛАССЪ частичныхъ отдѣльныхъ словъ образуютъ такъ-называемыя с о е д и н и т е л ь н ы я слова, въ свою очередь распадающійся на нѣсколько подклассовъ. Сюда принадлежатъ:

1) частичныя слова, обозначающія въ предметахъ мысли, обозначенныхъ полными словами, данныя ихъ отношенія къ другимъ предметамъ мысли въ предложеніяхъ; сюда принадлежатъ *ПРЕДЛОГИ*, обозначающіе въ самостоятельныхъ предметахъ мысли данныя отношенія къ дру -

гимъ предметамъ мысли въ предложеніяхъ; сравн., напр., предлоги въ русскомъ языкѣ въ такихъ предложеніяхъ, какъ: книга на столѣ, домъ стоитъ на горѣ и т.п.;

2) частичныя слова, обозначающія при сочетаніи предложеній отношеніе одного предложенія къ другому, а при сочетаніи отдѣльныхъ полныхъ словъ въ одной слитной части предложенія отношенія отдѣльныхъ предметовъ мысли между собою по связи ихъ съ однимъ и тѣмъ же предметомъ мысли въ другой части предложенія; это - *союзы*; сравн. въ русскомъ языкѣ употребленіе союзовъ въ такихъ предложеніяхъ, какъ, съ одной стороны: наши разбили враговъ, и они сдались; я гуляю, а ты сидишь дома; я мыслю, слѣдовательно, я существую и, съ другой стороны, я беру книгу и бумагу, я ищу перо или карандашъ и т.п.

3) *связка*, обозначающая открываемую въ процессѣ сужденія связь предмета мысли, обозначеннаго полнымъ словомъ, съ другимъ полнымъ словомъ, образующимъ подлежащее даннаго сужденія. Въ индоевропейскихъ языкахъ связка въ предложеніи имѣетъ формы глагола и нѣкогда въ индоевропейскомъ праязыкѣ связка была отдѣльнымъ полнымъ словомъ, глаголомъ, но съ теченіемъ времени этотъ глаголъ въ извѣстныхъ случаяхъ утратилъ самостоятельное значеніе; а въ силу того, что получившаяся такимъ образомъ связка имѣетъ формы сказуемости, она можетъ

быть названа грамматической связкой. Такимъ образомъ, по формѣ сказуемости связка въ индоевропейскихъ языкахъ является грамматическимъ сказуемымъ и образуетъ вмѣстѣ съ другимъ полнымъ словомъ составное сказуемое. Сравн., напр., въ греческомъ языкѣ такое предложеніе, какъ ὁ πατήρ ἐστιν ἀγαθός, гдѣ ἐστιν является грамматическою связкой. Въ то же время, однако, и въ греческомъ языкѣ слово ἐστι является и съ самостоятельнымъ значеніемъ полнаго слова, со значеніемъ "существуетъ", сохраняя въ этомъ случаѣ старое мѣсто ударенія ἔστι; сравн., напр., ὁ θεὸς ἔστιν. Въ русскомъ языкѣ грамматическая связка въ формѣ настоящаго времени обыкновенно отсутствуетъ.

ВТОРОЙ КЛАССЪ частичныхъ отдѣльныхъ словъ составляютъ слова у с и л и т е л ь н ы я, обозначающія предметы мысли, обозначенные полными словами, какъ выдѣляемые говорящимъ изъ числа другихъ предметовъ мысли въ составѣ даннаго сужденія; сюда принадлежатъ, напр., русскія то, вотъ; сравн. ты-то это сдѣлаешь? я-вотъ сдѣлаю это.

ТРЕТІЙ КЛАССЪ частичныхъ отдѣльныхъ словъ составляютъ частичныя отдѣльныя слова, обозначающія в о п р о с ъ и о т р и ц а н і е говорящаго по отношенію къ связи даннаго предмета мысли, обозначеннаго полнымъ словомъ, съ другимъ предметомъ мысли въ дру-

гой части предложенія. Сравн. русскія ли, не въ такихъ предложеніяхъ, какъ: ты ли это сдѣлалъ? я не пойду съ тобой.

ЧЕТВЕРТЫЙ КЛАССЪ отдѣльныхъ частичныхъ словъ составляютъ частичныя слова, обозначающія извѣстное отношеніе говорящаго къ данному предложенію. Сюда принадлежатъ: 1) частичныя слова, обозначающія различія въ чувствованіяхъ, вызываемыхъ въ говорящемъ процессомъ сужденія о предметахъ мысли, обозначенныхъ полными словами; сравн., напр., русскія: да, нѣтъ, конечно, вѣроятно; эти частичныя слова могутъ являться въ рѣчи и сами по себѣ, безъ полныхъ словъ, когда они обозначаютъ чувствованія даннаго лица, вызываемыя рѣчью другого лица: въ этомъ случаѣ частичныя слова представляютъ, слѣдовательно, рѣчь неполную; при этомъ они не образуютъ неполнаго предложенія, такъ какъ частичное слово вообще не составляетъ части предложенія; сравн. въ русскомъ языкѣ, напр., слово да въ составѣ предложенія: да, это правда и слово да, какъ отвѣтъ на рѣчь другого лица. 2) къ разсматриваемому классу частичныхъ словъ принадлежатъ такія слова, которыя обозначаютъ данное предложеніе, какъ взятое изъ рѣчи другого лица; таковы русскія молъ, де; напр., онъ, молъ, его не встрѣтилъ; сюда же принадлежитъ и русское говорятъ въ значеніи частичнаго слова: онъ, говорятъ, пріѣхалъ.

Частичныя слова въ языкѣ могутъ обращаться въ полныя слова, какъ скоро они получаютъ употребленіе, при которомъ предметомъ мысли является само это слово; напримѣръ, сравн. въ русскомъ языкѣ такія предложенія, какъ: онъ сказалъ да, и - есть частица, громко раздалось нѣтъ и т.д.

МЕЖДОМЕТІЯ И СЛОВА-ВОЗЗВАНІЯ.

Выше мнѣ уже приходилось говорить о междометіяхъ въ связи съ словами-воззваніями. Мы видѣли, что и тѣ, и другія слова не входятъ въ составъ предложеній, не являются знаками предметовъ мысли, а являются знаками, выражающими наши чувствованія. Междометія, какъ невольныя выраженія нашихъ чувствованій, не принадлежатъ языку, такъ какъ не являются такими знаками рѣчи, которые мы обнаруживаемъ по своей волѣ. Появляются они вслѣдствіе движеній органовъ рѣчи, сопровождающихъ то или другое чувствованіе, и составляютъ такъ-называемые звуковые рефлексы. Понятно, что знаками языка они становятся только тогда, когда данныя междометія сознаются, какъ выраженія извѣстныхъ чувствованій и образуются по волѣ говорящаго. Бываютъ, однако, случаи, когда междометія обращаются въ полныя слова, обозначающія эти междометія; это бываетъ, когда само

междометіе, какъ знакъ языка, становится предметомъ мысли; сравн. въ русскомъ языкѣ, напр., такіе случаи, какъ: я сказалъ ахъ, далече грянуло ура и т.п. Понятно, что возможно поэтому и образованіе основъ полныхъ словъ изъ междометій; сравн., напр., русскія ахать, охать. Съ другой стороны, и полныя слова могутъ употребляться въ языкѣ въ значеніи междометій; таковы, напр., въ русскомъ языкѣ междометія: хорошо, горько.

О словахъ-воззваніяхъ я уже говорилъ выше, и къ тому, что было уже сказано, можно присоединить слѣдующее: слова-воззванія могутъ переходить въ междометія (а слова-воззванія, какъ мы видѣли выше, представляютъ такое видоизмѣненіе при посредствѣ знака рѣчи полнаго слова, при которомъ выражается желаніе лица говорящаго обратить вниманіе на свою рѣчь), т.е. становиться выраженіемъ чувства, при чемъ они не сознаются уже какъ слова-воззванія, т.е. какъ видоизмѣненіе извѣстнаго полнаго слова; такого происхожденія русскія междометія Боже, чортъ. Съ словами-воззваніями въ указанномъ выше значеніи не надо смѣшивать такія междометія, какъ эй, которыя выражаютъ желаніе говорящаго обратить на себя вниманіе.

НЕПРОСТЫЯ СЛОВА.

До сихъ поръ мы разсматривали простыя слова. Кромѣ простыхъ словъ въ языкахъ существуютъ и непростыя слова, сложныя по своему составу, т.е. такія слова, которыя разлагаются на другія слова. Съ простыми словами сложныя слова однородны въ томъ отношеніи, что и они не могутъ быть разложены на свои составныя части безъ утраты или безъ измѣненія значенія хотя бы въ той или другой части.

По отношенію къ непростымъ, сложнымъ словамъ, по составу, нужно замѣтить слѣдующее: съ теченіемъ времени въ сознаніи говорящихъ непростыя слова могутъ обращаться въ простыя; это бываетъ тогда, когда одна изъ составныхъ частей сложнаго слова выходитъ изъ употребленія въ качествѣ самостоятельнаго слова и не можетъ быть связана по закону ассоціаціи съ родственными образованіями. Напримѣръ, въ современномъ русскомъ языкѣ такіе глаголы, какъ принять, понять, взять, представляются для непосредственнаго сознанія говорящихъ простыми словами, потому что глагола ять въ современномъ русскомъ языкѣ не существуетъ.

Мы должны различать нѣсколько категорій непростыхъ словъ:

1) *слитныя* слова; это - такія непростыя слова, которыя не разлагаются на слова, входящія въ ихъ составъ, на составныя части безъ утраты своего значенія, т.е. значеніе сочетанія словъ, образующаго слитное слово, отличается отъ сочетанія значеній тѣхъ же словъ; если a и b будутъ слова, входящія въ составъ слитнаго слова, и ab будетъ слитное ихъ сочетаніе, то ab по значенію отличается отъ a + b, т.е. неслитнаго сочетанія тѣхъ же словъ. Напримѣръ, въ русскомъ языкѣ къ слитнымъ словамъ принадлежатъ слова: "непріятель", "неправда" въ значеніи "врагъ", "ложь". Эти русскія слова, поскольку не въ ихъ составѣ сознается какъ отрицаніе, не разлагаются на составныя части безъ утраты значенія: не пріятель не значитъ то же, что и непріятель. Къ слитнымъ же словамъ въ русскомъ языкѣ принадлежатъ и такія слова, какъ "почему", "потому". Опять мы видимъ, что, напр., "почему" не разлагается на два слова по и чему безъ утраты значенія цѣлаго сочетанія. Равнымъ образомъ слово "Москварѣка", какъ собственное имя, хотя и разлагается по составу на два слова Москва (названіе рѣки) и рѣка, тѣмъ не менѣе по значенію отличается отъ неслитнаго сочетанія данныхъ словъ, являясь собственнымъ именемъ, тогда какъ сочетаніе двухъ отдѣльныхъ словъ Москва и рѣка этого значенія не имѣетъ. Правда, бываютъ такіе случаи, когда при нашемъ

правописаніи мы не отличаемъ въ письмѣ слитнаго слова отъ неслитнаго сочетанія; но это самаго языка не касается, такъ какъ правописаніе вещь условная и передаетъ факты языка часто непослѣдовательно; такой случай мы имѣемъ въ нашихъ словахъ: такъ какъ, потому что, оттого что (прежде писали и отъ того что) въ ихъ отличіи отъ неслитнаго сочетанія: такъ, какъ; потому, что; оттого, что.

Въ тѣхъ языкахъ, которые имѣютъ формы отдѣльныхъ словъ, принадлежащія имъ, какъ частямъ словосочетаній, возможны и такіе случаи, что два слова не составляютъ одного слова, но однородны по значенію со слитнымъ словомъ; это возможно тогда, когда первое изъ словъ, входящее въ составъ такого слитнаго по значенію слова, сохраняетъ свою форму, принадлежащую ему, какъ части въ словосочетаніи. Напримѣръ, такими словосочетаніями являются въ русскомъ языкѣ: "желѣзная дорога", "великій постъ"; значеніе сочетанія "желѣзная дорога" отличается, какъ названіе извѣстныхъ путей сообщенія, отъ неслитнаго сочетанія словъ желѣзная и дорога; точно также слитное сочетаніе "великій постъ", какъ названіе извѣстнаго, опредѣленнаго поста, отличается отъ неслитнаго сочетанія тѣхъ же словъ великій и постъ (сравн., напр., онъ постился цѣлый великій постъ и этотъ инокъ наложилъ на себя великій постъ). Такъ

какъ въ подобныхъ случаяхъ мы имѣемъ не одно слово, а цѣлое словосочетаніе, то такія словосочетанія, являющіяся по значенію, но не по формѣ, слитными словами, можно назвать *СЛИТНЫМИ СЛОВОСОЧЕТАНІЯМИ* или *СЛИТНЫМИ РЕЧЕНІЯМИ*.

2) Въ числѣ непростыхъ словъ мы должны отмѣтить классъ словъ *УДВОЕННЫХЪ*; удвоенное слово образуется такимъ повтореніемъ слова, которое сознается говорящими, какъ измѣняющее извѣстнымъ образомъ значеніе простого слова. Напримѣръ, въ русскомъ языкѣ мы имѣемъ такія удвоенныя слова, какъ большой большой, красный красный. Вѣдь "большой большой" не значитъ "большой" плюсъ еще "большой", а значитъ "очень большой"; "красный красный" значитъ такой "красный", который отличается по интенсивности краснаго цвѣта отъ обыкновеннаго краснаго. Вы видите такимъ образомъ, что въ приведенныхъ примѣрахъ повтореніе слова образуетъ удвоенное слово, а, напр., въ слѣдующихъ случаяхъ мы этого не находимъ; возьмемъ такое сочетаніе, какъ я вижу дома, дома; здѣсь повтореніе слова "дома" не образуетъ удвоеннаго слова, такъ какъ значеніе слова "дома" не измѣняется, и "дома, дома" здѣсь значитъ "дома и еще дома". Точно такъ же удвоеннымъ словомъ не является такое повтореніе слова, какъ "бѣда, бѣда!", потому что здѣсь повтореніе слова, не измѣняя его зна-

ченія, является средствомъ выразить нашъ особый интересъ къ данному предмету мысли; когда мы на улицѣ кричимъ: "извозчикъ, извозчикъ!", мы точно также повтореніемъ слова пользуемся какъ извѣстнымъ знакомъ языка, чтобы выразить нашъ особый интересъ къ данному предмету мысли.

3) Третій классъ непростыхъ словъ составляютъ *ГРАММАТИЧЕСКИ-СЛОЖНЫЯ* слова; это - такія непростыя слова, которыя имѣютъ форму, заключающую въ себѣ сложную основу. Сложная основа это такая основа, разлагающаяся на двѣ части (изъ нихъ первая часть въ свою очередь можетъ быть непростою), которая имѣетъ форму основосложенія или, иначе, форму словосложенія, образуемую сочетаніемъ основы формъ словоизмѣненія одного слова съ послѣдующею основою другого слова. Такимъ образомъ Вы видите, что существованіе въ языкѣ грамматически-сложныхъ словъ предполагаетъ уже существованіе простыхъ основъ въ словахъ, а потому и существованіе формъ простыхъ словъ. Первая часть сложной основы является или чистою, т.е. безъ всякихъ измѣненій, основою формъ словоизмѣненія извѣстнаго слова, или она является основою этихъ формъ съ извѣстнымъ видоизмѣненіемъ звуковой стороны, имѣющимъ формальное значеніе. Что касается второй части сложной основы, то она можетъ быть и отдѣльно существующимъ словомъ, и можетъ заключать въ

себѣ такую основу, которая является именно только во второй части сложенія. Приведу теперь примѣры: въ словѣ "языкознаніе" мы находимъ такое грамматически-сложное слово, которое заключаетъ въ себѣ сложную основу, первая часть которой представляетъ основу формъ словоизмѣненія слова "языкъ" съ извѣстнымъ формальнымъ видоизмѣненіемъ (не язык-, основа, отвлекаемая отъ языкъ, языка, языки и т.д., а языко-), между тѣмъ какъ вторая часть представляетъ собою отдѣльно существующее слово знаніе; въ словѣ "водовозъ" мы находимъ въ первой части сложной основы основу формъ словоизмѣненія слова "вода" съ извѣстнымъ формальнымъ видоизмѣненіемъ, а во второй части основу, являющуюся только во второй части сложной основы (основа слова "возъ" отличается по значенію отъ основы въ "-возъ" въ составѣ сложной основы); въ нѣмецкомъ Bergabhang мы находимъ въ первой части сложной основы основу формъ словоизмѣненія слова Berg въ чистомъ видѣ.

Почему же мы встрѣчаемъ въ извѣстныхъ случаяхъ въ первой части сложной основы основу не въ томъ видѣ, въ какомъ она является въ качествѣ основы формъ словоизмѣненія отдѣльнаго слова, нс съ извѣстнымъ звуковымъ видоизмѣненіемъ? На это даетъ отвѣтъ исторія языка. Вамъ извѣстно, что тѣ части слова, которыя называются основой и аффиксомъ, въ каждую данную эпоху въ

жизни языка опредѣляются путемъ психическихъ процессовъ изъ даннаго состоянія языка; см. объ этомъ выше. Такимъ образомъ, вслѣдствіе того, что съ теченіемъ времени въ жизни языка слова подвергаются измѣненіямъ въ ихъ звуковой сторонѣ, при чемъ окончаніе основы можетъ слиться въ одно цѣлое съ аффиксомъ, и получаются такіе случаи, въ которыхъ выдѣленіе въ словѣ основы и аффикса въ извѣстную эпоху жизни даетъ результаты, не совпадающіе съ результатами такого же процесса въ прошломъ языка. Если теперь мы представимъ себѣ, что извѣстное количество сложныхъ основъ унаслѣдовано языкомъ отъ прежней эпохи, когда первая часть сложной основы представляла собою основу формъ словоизмѣненія даннаго слова не въ томъ видѣ, въ какомъ она опредѣляется сознаніемъ говорящихъ въ послѣдующую эпоху, то мы поймемъ, почему первая часть сложной основы можетъ представлять собою основу формъ словоизмѣненія даннаго слова съ извѣстнымъ видоизмѣненіемъ въ звуковой сторонѣ. Само собою разумѣется, что по аналогіи старыхъ сложныхъ основъ могутъ возникать новыя, представляющія въ первой части основу формъ словоизмѣненія даннаго слова съ фонетическимъ видоизмѣненіемъ. Поясню сказанное примѣрами изъ русскаго языка. Русскій языкъ унаслѣдовалъ изъ общеславянскаго языка цѣлый рядъ грамматически-сложныхъ словъ, при чемъ уже

въ самомъ общеславянскомъ языкѣ старый типъ сложеній, полученный изъ индоевропейскаго праязыка, съ основою на индоевроп. a° въ первой части сложенія, представлялъ для сознанія говорящихъ въ 1-ой части основу формъ словоизмѣненія соотвѣтственнаго слова съ фонетическимъ видоизмѣненіемъ, такъ какъ старыя основы на a° вслѣдствіе фонетическихъ процессовъ стали уже основами на согласныя (имена типа рабъ имѣютъ старую основу на a°; въ настоящее время [и еще въ общеславянскомъ языкѣ] мы, какъ основу этого слова, выдѣляемъ только сочетаніе звуковъ раб); по аналогіи и основы формъ словоизмѣненія словъ, оканчивавшіяся нѣкогда на другіе звуки, а для сознанія говорящихъ однородныя съ основами типа раб (напр., слова типа жена имѣютъ старыя основы на ā[a]; для сознанія говорящихъ уже въ общеславянскомъ языкѣ основою здѣсь было только сочетаніе жен) стали получать въ окончаніи основы гласную o, входя въ качествѣ 1-ой части въ составъ сложныхъ основъ. Такимъ образомъ по аналогіи сложеній типа Богородица и др. появились сложенія типа водовозъ, медоточивый (слово медъ имѣетъ старую индоевропейскую основу на u, сравн. греческ. μέθυ), а по аналогіи такихъ сложеній, какъ воевода, гдѣ e изъ стараго o послѣ мягкой согласной j (vojevoda), появились и такіе типы сложеній, какъ землевѣдѣніе и т.п.

Итакъ, присутствіе въ языкѣ грамматически-сложныхъ словъ вноситъ въ него и новыя формы, именно формы основосложенія и формы образованія основы, какъ второй части въ сложной основѣ. Формою основосложенія по отношенію къ самимъ предметамъ мысли обозначается, слѣдовательно, сочетаніе одного предмета мысли съ другимъ въ одномъ предметѣ мысли, образуется новый предметъ мысли, имѣющій сложный по своему происхожденію знакъ. Формами образованія основы во второй части сложной основы данный предметъ мысли обозначается, какъ образующій часть другого, сложнаго предмета мысли, самая же основа обозначается при этомъ, какъ часть другой, сложной основы (сравн. русскія слова пароходъ, водовозъ).

4) *составныя* слова; это - такія непростыя слова, которыя разлагаются на двѣ части, при чемъ одна изъ нихъ является частичнымъ словомъ, обозначающимъ нѣчто въ значеніи другого, полнаго слова, какъ отдѣльнаго знака предмета мысли, видоизмѣняющимъ, другими словами, значеніе другого, полнаго слова, какъ отдѣльнаго знака предмета мысли. Выше я говорилъ, что кромѣ частичныхъ отдѣльныхъ словъ бываютъ и такія частичныя слова, которыя извѣстнымъ образомъ видоизмѣняютъ значеніе другого, полнаго слова; теперь мы и познакомимся съ частичными словами этого рода, явля-

ющимися частью составныхъ словъ. Такія частичныя слова называются иначе *ПРИСТАВКАМИ*. Приставки бываютъ отдѣляемыя и неотдѣляемыя (я здѣсь имѣю въ виду факты самого языка, а не правописанія). Въ такихъ русскихъ составныхъ словахъ, какъ, напр., унести и принести, приставки у и при - неотдѣляемыя. Далѣе, къ составнымъ словамъ въ русскомъ языкѣ принадлежатъ и такія слова, какъ непріятель, несчастье, недругъ, поскольку не здѣсь сознается приставкой, измѣняющей значеніе слова, съ которымъ она соединяется, въ значеніе противопо - ложное. Само собою разумѣется, что эти же слова, какъ мы видѣли выше, могутъ сознаваться нами и какъ слитныя слова, поскольку мы ихъ разлагаемъ на отрицаніе не + другое слово.

Составныя слова могутъ быть грамматически-составными словами.

Грамматически-составныя слова перваго типа представляютъ грамматически-составную основу, а грамматически-составной основой мы называемъ такую составную основу, которая имѣетъ форму (грамматическій фактъ), принадлежащую ей, какъ составной основѣ. Въ русскомъ языкѣ составныя слова увести и уводить, принести и приносить и т.п. являются грамматически-составными основами, такъ какъ въ данныхъ основахъ мы находимъ извѣстную форму, именно форму вида, образующуюся здѣсь въ глаголь-

ной основѣ, соединенной съ приставкой.

Другой типъ грамматически-составныхъ словъ существуетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда вторая часть составного слова имѣетъ такую форму основы, которая ей принадлежитъ именно, какъ второй части непростого слова. Основы, являющіяся въ составныхъ словахъ этого типа, могутъ быть нами называемы сложно-составными основами. Напримѣръ, въ русскомъ языкѣ такая основа является въ словѣ безрукій, или въ словѣ безбородый; здѣсь во второй части непростой основы мы находимъ основу въ той же формѣ второй части непростой основы, какую она имѣетъ въ грамматически-сложныхъ словахъ; сравн. длиннорукій, длиннобородый и т.п.

Грамматически-составныя слова третьяго типа имѣютъ составную формальную принадлежность, а составная формальная принадлежность получается тогда, когда частичное слово имѣетъ значеніе формальной принадлежности другого полнаго слова такъ, что при этомъ получается новая форма. Напримѣръ, въ русскомъ языкѣ такого рода составную формальную принадлежность имѣетъ глаголъ въ формѣ условнаго наклоненія (напр., "я дѣлалъ бы", "я говорилъ бы"), гдѣ частичное слово бы видоизмѣняетъ значеніе формальной принадлежности другого полнаго слова. Приставки.съ такимъ значеніемъ могутъ быть называемы грамматическими приставками. Въ русскомъ языкѣ

грамматическая приставка бы является отдѣляемой.

Съ составными словами однородны по значенію, но не по формѣ, и такія сочетанія слова, имѣющаго значеніе приставки, съ другимъ полнымъ словомъ, въ которомъ слово, имѣющее значеніе приставки, само представляетъ форму цѣлаго слова; слѣдовательно, это слово, приставка по значенію, по отношенію къ присутствію въ немъ формы цѣлаго слова является не частичнымъ, но полнымъ словомъ. Такого рода сочетанія словъ, однородныя по значенію съ составными словами, могутъ быть называемы *составными реченіями* (отличать отъ "слитныхъ реченій"). Составныя реченія являются, напр., въ греческомъ языкѣ въ сочетаніи члена въ его формахъ съ существительными именами (ὁ πατήρ, τοῦ πατρός и т.д.); членъ по происхожденію указательное мѣстоименіе, ставъ по значенію приставкой, онъ сохранилъ формы, принадлежавшія ему, какъ полному слову; по значенію греческій членъ - - приставка, такъ какъ онъ существуетъ только въ сочетаніи съ существительнымъ, не имѣетъ самостоятельнаго значенія и обозначаетъ нѣчто въ значеніи существительнаго (πατήρ - отецъ, ὁ πατήρ - отецъ, о которомъ шла или идетъ рѣчь, мой отецъ и т.д.). Всякое частичное слово со значеніемъ приставки въ составныхъ реченіяхъ является по своему происхожденію полнымъ словомъ, не-мѣнившимъ свое значеніе (сравн. что сказано мною о

происхожденіи члена въ греческомъ языкѣ).

СОСТАВНЫЯ ФОРМЫ ПОЛНЫХЪ СЛОВЪ.

Составныя формы полныхъ словъ по своему значенію не отличаются отъ простыхъ формъ, отличаясь отъ нихъ по образованію. Образуются онѣ тогда, когда форма полнаго слова соединяется съ частичнымъ словомъ, имѣющимъ формы и измѣняющимъ своими формами значеніе формъ полнаго слова. Такое частичное слово въ отличіе отъ прочихъ частичныхъ словъ можно назвать грамматическимъ частичнымъ словомъ. Въ индоевропейскихъ языкахъ грамматически-частичными словами являются извѣстные глаголы, такъ-называемые вспомогательные глаголы, измѣнившіе свое первоначальное значеніе (напр., глагольный корень индоевроп. a^{e}s, являясь въ отдѣльныхъ индоевропейскихъ языкахъ вспомогательнымъ глаголомъ, уже не имѣетъ своего первоначальнаго значенія "существовать"). Въ русскомъ языкѣ составною формою полныхъ словъ является форма будущаго времени извѣстныхъ глаголовъ, напр., "я буду говорить", "я буду дѣлать" и т.д. въ соотношеніи съ такою простою формою, какъ форма настоящаго времени, "говорю", "дѣлаю". Въ латинскомъ языкѣ составная по своему образованію форма полныхъ словъ - форма латинскаго перфекта страдательнаго залога (напр., lauda-

tus est) въ ея соотношеніи съ такою простою формою, какъ соотвѣтственная форма настоящаго времени laudatur. Въ нѣмецкомъ языкѣ составною формою является форма нѣмецкаго перфекта, напр., ich habe gelobt, ich bin gegangen, или форма нѣмецкаго пассива ich werde gelobt въ ихъ соотношеніи съ простыми ich lobe, ich gehe, ich lobe. Сравн. однородныя французскія формы: j'ai donné, je suis venu въ ихъ соотношеніи съ простыми формами je donne, je viens, и французское je suis aimé въ соотношеніи съ простою формою j'aime.

Надо замѣтить, что терминъ "составная форма полнаго слова" распространяется иногда и на формы съ составными формальными принадлежностями, о которыхъ я говорилъ выше, при чемъ тѣ и другія формы одинаково называются "описательными". Изъ того, что мною сказано, Вы видите, что подобное употребленіе терминовъ не имѣетъ достаточныхъ основаній.

Исторія отдѣльныхъ индоевропейскихъ языковъ показываетъ намъ, что здѣсь съ теченіемъ времени все большимъ и большимъ распространеніемъ пользуются составныя формы словъ частью взамѣнъ простыхъ формъ, утрачиваемыхъ по той или другой причинѣ. Составныя формы съ теченіемъ времени могутъ обращаться въ формы съ составными формальными принадлежностями или въ простыя формы съ простыми формальными принадлежностями, при

чемъ, какъ я говорилъ въ отдѣлѣ объ образованіи простыхъ формъ, полное слово становится основою, а грамматически-частичное слово становится аффиксомъ. Въ дальнѣйшей жизни языка новая простая форма, возникшая такимъ образомъ изъ составной формы, можетъ снова уступить мѣсто новой составной формѣ и т.д. Такого рода постепенную смѣну простыхъ формъ составными и переходъ послѣднихъ въ новыя простыя формы мы можемъ наблюдать въ исторіи латинскаго языка и его потомковъ, языковъ романскихъ. Простая форма будущаго времени, полученная латинскимъ языкомъ изъ индоевропейскаго праязыка (а здѣсь основа будущаго времени оканчивалась на s̲i̲a̲^{o} и s̲i̲a̲^{e} съ чередованіемъ по формамъ лица; личные суффиксы были тѣ же, что и въ формѣ настоящаго времени; отсюда объясняются такія древнеиндійскія образованія, какъ dāsyā̆mi [y̲ обозначаетъ i̲] "я буду давать" отъ глагольнаго корня dā̲; греческ. δώσω по происхожденію конъюнктивъ сигматическаго аориста), здѣсь была утрачена и замѣнена въ извѣстныхъ глаголахъ формою conjunctivi (a̲g̲a̲m̲), а въ извѣстныхъ глаголахъ составною формою, обратившеюся съ теченіемъ времени въ простую форму (l̲a̲u̲d̲a̲b̲o̲); въ составъ этой составной формы входитъ въ качествѣ вспомогательнаго глагола тотъ же глагольный корень въ извѣстной формѣ, который является и въ латинскомъ feci, futurus, при

чемъ различіе между f и b обусловлено различіемъ въ фонетическомъ положеніи. Въ романскихъ языкахъ, напр., во французскомъ языкѣ эта простая уже форма будущаго (типа laudabo) была утрачена и замѣнена новою описательною формою, ставшею снова простою (aimerai, aimeras по происхожденію разлагаются на aimer + ai, aimer + as и т.д.). Примѣромъ измѣненія составной формы въ форму съ составной формальною принадлежностью служитъ русское условное наклоненіе (я дѣлалъ бы и т.д.), гдѣ бы по происхожденію форма 2-го и 3-го л.ед.ч. аориста БЫХЪ, употреблявшагося въ качествѣ вспомогательнаго глагола въ соединеніи съ формою прошедшаго времени для образованія условнаго наклоненія; сравн. еще въ древнерусскомъ языкѣ БЫХѢМЪ УЧИНИЛИ, БЫ МИРЪ ТВЬРДЪ БЫЛЪ (грам. 1229 г.), БЫСТЕ ПУСТИЛИ и т.д. (см. Соболевскій, Лекціи по исторіи русскаго языка, 3-ье изд., стр. 239).

СЛОВА - СЛОВОСОЧЕТАНІЯ.

Мы окончили обзоръ отдѣльныхъ словъ и такихъ сочетаній отдѣльныхъ словъ, которыя однородны по значенію съ отдѣльными словами, и, слѣдовательно, мы можемъ теперь приступить къ обзору тѣхъ сочетаній словъ, которыя мы будемъ называть словосочетаніями. Предваритель-

но, однако, я долженъ остановиться на такихъ соединеніяхъ отдѣльныхъ словъ, которыя занимаютъ промежуточное, какъ мы сейчасъ увидимъ, мѣсто между отдѣльными словами и словосочетаніями. Такого рода соединенія словъ, которыя условно можно называть *СЛОВАМИ-СОЧЕТАНІЯМИ*, совершенно неизвѣстны ни въ индоевропейскихъ, ни въ большинствѣ другихъ языковъ. Существуютъ они въ различныхъ американскихъ языкахъ, въ различныхъ семействахъ этихъ языковъ, которыя, можетъ быть, и неродственны другъ-другу по происхожденію (см. генеалогическую классификацію языковъ), и составляютъ характерный ихъ признакъ. Слова-словосочетанія, существующія въ американскихъ языкахъ, заключаютъ въ первой части соединенія (а она можетъ быть въ свою очередь сложной) основы отдѣльныхъ полныхъ словъ безъ всѣхъ тѣхъ аффиксовъ, которые присоединяются къ этимъ основамъ въ отдѣльныхъ словахъ, имѣющихъ форму словообразованія. Итакъ, по образованію они отличаются отъ грамматически-сложныхъ словъ нашихъ языковъ. Отличаются они отъ нихъ рѣзко и по значенію. Какъ мы видѣли выше, въ грамматически-сложныхъ словахъ основы соединяются въ одной основѣ безъ всякаго отношенія къ предложенію, образуя основу сложнаго знака предмета мысли, а въ словахъ-словосочетаніяхъ основы въ первой части соединенія соединяются съ основами словъ во вто-

рой части соединенія, какъ основы и съ основами такихъ словъ, которыя являются частями въ предложеніяхъ. Такимъ образомъ, слова-словосочетанія американскихъ языковъ, заключающія въ себѣ соединенія словъ, какъ частей предложенія, не являются словосочетаніями по тому уже, что въ первой части заключаютъ не отдѣльныя слова, а лишь ихъ части, т.е. соновы. Съ другой стороны, эти слова-словосочетанія не являются и отдѣльными непростыми по составу словами, такъ какъ они заключаютъ въ себѣ соединеніе словъ въ предложеніи. Приблизительно мы могли бы представить себѣ такія слова-словосочетанія, если бы предположили существованіе у насъ такихъ образованій, какъ водпью въ значеніи "пью воду", гдѣ вод- обозначалось бы, какъ второстепенная часть предложенія. Въ языкѣ ацтековъ, напр., naka-tl значитъ "мясо", kwa - "ѣсть", а сочетаніе ni-naka-kwa значитъ "я ѣмъ мясо" (приблизительно, я-мяс-ѣмъ), ti--naka-kwa - "ты ѣшь мясо" и т.д.

По отношенію къ образованію формъ отдѣльныхъ полныхъ словъ американскіе языки принадлежатъ къ языкамъ агглютинативнымъ, а по отношенію къ присутствію въ нихъ формъ, образующихъ слова-словосочетанія, американскіе языки представляютъ въ морфологической классификаціи языковъ особый классъ такъ-называемыхъ полисинтетическихъ языковъ.

СЛОВОСОЧЕТАНІЯ. ЧАСТИ ИХЪ. ПОЛНЫЯ ПРЕДЛОЖЕНІЯ.

Словосочетаніемъ называется такое цѣлое, которое образуется сочетаніемъ въ мышленіи и въ рѣчи одного полнаго слова съ другимъ цѣльнымъ полнымъ словомъ, какъ съ частью въ предложеніи. Этимъ словосочетаніе отличается отъ сочетаній словъ, однородныхъ по значенію съ простыми словами, о чемъ я говорилъ уже выше. Итакъ, словосочетаніе выражаетъ въ рѣчи, по отношенію къ лицу говорящему, сочетаніе въ его мышленіи представленія одного полнаго слова съ представленіемъ другого полнаго слова, какъ частей сужденія, а, по отношенію къ слушателю, словосочетаніе является знакомъ такого сочетанія представленія одного полнаго слова съ представленіемъ другого полнаго слова, которое образовалось въ мышленіи другого лица по отношенію именно къ представленіямъ словъ.

Всякое простое словосочетаніе состоитъ изъ двухъ частей: части несамостоятельной, соединяющейся съ другою частью, и части самостоятельной, той части, съ которою соединяется несамостоятельная часть даннаго словосочетанія. Въ такихъ словосочетаніяхъ, какъ "Пушкинъ поэтъ", "птица летаетъ", "погода хороша", "хорошая по-

года", мы, слѣдовательно, различаемъ самостоятельныя (Пушкинъ, птица, погода) и несамостоятельныя части (поэтъ, летаетъ, хороша, хорошая). Словосочетанія бываютъ двухъ типовъ: законченныя и незаконченныя. Незаконченнымъ словосочетаніе является тогда, когда его самостоятельная часть образуетъ въ то же время часть другого словосочетанія; напр., словосочетаніе "хорошая погода", взятое не само по себѣ, а такимъ образомъ, что слово "погода" входитъ въ составъ другого словосочетанія (напр., "хорошая погода настала") является словосочетаніемъ незаконченнымъ. Въ законченномъ же словосочетаніи одно слово сочетается съ другимъ, какъ одна часть сужденія съ другою частью сужденія, а мы видѣли уже раньше, что такія сужденія, которыя образуются изъ представленій словъ, называются предложеніями. Слѣдовательно, терминъ "законченное словосочетаніе" и терминъ "предложеніе полное" являются въ языковѣдѣніи синонимами. Части такого законченнаго словосочетанія образуютъ собою части предложенія: самостоятельная по значенію его часть есть подлежащее предложенія, несамостоятельная по значенію часть есть сказуемое предложенія. Незаконченное словосочетаніе не есть полное сужденіе, но является лишь его частью, при чемъ въ немъ обозначаются предметы мысли въ томъ ихъ сочетаніи, которое уже прежде открыто мыслью. Напр., незакон-

ченное словосочетаніе "хорошая погода",являясь частью предложенія "хорошая погода настала", обозначаетъ предметы мысли, входящіе въ его составъ, въ томъ ихъ сочетаніи, которое для даннаго процесса мысли уже дано, уже образовано прежде мыслью. Итакъ, всякое законченное словосочетаніе есть предложеніе, хотя не всякое законченное словосочетаніе является въ то же время грамматическимъ предложеніемъ. Объ этомъ я буду говорить подробно въ слѣдующемъ отдѣлѣ, а о предложеніяхъ неполныхъ, незаконченныхъ въ рѣчи я говорилъ уже раньше (см. отдѣлъ "языкъ въ процессѣ мышленія и въ процессѣ рѣчи").

Въ предложеніяхъ, какъ законченныхъ словосочетаніяхъ, мы должны различать предложенія простыя и предложенія непростыя. Непростыя предложенія получаются тогда, когда въ составъ ихъ входятъ незаконченныя словосочетанія. Слѣдовательно, въ непростомъ предложеніи мы должны различать главныя, уже названныя мною, части и части второстепенныя, которыми являются несамостоятельныя части незаконченныхъ словосочетаній, входящихъ въ составъ даннаго предложенія. По различіямъ въ значеніи въ этихъ второстепенныхъ частяхъ предложенія мы должны различать: 1) *ДОПОЛНЕНІЕ*, 2) *ОПРЕДѢЛЕНІЕ* и 3) *ОБСТОЯТЕЛЬСТВО*. Дополненіемъ называется такая второстепенная часть предложенія, которая обозначаетъ са-

мостоятельный предметъ мысли въ данномъ, извѣстномъ уже отношеніи его къ другому предмету мысли въ части предложенія; сравн., напр., дополненія въ такихъ предложеніяхъ, какъ: "домъ отца обширенъ", "я читаю книгу", "я даю тебѣ перо" и т.п. Опредѣленіемъ называется такая второстепенная часть предложенія, которая обозначаетъ несамостоятельный предметъ мысли (признакъ) въ его принадлежности другому самостоятельному предмету мысли въ части предложенія; сравн. опредѣленія въ такихъ предложеніяхъ, какъ: "хорошая погода настала"; "старинныя монеты цѣнятся" и т.п. Наконецъ, обстоятельствомъ называется такая второстепенная часть предложенія, которая обозначаетъ несамостоятельный предметъ мысли (признакъ) въ его принадлежности другому несамостоятельному предмету мысли въ части предложенія, т.е. обстоятельство обозначаетъ въ данномъ предметѣ мысли п р и з н а к ъ п р и з н а к а; сравн. обстоятельства въ такихъ предложеніяхъ, какъ: "я читаю хорошо", "я быстро бѣгаю" и т.п.

Частичныя слова, обозначающія нѣчто въ значеніяхъ полныхъ словъ, какъ частей предложенія, въ соединеніи съ этими полными словами образуютъ, слѣдовательно, составныя части предложенія. Объ этихъ частичныхъ словахъ я говорилъ выше, а потому здѣсь я могу ограничиться только приведеніемъ нѣкоторыхъ примѣровъ: се-

ставное дополненіе мы имѣемъ, напр., въ случаѣ соединенія полнаго слова, являющагося дополненіемъ, съ предлогомъ; сравн. такіе случаи, какъ: "я иду къ тебѣ" "я говорю о тебѣ", "я сижу у окна" и т.п.; составное опредѣленіе мы имѣемъ, напр., въ предложеніяхъ: "старый-то человѣкъ многое видѣлъ"; "очень хорошая погода настала"; составнымъ сказуемое является тогда, когда оно состоитъ изъ полнаго слова и связки, напр., въ предложеніи: "онъ былъ веселъ" мы имѣемъ составное сказуемое "былъ веселъ".

ГРАММАТИЧЕСКОЕ СЛОВОСОЧЕТАНІЕ.

Познакомившись съ словосочетаніемъ и его частями, мы должны перейти теперь къ вопросу о томъ, какимъ образомъ обозначаются въ языкѣ части словосочетанія.

Такое словосочетаніе, части котораго обозначены въ языкѣ, какъ таковыя, мы называемъ словосочетаніемъ грамматическимъ. Части словосочетанія обозначаются или 1) въ нихъ самихъ при посредствѣ формъ отдѣльныхъ полныхъ словъ, или 2) въ сочетаніи ихъ между собою при посредствѣ формъ соединенія словъ въ словосочетаніяхъ. Итакъ, словосочетаніе является грамматическимъ или 1) тогда, когда части его при посредствѣ формъ отдѣльныхъ

полныхъ словъ обозначены, какъ таковыя, т.е. являются грамматическими, или 2) тогда, когда самое сочетаніе частей его является грамматическимъ. Само собою разумѣется, что грамматическія словосочетанія перваго типа возможны только въ языкахъ, имѣющихъ формы отдѣльныхъ полныхъ словъ, а грамматическія словосочетанія второго типа возможны въ такихъ языкахъ, которые, не имѣя формъ отдѣльныхъ полныхъ словъ, имѣютъ формы сочетанія словъ въ словосочетаніяхъ.

ГРАММАТИЧЕСКІЯ СЛОВОСОЧЕТАНІЯ СЪ ГРАММАТИЧЕСКИМИ ИХЪ ЧАСТЯМИ.

Въ грамматическихъ законченныхъ словосочетаніяхъ мы выдѣляемъ грамматически-самостоятельную и грамматически-несамостоятельную части. Грамматически-самостоятельная часть словосочетанія образуется соединеніемъ съ даннымъ словомъ другого слова, представляющаго собою грамматически-несамостоятельную часть даннаго словосочетанія. Грамматически-несамостоятельная часть образуется или 1) при посредствѣ тѣхъ формъ отдѣльныхъ полныхъ словъ, которыя по ихъ значенію являются формами словъ, какъ частей предложенія (см. отдѣлъ о значеніи формъ отдѣльныхъ полныхъ словъ), или 2) при посредствѣ соединенія полнаго слова съ частичнымъ словомъ, измѣня-

ющимъ первое слово въ несамостоятельную часть словосочетанія, т.е. обозначающимъ въ данномъ предметѣ мысли его отношеніе къ предмету мысли въ другой части словосочетанія (сравн. въ русскомъ языкѣ первый способъ въ нашемъ "домъ отца" и второй способъ во французскомъ языкѣ, напр., въ "la maison de mon père"); наконецъ, въ 3) примѣняется въ нашихъ языкахъ, имѣющихъ формы отдѣльныхъ полныхъ словъ, частью способъ обозначенія несамостоятельной части грамматическаго словосочетанія при посредствѣ извѣстнаго порядка, въ которомъ существительное слово, въ роли самостоятельной и въ роли несамостоятельной части словосочетанія, сочетается съ другимъ словомъ, являющимся по самой формѣ несамостоятельною частью словосочетанія (сравн. во французскомъ языкѣ различіе между mon père aime ma mère и ma mère aime mon père: существительное въ положеніи передъ глаголомъ является самостоятельною частью словосочетанія, а въ положеніи послѣ глагола - несамостоятельною частью словосочетанія).

Словосочетаніе съ грамматическими частями является грамматическимъ предложеніемъ, какъ скоро грамматическія его части различаются, какъ грамматическое подлежащее и грамматическое сказуемое. Грамматическимъ сказуемымъ является та часть словосочетанія, которая заключаетъ въ себѣ грамматическую форму сказуемости (см.

выше отдѣлъ о значеніи формъ отдѣльныхъ полныхъ словъ), а грамматическимъ подлежащимъ является та часть словосочетанія, съ которою сочетается грамматическое сказуемое, какъ съ самостоятельною частью словосочетанія. Изъ того, что мною говорилось раньше, Вы видите уже, что въ нашихъ индоевропейскихъ языкахъ грамматическое сказуемое можетъ быть простымъ и составнымъ; составное сказуемое образуется соединеніемъсъ частью словосочетанія того частичнаго слова, которое само имѣетъ формы сказуемости (грамматическая связка); сравн. въ русскомъ языкѣ составное сказуемое въ предложеніи "Пушкинъ былъ поэтъ". Простое сказуемое можетъ въ свою очередь являться съ составною формою сказуемости (см. выше), напр., сказуемое съ составною формою сказуемости въ русскомъ "онъ будетъ говорить". Кромѣ грамматическаго сказуемаго грамматическое предложеніе можетъ заключать въ своемъ составѣ и грамматическія второстепенныя части: грамматическое опредѣленіе,грамматическое дополненіе и грамматическое обстоятельство. Какъ скоро грамматическое словосочетаніе не имѣетъ въ своемъ составѣ грамматическаго подлежащаго и грамматическаго сказуемаго, а имѣетъ только второстепенную грамматическую часть въ соединеніи съ самостоятельною или въ извѣстномъ случаѣ съ несамостоятельною частью, оно является грамматически-незаконченнымъ; сравн. та-

кія грамматическія словосочетанія, какъ "хорошая погода", "гуляли долго".

Грамматическія части словосочетанія мы отнюдь не должны смѣшивать съ неграмматическими ихъ частями, т.е. тѣми частями, которыя опредѣляются по неграмматическому ихъ значенію по отношенію къ процессу данной мысли. Равнымъ образомъ и грамматическое предложеніе мы не должны смѣшивать съ неграмматическимъ. Правда, въ извѣстныхъ случаяхъ обѣ категоріи могутъ совпадать, но это бываетъ далекс не всегда. Напр., въ грамматическомъ предложеніи "летитъ птица" грамматическимъ сказуемымъ можетъ быть только "летитъ", грамматическимъ подлежащимъ - только "птица", а въ томъ же словосочетаніи, разсматриваемомъ по отношенію къ процессу мысли, неграмматическимъ подлежащимъ будетъ слово "летитъ", неграмматическимъ сказуемымъ "птица", такъ какъ въ данномъ сужденіи отправнымъ пунктомъ является понятіе, выраженное словомъ "летитъ" (сравн. что мною сказано выше о сужденіи). Далѣе, напр., такое словосочетаніе, какъ "хорошая погода" или "погода хорошая", съ точки зрѣнія грамматики незаконченное предложеніе, а по отношенію къ неграмматическому значенію оно можетъ быть и законченнымъ словосочетаніемъ, какъ скоро оно не составляетъ части другого словосочетанія (= словосочетанію "погода хороша", которое есть грамматическое

предложеніе, гдѣ сказуемымъ является "хороша", и гдѣ само отсутствіе связки въ соотношеніи съ предложеніемъ "погода была хороша", "погода будетъ хороша", обозначаетъ форму сказуемости, форму настоящаго времени).

Въ грамматическихъ словосочетаніяхъ порядокъ словъ можетъ быть свободнымъ, или несвободнымъ; несвободнымъ онъ бываетъ тогда, когда онъ не можетъ быть свободно измѣненъ безъ измѣненія или безъ утраты значенія словъ, какъ частей словосочетанія. Такимъ образомъ, понятіе "свободный порядокъ словъ" нельзя понимать такъ, будто бы въ языкѣ не было никакихъ опредѣленныхъ нормъ въ этомъ отношеніи, а слѣдуетъ понимать только въ томъ смыслѣ, что съ отступленіемъ отъ этихъ нормъ тамъ,гдѣ онѣ существуютъ, не связывается измѣненіе или утрата значенія словъ, какъ частей словосочетанія. Такой относительно свободный порядокъ словъ мы имѣемъ, напр., въ русскомъ языкѣ, гдѣ мы можемъ сказать: "я читаю книгу" и "книгу читаю я", хотя послѣднее и не совсѣмъ обычно. Сравн. несвободный порядокъ словъ, напр., во французскомъ языкѣ, гдѣ только je lie un livre.

ГРАММАТИЧЕСКОЕ СЛОВОСОЧЕТАНІЕ СЪ ГРАММАТИЧЕСКИМЪ СОЧЕТАНІЕМЪ ЕГО ЧАСТЕЙ.

Грамматическія словосочетанія этого типа существу-

Пр. В. К. ПОРЖЕЗИНСКАГО
СРАВН. ЯЗЫКОВѢДѢНІЕ

Листъ 18-й
ЛИТОГРАФІЯ Ю. ВЕНЕРЪ, МОСКВА.

ютъ въ языкахъ, не имѣющихъ формъ отдѣльныхъ полныхъ словъ. Сочетаніе частей словосочетанія является грамматическимъ въ томъ случаѣ, когда оно заключаетъ въ себѣ форму соединенія словъ въ словосочетаніяхъ, а въ этой формѣ формальною принадлежностью является самый порядокъ сочетанія словъ въ словосочетаніи. Напр., первое слово въ словосочетаніи обозначается этимъ самымъ уже, какъ самостоятельная его часть, второе слово - какъ несамостоятельная и т.п. Такого рода грамматическія словосочетанія особенно развиты въ китайскомъ языкѣ, гдѣ при посредствѣ формъ сочетанія словъ различаются не только главныя и второстепенныя части предложенія, но и въ самихъ значеніяхъ словъ различаются извѣстные классы значеній.

ПРЕДЛОЖЕНІЯ И ИХЪ СОЧЕТАНІЯ.

Если мы возьмемъ въ рѣчи рядъ предложеній, то отношеніе между ними можетъ быть двоякое: или одно предложеніе относится къ другому, какъ самостоятельное къ самостоятельному, или - какъ несамостоятельное къ самостоятельному.

Предложенія самостоятельныя иначе называются главными, а несамостоятельныя - придаточными. Несамосто-

ятельными предложенія являются тогда, когда обозначено, что данное предложеніе дается не само по себѣ, а - въ поясненіе главнаго или части главнаго предложенія. Значитъ, въ придаточныхъ предложеніяхъ мы должны различать 1) такія, которыя даются въ поясненіе цѣлаго главнаго предложенія, и 2) такія, которыя образуются въ поясненіе только его части, составляютъ, слѣдовательно, сами часть другого предложенія; напримѣръ, въ русскомъ языкѣ предложенія такого типа, которыя начинаются съ союза "если", поясняютъ цѣлое главное предложеніе: напр., "я пойду гулять, если будетъ хорошая погода"; а русскія придаточныя предложенія съ союзомъ "что" или съ относительнымъ словомъ поясняютъ уже не цѣлое главное предложеніе, а извѣстную его часть: напр., "я говорю, что погода хороша"; "я купилъ домъ, который стоитъ на горѣ".

Сочетаніе придаточнаго предложенія съ главнымъ образуетъ то цѣлое, которое мы называемъ сложнымъ предложеніемъ. Само собою разумѣется, что извѣстное предложеніе, являясь придаточнымъ по отношенію къ другому, главному предложенію, въ то же время можетъ быть главнымъ по отношенію къ другому придаточному и т.д.

То отношеніе, въ какомъ находятся предложенія другъ къ другу, какъ главное къ главному, называется сочиненіемъ; то отношеніе, въ какомъ находится придаточное

предложеніе къ главному, называется подчиненіемъ.

Сочиненіе предложеній можетъ оставаться въ языкѣ не выраженнымъ, не обозначеннымъ особымъ словомъ: предложенія могутъ слѣдовать другъ за другомъ такъ, что связь между ними остается въ языкѣ не обозначенной; напр., "Я пошелъ гулять. Была хорошая погода". - Съ другой стороны, сочиненіе предложеній можетъ быть выражено въ языкѣ посредствомъ частичныхъ словъ. Такими частичными словами въ русскомъ языкѣ являются союзы: и, же, но, а, однако, слѣдовательно, итакъ и др.

Отношеніе придаточнаго предложенія къ главному всегда въ языкѣ выражается извѣстнымъ способомъ. Въ нашемъ языкѣ для этого служатъ 1) извѣстные союзы: чтобы, что, если и т.п.; 2) такое подчиненіе придаточнаго предложенія главному, при которомъ придаточное предложеніе разъясняетъ часть главнаго, обозначается и такъ-называемыми мѣстоименными относительными словами, которыя показываютъ, что данный предметъ мысли тождественъ съ предметомъ мысли, который является въ части другого главнаго предложенія; въ русскомъ языкѣ сюда принадлежатъ слова "который", "когда" и т.п. съ относительнымъ значеніемъ, напр., "человѣкъ, который прямо стремится къ цѣли, достоинъ уваженія".

Тѣ придаточныя предложенія, которыя вводятся посредствомъ союзовъ и разъясняютъ только часть главнаго пред-

ложенія, мы можемъ называть *ДОПОЛНИТЕЛЬНЫМИ* (сюда входятъ не только тѣ предложенія, которыя въ элементарныхъ грамматикахъ называются дополнительными), тѣ же, которыя вводятся посредствомъ союзовъ и разъясняютъ цѣлое главное предложеніе, мы будемъ называть *ОБСТОЯТЕЛЬСТВЕННЫМИ*, а тѣ придаточныя предложенія, которыя вводятся относительными словами, мы называемъ *ОТНОСИТЕЛЬНЫМИ*.

При сочетаніи одного предложенія съ другимъ, какъ главнаго съ придаточнымъ, можетъ получиться и такъ-называемое *СЛИТНО-СЛОЖНОЕ* предложеніе. Въ слитно-сложномъ предложеніи придаточное предложеніе обозначается посредствомъ такой его принадлежности (положительной или отрицательной), которая сама по себѣ не имѣетъ этого значенія и получаетъ его лишь въ существующемъ сочетаніи даннаго предложенія съ другимъ. Напр., въ русскомъ языкѣ "увижу я его, я ему скажу" представляетъ слитно-сложное предложеніе потому, что здѣсь особый порядокъ словъ въ предложеніи "увижу я его" обозначаетъ то, что оно является придаточнымъ; въ самостоятельномъ предложеніи "увижу я его" такой порядокъ словъ не имѣетъ этого значенія и пріобрѣтаетъ его лишь въ сочетаніи съ другимъ предложеніемъ. Сравн. аналогичный случай въ нѣмецкомъ языкѣ: sehe ich ihn, so freue ich mich.

ВИДОИЗМѢНЕНІЯ ВЪ ПРОИЗНЕСЕНІИ, КАКЪ ЗНАКИ ЯЗЫКА.

Въ рѣчи, кромѣ знаковъ, которыми являются слова, есть еще другіе знаки, именно видоизмѣненія въ произнесеніи словъ, которыя представляютъ собою выраженія различныхъ чувствованій, вызываемыхъ въ говорящемъ предметами рѣчи или побуждающихъ его къ рѣчи. Сюда принадлежатъ: 1) тѣ видоизмѣненія въ произнесеніи словъ, которыя касаются различій въ силѣ, тонѣ, количествѣ времени, т.е. тѣ различія, которыя мы вообще называемъ различіями въ тонѣ рѣчи; 2) повтореніе слова, насколько оно не измѣняетъ его значенія; 3) измѣненія порядка расположенія словъ въ грамматическихъ словосочетаніяхъ въ языкахъ, имѣющихъ свободный порядокъ расположенія частей словосочетанія.

Посредствомъ различія въ тонѣ рѣчи въ указанномъ выше значеніи этого термина мы выражаемъ или извѣстные аффекты: гнѣвъ, удивленіе,или просьбу, вопросъ и т.п. Повтореніе словъ служитъ для обозначенія того, что данное слово имѣетъ для насъ особое значеніе, причемъ такое повтореніе слова надо отличать отъ повторенія, образующаго удвоенныя слова, о которыхъ я говорилъ: повтореніе, образующее удвоенныя слова, измѣняетъ значеніе даннаго слова, а повтореніе слова выражаетъ, что данное слово имѣетъ для насъ въ данный моментъ особый

интересъ: напр., "извозчикъ, извозчикъ!" Наконецъ, перестановка словъ въ грамматическомъ словосочетаніи тоже служитъ для того, чтобы показать, что для насъ въ данный моментъ имѣетъ особое значеніе слово, являющееся несамостоятельною частью сочетанія, а не то слово, которое является его самостоятельною частью; напр., "пять книгъ" и "книгъ пять", "стаканъ воды" и "воды стаканъ".

Всѣ упомянутыя выше видоизмѣненія въ произнесеніи словъ, какъ знаки языка, предполагаютъ существованіе тѣхъ же видоизмѣненій, какъ непосредственныхъ выраженій нашихъ чувствъ, и въ этомъ случаѣ они не принадлежатъ языку, хотя и существуютъ въ знакахъ языка. Становятся они знаками языка въ томъ случаѣ, если могутъ быть обнаруживаемы по волѣ говорящаго, т.е. какъ скоро говорящимъ сознается связь между извѣстнымъ видоизмѣненіемъ въ произнесеніи слова и даннымъ чувствованіемъ.

ДѢЛЕНІЕ НАУКИ О ЯЗЫКѢ НА ЧАСТИ.

Наука о языкѣ дѣлится на части въ зависимости отъ различія въ самихъ фактахъ и отъ различія тѣхъ явленій, которыя происходятъ въ этихъ фактахъ въ теченіе жизни языка.

По отношенію къ различію въ фактахъ наша наука дѣлится на двѣ части: I часть, изучающая знаки языка, являющіеся словами, во-вторыхъ, II часть, изучающая тѣ знаки языка, которые состоятъ въ видоизмѣненіи произнесенія словъ. Та часть языковѣдѣнія, которая изучаетъ слова языка, распадается на два отдѣла: 1) отдѣлъ, который изучаетъ слова языка безъ отношенія къ формамъ, которыя въ нихъ существуютъ, это - ЛЕКСИКОЛОГІЯ; 2) отдѣлъ, который изучаетъ слова языка по отношенію къ ихъ формамъ, - ГРАММАТИКА. Второй изъ названныхъ отдѣловъ распадается на два большихъ подотдѣла: 1) съ одной стороны, тотъ отдѣлъ, въ которомъ формы отдѣльныхъ словъ изучаются безъ отношенія къ словосочетаніямъ; этотъ отдѣлъ называется МОРФОЛОГІЕЙ; 2) съ другой стороны, тотъ отдѣлъ, въ которомъ изучаются формы словъ по отношенію къ употребленію ихъ въ словосочетаніяхъ, равно какъ и тѣ формы, которыя являются формами не отдѣльныхъ словъ, а формами сочетанія словъ въ словосочетаніяхъ, называется СИНТАКСИСОМЪ.

Разсмотрѣнные отдѣлы науки о языкѣ касаются словъ и ихъ формъ. Мы видѣли выше, что знаками языка кромѣ словъ могутъ быть и тѣ или другія видоизмѣненія въ произнесеніи словъ. Слѣдовательно, изученію такихъ видоизмѣненій мы должны посвятить особый отдѣлъ науки о языкѣ. Однако, до сихъ поръ этотъ отдѣлъ остается со-

вершенно неразработаннымъ, и нѣкоторые изъ относящихся сюда фактовъ разсматриваются обыкновенно въ связи съ тѣми или другими грамматическими фактами.

Далѣе, мы должны различать въ языкѣ матеріалъ для языка - звуки языка, слова въ ихъ звуковой сторонѣ, съ другой стороны, тѣ значенія, которыя связываются съ звуковой стороной языка. Отсюда Вы видите, что должны существовать два отдѣла въ наукѣ о языкѣ: 1) тотъ отдѣлъ, который изучаетъ звуки языка, называемый ФОНЕТИКОЙ; 2) отдѣлъ, изучающій значенія звуковой стороны языка, называемый СЕМАСІОЛОГІЕЙ. Такъ какъ внѣшняя сторона языка и значенія этой внѣшней его стороны не находятся, какъ я говорилъ выше, въ зависимости другъ отъ друга въ теченіе жизни языка, то и фонетика, и семасіологія представляютъ совершенно самостоятельные, независимые отдѣлы науки о языкѣ. Семасіологія, какъ наука о значеніяхъ словъ, касается не только значеній самихъ словъ, но и ихъ формъ. Обыкновенно подъ семасіологіей разумѣется только отдѣлъ о значеніяхъ самихъ словъ, а значенія формъ словъ разсматриваются въ грамматикѣ при изученіи этой послѣдней. Съ другой стороны, изученіе в с е й звуковой стороны языка безъ отношенія къ ея значенію составляетъ задачу фонетики.

Какъ внѣшняя сторона языка, его звуки, такъ и значенія звуковой стороны языка, съ теченіемъ времени въ

жизни языка подлежатъ измѣненіямъ. Мы должны различать: 1) измѣненіе уже существующихъ фактовъ; 2) утрату фактовъ, раньше существовавшихъ, и 3) появленіе новыхъ фактовъ. Такъ какъ задачею науки о языкѣ является изученіе его фактовъ въ ихъ исторіи, то поэтому всѣ отдѣлы науки о языкѣ и имѣютъ своею задачею раскрытіе исторіи той области фактовъ, которая составляетъ предметъ спеціальнаго ихъ изученія.

Въ виду того, что измѣненія звуковой стороны языка принадлежатъ къ наиболѣе доступнымъ и простымъ явленіямъ въ области науки о языкѣ, то изученіе исторіи языка и должно начинаться съ изученія его фонетики, тѣмъ болѣе, что безъ точнаго знанія въ этой области нельзя изучать и фактовъ грамматики.

Что касается фонетики, то, какъ мы видѣли уже раньше, измѣненія звуковой стороны языка происходятъ или въ силу измѣненія звуковъ языка въ условіяхъ ихъ образованія, будь то самихъ по себѣ, или подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ фонетическихъ условій (вліяніе ударенія, положенія звука въ словѣ и т.д.), или въ силу вліянія однихъ словъ на другія. Явленія перваго рода представляютъ измѣненія въ физической сторонѣ языка, явленія второго рода - явленія психологическія. Строго говоря, только явленія первой категоріи могутъ быть называемы фонетическими и могутъ составлять предметъ

изученія въ фонетикѣ; явленія второй категоріи не принадлежатъ сюда, называются НЕФОНЕТИЧЕСКИМИ и только въ цѣляхъ удобства разсматриваются обыкновенно вмѣстѣ съ явленіями фонетическими. Напримѣръ, въ русскомъ языкѣ измѣненіе е въ о съ предшествующею мягкою согласною въ нашихъ несёмъ, ведёмъ изъ несемъ, ведемъ есть явленіе фонетическое, обусловленное положеніемъ этого е подъ удареніемъ, не передъ мягкимъ звукомъ, а измѣненіе е въ о въ несёте, ведёте есть уже явленіе нефонетическое, вызванное вліяніемъ на эти слова словъ несёмъ, ведёмъ.

О томъ, какъ разграничивается область фонетики, какъ извѣстнаго отдѣла науки о языкѣ, и область физіологіи звуковъ рѣчи, какъ отдѣла общей физіологіи, я уже говорилъ раньше: фонетика изучаетъ звуковой составъ даннаго языка въ его современномъ состояніи и въ его исторіи, а физіологія звуковъ рѣчи изучаетъ общія условія образованія звуковъ рѣчи.

Что касается семасіологіи, то всякія измѣненія значеній въ языкѣ, какъ это ясно изъ сказаннаго мною выше въ соотвѣтственномъ отдѣлѣ, происходятъ вслѣдствіе дѣйствія законовъ психической ассоціаціи. Значитъ, вооружившись необходимыми свѣдѣніями изъ соотвѣтственнаго отдѣла психологіи, мы должны приступать къ изученію того, почему въ каждомъ данномъ случаѣ имѣла дѣйствіе

такая-то ассоціація, слѣдствіемъ чего явилось такое--то измѣненіе значенія. До сихъ поръ еще, однако, даже общіе вопросы семасіологіи мало разработаны, и лингвисты, занимающіеся семасіологіей, не вышли еще изъ стадіи накопленія фактовъ, данныхъ и не приступали еще вообще къ ихъ научному анализу и синтезу. Дальнѣйшіе успѣхи семасіологіи находятся въ тѣсной зависимости отъ успѣховъ историческаго изученія отдѣльныхъ языковъ.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общества наук
Академии наук СССР

----ooo0ooo----